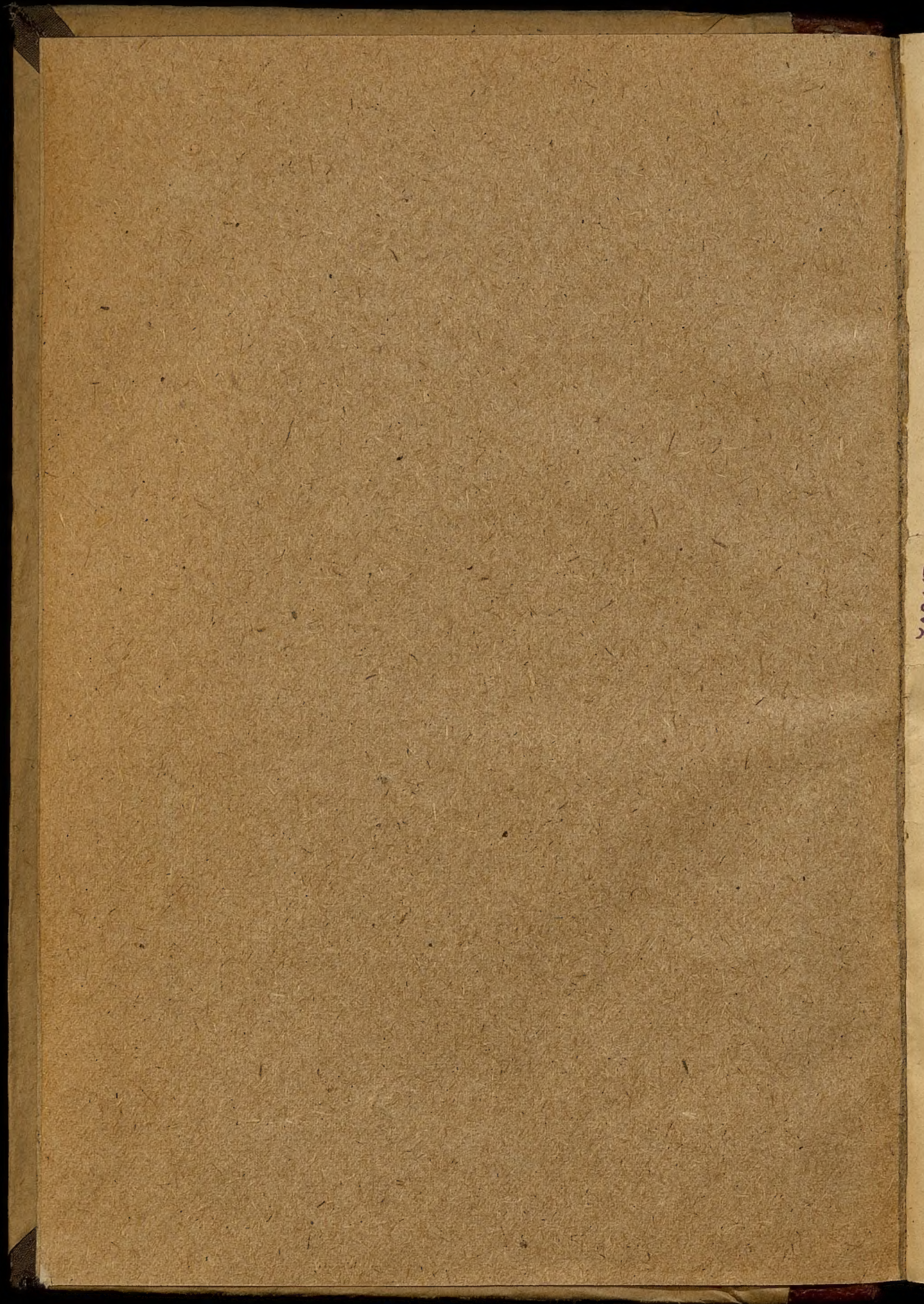
В. Пичета.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа въ Литовско-Русскомъ Государствѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отношенiе литовско-русскаго общества къ аграрной реформѣ и правительственная дѣятельность въ эпоху реформы.

МОСКВА,
1917.

В. Пичета.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа

въ

Литовско-Русскомъ Государствѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отношенiе литовско-русскаго общества къ аграрной реформѣ и правительственная дѣятельность въ эпоху реформы.

МОСКВА,
1917.

11661.

Памяти убитыхъ на полѣ брани

за свободу Россіи

учениковъ Практической Академіи

Коммерческихъ Наукъ.

Предисловіе.

Предлагаемая книга выходитъ не въ томъ объемѣ, въ какомъ она была задумана и написана. Автору пришлось отказаться отъ мысли познакомить читателей его книги съ большимъ отдѣломъ подъ общимъ заглавіемъ *„Аграрная реформа въ дѣйствіи“*, а также и отъ приложенія къ книгѣ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ важнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ, которые позволили бы читателямъ провѣрить выводы и наблюденія автора. Остается надѣяться, что когда нибудь измѣнятся условія печатнаго дѣла въ Россіи, и автору будетъ предоставлена возможность выпустить самостоятельную третью часть изслѣдованія. Но и въ такомъ видѣ вторая часть *„Аграрной реформы Сигизмунда-Августа въ Литовско-Русскомъ государствѣ“* составляетъ вполнѣ законченное цѣлое и потому можетъ быть предложена вниманію лицъ, интересующихся затронутымъ авторомъ вопросомъ. Въ выпускаемой работѣ авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ вопросахъ, а именно, какъ отнеслось литовско-русское общество къ осуществляемой реформѣ, и въ какомъ отношеніи реформа задѣвала матеріальные интересы разныхъ общественныхъ группъ и измѣняла юридическое состояніе нѣкоторыхъ разрядовъ сельскаго и отчасти городского населенія. Кромѣ того, производство аграрной реформы выдвинуло на первый планъ вопросъ о правительственной дѣятельности вообще въ связи съ аграрной реформой, насколько позволили подойти къ этому первостепенной важности вопросу сохранившіеся архивные матеріалы. Между тѣмъ подведеніе итоговъ реформы и оцѣнка самой хозяйственной дѣятельности правительства немыслимо безъ анализа правительственныхъ мѣропріятій въ эпоху осуществленія реформы.

10-го сентября 1917 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I.

Аграрная реформа и литовско-русское общество.

I.

Аграрная реформа и шляхетство.

Протесты шляхты на великихъ вальныхъ сеймахъ 1557—1569 г. Отвѣты на нихъ господаря. Провѣрка правъ на землю. Возстановленіе шляхетства. Производство отмѣны. Шляхетскія челобитія: о надѣленіи отмѣной, о дополнительной и новой отмѣнахъ, о подтвержденіи шляхетства, о неизмѣреніи на волоки шляхетскихъ земель, о надѣленіи землей, о корчмахъ, ярмаркахъ и устройствѣ мѣстечекъ. Мѣна господарскими имѣніями на частно-владѣльческія и наоборотъ. Недоразумѣнія шляхтичей—землевладѣльцевъ съ волостнымъ населеніемъ. Отношенія господаря къ шляхетскимъ челобитіямъ. Итоги.

Аграрная реформа литовско-русскаго правительства во второй половинѣ XVI вѣка была встрѣчена крайне враждебно привилегированными слоями населенія. Впрочемъ, другого отношенія и не могло быть къ аграрнымъ мѣропріятіямъ правительства. Волочный уставъ, преслѣдуя уравненіе „господарскихъ грунтовъ", требовалъ округленія имѣній въ цѣляхъ уничтоженія вредной въ хозяйственномъ отношеніи черезполосицы, и съ этой цѣлью шляхетскія земли приписывались къ господарскому двору. Правда, волочный уставъ предписывалъ своимъ агентамъ давать въ такихъ случаяхъ „отмѣну слушную", ровнымъ якимъ кгрунтомъ возьмуть, такимъ и также много отдать". [1]) Но при требованіи отмѣны необходимо было представить соотвѣтствующіе документы, подтверждавшіе права того или другого шляхтича на землю. Въ противномъ случаѣ, если обнаруживалось, что земля находится во владѣніи безъ соотвѣтствующаго оправдательнаго документа, то таковая немедленно отбиралась, измѣривалась на волоки и

[1]) Устава на волоки (отд. оттискъ изъ Р. И. Б., XXX), арт. 29.

раздавалась господарскимъ подданнымъ. Конечно, за держателями земли оставалось право вчинить иски по поводу незаконнаго отобранія земли и доказывать всѣми законными средствами свое право владѣнія ею. „Поравненіе кгрунтовъ“ имѣло въ виду интересы господарскаго скарба. Поэтому къ господарскому двору приписывались тѣ земли, которыя были „къ двору ближей и споручъ“. [1]) Сплошь и рядомъ такое „прилученіе“ земель существеннымъ образомъ задѣвало земельные интересы шляхетскаго сословія, вызывало въ немъ крайнее недовольство, хотя бы за отнятыя земли и была дана соотвѣтствующая „ровная и слушная“ отмѣна.

Уставъ о волокахъ предусматривалъ возможность будирующихъ поступковъ со стороны шляхты въ видѣ отказа въ принятіи отмѣны, данной господарскими агентами. Въ такихъ случаяхъ отмѣна все равно давалась и записывалась въ урядовыя книги, а землевладѣльцу-шляхтичу предоставлялось право обжаловать постановленіе ревизора, сдѣланное совмѣстно съ мѣстнымъ державцемъ. [2])

Помимо этого, ревизоры должны были смотрѣть, „абы никто зъ шляхты въ пущахъ на властныхъ грунтѣхъ нашихъ проробковъ не имѣли и никакъ къ себѣ не привлащали“, [3]) и, конечно, это тоже задѣвало интересы шляхты.

Но аграрная реформа Сигизмунда-Августа задѣвала интересы шляхетскаго сословія не только съ одной матеріальной стороны. Съ провѣркой правъ на землевладѣніе соединялась и провѣрка правъ на шляхетство. Если послѣднія были подъ сомнѣніемъ, и шляхтичъ не могъ представить соотвѣтствующихъ документовъ, категорическимъ образомъ подтверждавшихъ его шляхетство, то это грозило ему потерей шляхетства и превращеніемъ въ господарскаго подданнаго, въ состояніи котораго онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не представлялъ оправдательныхъ документовъ на шляхетство и не доказывалъ его соотвѣтствующимъ образомъ. По всей вѣроятности, эта сторона реформы для шляхты была гораздо больнѣе и существеннѣе, чѣмъ только одна провѣрка правъ на землю.

Аграрныя мѣропріятія правительства совпали съ весьма важнымъ моментомъ въ исторіи внутреннихъ отношеній въ Литовско-Русскомъ великомъ княжествѣ.

---

[1]) Ibid., арт. 29.
[2]) Ibid., ар. 29.
[3]) Ibid., арт. 29.

Государство переживало серьезный кризисъ. По всей линіи шла ожесточенная борьба за вліяніе и власть между „высшими и низшими станами“ шляхетскаго сословія. Затруднительныя внѣшнія отношенія, стремленіе правительства довести дѣло уніи до желательнаго конца заставляло Сигизмунда-Августа собирать почти ежегодные „великіе вальные сеймы“, ставшіе мѣстомъ борьбы шляхетской демократіи—не только за усиленіе своего политическаго вѣса и вліянія, но также и съ аграрными мѣропріятіями правительства. Нельзя отказать литовско-русской шляхтѣ, прекрасно понявшей стѣсненное положеніе своего правительства, въ извѣстной настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, но, съ другой стороны, и правительство обнаруживало значительную стойкость и упорство и не соглашалось ни на какія существенныя уступки землевладѣльческому сословію, сознавая вполнѣ законность и цѣлесообразность своихъ аграрныхъ мѣропріятій.

Едва приступили къ аграрной реформѣ, еще даже не былъ составленъ волочный уставъ, какъ шляхта спѣшитъ съ выраженіемъ своего протеста и недовольства. На второмъ Виленскомъ сеймѣ—въ 1551 году шляхта предъявила Сигизмунду-Августу требованіе, чтобы, при производствѣ волочного измѣренія, шляхта листовъ на имѣніе и на земли передъ мѣрчими не „покладала“, [1]) мотивируя свое требованіе тѣмъ, „ижъ для тыхъ листовъ не мало земель шляхетскихъ у волоки господарскіе помѣрены, а отмѣны не даны“. [2]) Не успѣли приступить къ волочному измѣренію въ Жмудскомъ староствѣ, какъ жмудская шляхта, воспользовавшись третьимъ Виленскимъ сеймомъ, собравшимся въ ноябрѣ 1551 года, спѣшитъ выразить протестъ, очевидно съ намѣреніемъ затормозить осуществленіе задуманной реформы. Представители жмудской шляхты выступили съ требованіемъ сохраненія неприкосновенности земельной собственности, „яко въ привильи вашомъ описано“. Одновременно ими было заявлено объ „утисненья черезъ помѣру волочную имѣнiи вашихъ и о допытыванье привильевъ на шляхетство и тежъ о побраніе земль и людей въ помѣру волочную, за што, мѣните, отмѣны не дано“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ представители жмудской шляхты жаловались и на господарскихъ помѣрчихъ, отъ которыхъ шляхта получаетъ только однѣ „кривды

[1]) А. З. Р. II № 11 ар. 25.
[2]) Ibid.
[3]) А. З. Р. III. № 13, II ар. 3.

и шкоды великіе быти за неотданіемъ отмѣны за земли ваши". Представители интересовъ шляхты, впрочемъ, не скрыли отъ правительства того факта, что нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ получили слѣдуемую по праву отмѣну, но съ этой цѣлью приходилось мѣрчихъ задабривать и въ такомъ размѣрѣ, „яко бы тежъ знову тые земли куповати мѣли" [1]). По мнѣнію тѣхъ же представителей, самые пріемы осуществленія правительственной аграрной политики—являлись нарушеніемъ мѣстныхъ правъ и вольностей, такъ какъ „на помѣреніе волокъ и на ревизію" [2]) были отправлены не туземцы. Не довольствуясь всѣми этими жалобами, представители Жмуди попытались еще разъ бросить тѣнь на господарскихъ агентовъ, заподозривъ ихъ добросовѣстность. Они указывали, что „помѣрчіе нѣкоторыя болота и лѣсы никчемные у волоки помѣрили для властныхъ доходовъ своихъ, (которые господарю его милости никоторого пожитку вчинити не могутъ)". А между тѣмъ помѣрчіе требовали, „абы за то имъ платили отъ каждое волоки по десяти грошей" [3]).

Впрочемъ, жалобы шляхетскихъ депутатовъ не измѣнили аграрной политики правительства и не остановили осуществленія задуманной аграрной реформы, вообще проводимой правительствомъ съ большой настойчивостью, столь непріятной для привилегированнаго сословія. Отвѣтъ правительства на требованія, однако, не успокоилъ шляхту. На Виленскомъ сеймѣ 1559 года вся шляхта снова требовала, „чтобы имъ была дана отмѣна за отобранныя земли и чтобы эта отмѣна была подтверждена господарскими листами" [4]). Конечно, такое требованіе являлось вполнѣ законнымъ и цѣлесообразнымъ, разъ правительственные агенты нарушили господарскія распоряженія. Но, требуя отмѣны вообще, шляхта, быть можетъ, надѣялась вырвать у господаря согласіе на это, а потомъ, опираясь на великокняжеское слово, потребовать отмѣны и за земли, на право владѣнія которыми у шляхты не было никакихъ документовъ. На этомъ же сеймѣ выступила снова со свими требованіями и жмудская шляхта. Ея положеніе было благопріятнѣе, чѣмъ собственно литовской шляхты. Уставная грамота охраняла права населенія, и благодаря ей, подъ ви-

[1]) Ibid., ар. 4.
[2]) Ibid., ар. 5.
[3]) А. З. Р. III, № 13 II, арт. 19.
[4]) А. З. Р. III, № 24, арт. 13.

домъ отстаиванія мѣстныхъ правъ, на которыя никто не посягалъ, представители жмудской шляхты надѣялись достичь желаемыхъ результатовъ. Съ этой цѣлью они ходатайствовали передъ Сигизмундомъ-Августомъ о подтвержденіи ихъ правъ и вольностей [1]). Впрочемъ, сознавая недостаточность своего ходатайства въ цѣляхъ противодѣйствія аграрной политикѣ правительства, представители шляхты вторично предъявили правительству требованіе, „абы привильевъ, твердостей на отчизны свои, передъ ревизоромъ не покладали, а за кгрунты у волоки побраные, абы отмѣна дана, и съ тоѣ отмѣны абы вже рушоны не были“ [2]).

Сознавая отчасти юридическую необоснованность своего требованія, защитники интересовъ шляхты сочли нужнымъ довести до свѣдѣнія господаря о неправильныхъ дѣйствіяхъ ревизоровъ, такъ какъ ими „имѣнія шляхетскія на волоки помѣрены“, а сама шляхта посажена на землю „на платѣ“ [3]). Конечно, это требованіе являлось вполнѣ закономѣрнымъ, разъ господарскіе агенты дѣйствительно своими дѣйствіями наносили серьезный ущербъ шляхетскимъ интересамъ.

Протесты шляхты, не смотря на ея настойчивость, не остановили аграрной реформы и не измѣнили пріемовъ правительственной аграрной политики, несмотря даже на то, что внѣшнія отношенія Литовско-Русскаго государства были весьма серьезны, и правительство нуждалось въ сотрудничествѣ и поддержкѣ широкихъ слоевъ шляхты. Конечно, послѣдняя учитывала свое политическое значеніе и затруднительное положеніе центральнаго правительства, но въ то же время она убѣдилась въ безполезности прежней агрессивной тактики по отношенію къ аграрной политикѣ правительства. Отказываясь отъ прежней тактики, шляхта хотѣла воспользоваться даннымъ политическимъ моментомъ только лишь для защиты своихъ интересовъ, существенно задѣтыхъ аграрной политикой правительства.

Выразителемъ будирующаго настроенія шляхты явилась жмудская шляхта, несомнѣнно самая оппозиціонная. На Виленскомъ сеймѣ 1563 года она выступила съ рядомъ реальныхъ заявленій‘ удовлетвореніе которыхъ должно было вознаградить шляхту за понесенный ущербъ. Такъ, жмудскіе депутаты потребовали отъ

---

1) А. З. Р. Ш, № 24, II, арт. 9.
2) А. З. Р. № 24, II, арт. 12.
3) А. З. Р., № 24, II, арт. 13.

правительства, чтобы „убогая шляхта, земли которой, однако, были помѣрены на волоки, оставалась „при почтивостяхъ и кгрунтехъ водле стародавнего обычаю“ и „съ того службу земскую его королевской милости служили“ [1]). По существу, это требованіе являлось незаконнымъ. Разъ шляхетскія мелкопомѣстныя имѣнія были измѣрены на волоки безъ дачи соотвѣтствующей отмѣны, а этотъ фактъ жмудская шляхта признавала вполнѣ законнымъ, то, очевидно, убогая шляхта не имѣла никакихъ документовъ на шляхетство, а потому несеніе военной службы едва ли являлось ея правомъ. Ссылка же на „стародавніе обычаи“, конечно, не могла имѣть никакого значенія тамъ, гдѣ требовалось документальное доказательство своего права. Въ другихъ требованіяхъ шляхты проглядываетъ полное примиреніе съ политикой правительства. Шляхта всего лишь скромно просила о разрѣшеніи ей „въ пущахъ, где здавна была вольность, брати дерево на будованіе и на иные потребы домовые“, такъ какъ, вопреки господарскимъ привилеямъ, ревизоры измѣрили пущи, „и теперь туда никого не впускали и не позволяли брать“ „дерева на потребы“ [2]). Исходя изъ нарушенія господарскихъ привилеевъ, шляхта ходатайствовала о возстановленіи нарушеннаго права и просила, „чтобы господарь его милость росказати рачилъ дати листы до лесничихъ жебы они з Жимойтъ выеждчали—и тамъ за Неманомъ, где суть ловы господарскіе, пилновали“ [3]). Помимо этого, та же шляхта жаловалась на медленность дѣйствій правительственныхъ агентовъ при даваніи отмѣны и просила, чтобы „кромѣ волокиты и накладу отмены отдавано“ [4]). Если же при этомъ случилось бы, что мѣрчіе и ревизоры уѣдутъ, и „слушная отмѣна не будетъ дана“, то таковая должна быть дана, по мнѣнію жмудской шляхты, старостой Жмуди. Наконецъ, шляхта предусматривала возможность осуществленія аграрныхъ мѣропріятій правительства въ моментъ пребыванія шляхты на военной службѣ. Считая отсутствіе для себя невыгоднымъ и неудобнымъ, шляхта просила господаря отдать распоряженіе, „чтобы ревизорове и мерники помери перестерегали и кгрунтовъ не забирали и границъ новыхъ не чинили“ [5]). Такимъ образомъ, шляхтой были высказаны всевозможныя требованія, кото-

[1]) Д. А. М. Ю., т. I, стр. 153, арт. 5.
[2]) Д. А. М. Ю., I, стр. 153, арт. 6.
[3]) Д. А. М. Ю., I, стр. 153, арт. 6.
[4]) Д. А. М. Ю., I, стр. 152, арт. 4.
[5]) Д. А. М. Ю., I, стр. 152, арт. 4.

рыя, казалось, исчерпывающимъ образомъ защитили сословные интересы шляхетства. Вполнѣ поэтому понятно, что на сеймахъ 1553—1567 гг. шляхта, занятая осуществленіемъ въ жизни своей политической программы, не подымала вопроса объ аграрной политикѣ правительства. Исключеніемъ являлось ходатайство Упитской шляхты на Гродненскомъ сеймѣ 1568 г., „абы его королевская милость мерчимъ або ревизорамъ не рачилъ казати кгрунтовъ.... шляхетскихъ у волоки господарскіе его милости забирати“. Въ то же время шляхта настаивала, „чтобы первей отмѣна слушная дана была“, и повторила еще при этомъ просьбу дать „отмѣну слушную“ тому, кому она еще до сихъ поръ не дана была“ [1]).

Наконецъ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года шляхта еще разъ заявила о необходимости дать отмѣну „за кгрунты шляхетскіе у волоки короли его милости забранные“ [2]). Это были послѣдніе отголоски будирующаго настроенія шляхты, рѣшительно отказавшейся отъ своего первоначальнаго требованія—„не даванія листовъ“ на земли и только скромно просившей объ отводѣ слѣдуемой землевладѣльцамъ отмѣны.

Шляхетскія заявленія, повторявшіяся чуть ли не на каждомъ вальномъ сеймѣ съ момента первыхъ шаговъ къ осуществленію задуманной аграрной реформы, въ общемъ не оказали почти никакого вліянія на аграрную политику правительства, несмотря на то, что послѣднее чувствовало весьма сильно свою зависимость отъ широкихъ слоевъ шляхетства. Шляхта не успѣла или, вѣрнѣе, не смогла затормозить аграрныя мѣропріятія правительства. Волочное измѣреніе, хотя медленно, но все-таки постепенно производилось. Такая настойчивость правительства вполнѣ понятна, разъ сама реформа являлась слѣдствіемъ новыхъ экономическихъ отношеній въ странѣ и должна была удовлетворить настойчивой потребности государства въ пополненіи господарскаго скорба металлической монетой. Помимо этого, всѣ требованія шляхты не имѣли сами по себѣ рѣшительно никакого юридическаго основанія. Господарь имѣлъ совершенное законное основаніе отвѣтить отрицательно на всю шляхетскую аргументацію и въ то же время ничѣмъ не нарушить дѣйствующаго права. Во-первыхъ, аграрная реформа касалась только однихъ господарскихъ имѣній. Какой бы хозяйственной политики не держался господарь въ своихъ имѣ-

[1]) Д. А. М. Ю., I, стр. 491, арт. 5.
[2]) Д. А. М. Ю., I, стр. 499, арт. 7.

ніяхъ, до этого литовско-русской шляхтѣ не было рѣшительно никакого дѣла. Конечно, шляхта понимала выгодную позицію правительства и прямо противъ аграрной политики не пыталась возражать. Требованіе господаремъ листовъ „на имѣнія и земли“ было по существу вполнѣ законнымъ и нисколько не посягало на полноту шляхетскихъ правъ, ибо теоретически собственникомъ всей земельной территоріи оставался господарь, лишь отдававшій въ частное пользованіе господарскія земли и, слѣдовательно, имѣвшій совершенно законное основаніе требовать представленія оправдательныхъ документовъ на право владѣнія землей. Сознаніе своей правоты, своихъ дѣйствій на законномъ основаніи и сказалось въ отвѣтахъ господаря оппозиціонному шляхетству. Въ отвѣтахъ господаря на сеймѣ 1551 г. литовско-русской шляхтѣ категорически было сказано, что не ея дѣло вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія, „ибо тую помѣру волочную на своихъ земляхъ постановити рачилъ, для размноженія пожитковъ господарскихъ, што есть вольно его милости учинити“ [1]; господарь указывалъ далѣе на то, что и шляхтичи были вольны предпринимать въ своихъ имѣніяхъ, что угодно, и господарь не вмѣшивался въ ихъ хозяйственныя распоряженія. Этотъ категорическій отвѣтъ Сигизмунда-Августа, несомнѣнно, умѣрилъ аппетиты шляхетства, сдѣлавъ языкъ ея требованій болѣе умѣреннымъ, а поведеніе на сеймахъ болѣе корректнымъ. Заявивъ о своемъ господарскомъ нежеланіи причинять какую-нибудь „шкоду“ шляхтѣ и о данномъ имъ распоряженіи, чтобы мѣрчіе обязательно давали соотвѣтствующую отмѣну въ случаѣ отобранія къ господарскому двору шляхетскихъ земель, и что, пока это не сдѣлано, частно-владѣльческія земли не могутъ быть розданы господарскимъ подданнымъ, господарь однако настаивалъ на своемъ полномъ правѣ—размѣрить на волоки земли тѣхъ лицъ, которыя не представятъ документа—данины, или если обнаружится „ижьбы ему до воли господарское были даны, альбо естли бы у слугъ путныхъ, альбо у людей тяглыхъ, альбо у татаровъ безъ дозволенія господарьскаго купилъ“ [2]). Несомнѣнно и сама шляхта сознавала незаконность предъявленнаго господарю требованія. Не даромъ она просила „заховать“ по старому обычаю всѣ „пожитки“, которые шляхта имѣла „у волостяхъ вашей королевской милости отъ предковъ вашей милости наданныхъ“, имѣя по

[1]) А. З. Р., III, № 11, арт. 25.
[2]) Ibid, № 11, арт. 25.

всей вѣроятности скрытое желаніе этой просьбой прикрыть незаконный захватъ земли и незаконное владѣніе сдѣлать законнымъ [1]). Господарь прекрасно понялъ уловку шляхты и не безъ остроумія отказалъ ей въ ея просьбѣ, сказавъ при этомъ, что нельзя давать какого то ни было отвѣта на это ходатайство, „бо той прозьбы, откуль ея починаетъ и къ которому ея концу стегаетъ, вырозумѣти не можетъ, яко тоѣ прозьбы, которая есть закрытыми словы описана“ [2]). Если же шляхта недовольна дѣйствіями мѣрчихъ, у нея остается право апелляціи къ самому господарю [3]).

Съ такимъ же сознаніемъ своего права были даны господаремъ отвѣты жмудской шляхтѣ и на сеймѣ 1554 года. Отвѣты были совершенно уничтожающаго характера. Можно сказать, что отъ „шляхетской аргументаціи“ не осталось камня на камнѣ. Такъ, на жалобы жмудской шляхты о нарушеніи „земской уставной грамоты“ господаремъ былъ данъ отвѣтъ, что онъ рѣшительно не видитъ въ дѣйствіяхъ правительства нарушенія жмудскихъ правъ, ибо посланные „ревизоры и помѣрчіе не суть врядники жадные“. Кромѣ того, господарскія распоряженія касаются не шляхты, но однихъ только тяглыхъ людей. Помимо этого, ихъ дѣйствія имѣютъ цѣлью увеличить наличность господарскаго скарба, „они справляютъ пожитки скарбу королевской милости“ [4]). Если же ктонибудь оставался не доволенъ какими бы то ни было дѣйствіями ревизоровъ и помѣрчихъ, то онъ имѣлъ право жаловаться центральному правительству. Въ жалобѣ необходимо было указать то лицо, коимъ жалобщику была нанесена какая-нибудь „кривда“ [5]). Этимъ господарь отвѣтилъ на обвиненіе правительственныхъ агентовъ въ подкупѣ. Въ отвѣтъ на заявленіе жмудской шляхты о злоупотребленіяхъ правительственныхъ агентовъ при проведеніи въ жизнь аграрной реформы, господарь рѣшительно заявилъ, что шляхтѣ до этого ровно нѣтъ никакого дѣла, „ижъ то есть рѣчь властная до скарбу королевской милости належачая“, чѣмъ и былъ положенъ предѣлъ всякаго рода заявленіямъ и ходатайствамъ въ этомъ направленіи [6]). Отвѣты Сигизмунда-Августа на сеймахъ 1551 и 1554 годовъ были настолько опредѣлены и такъ

[1]) А. З. Р., III, № 11, арт. 26.
[2]) Ibid., арт. 26.
[3]) Ibid., арт. 25.
[4]) А. З. П. Ш, № 13, II, арт. 6.
[5]) Ibid., арт. 4.
[6]) Ibid., арт. 19.

проникнуты сознаніемъ правоты своихъ дѣйствій, что литовско-русской шляхтѣ, и, въ частности жмудской, пришлось нѣсколько поумѣрить свое раздраженіе и заговорить уже языкомъ не властнаго сословія, выступившаго на защиту нарушеннаго права и попранной законности, а тономъ просителя о господарскихъ милостяхъ.

Съ перемѣной занятой шляхтой позиціи мѣняется и тонъ отвѣтовъ господаря. Замѣтно стремленіе со стороны послѣдняго итти навстрѣчу желаніямъ шляхты, если только послѣднія дѣйствительно имѣли подъ собою вполнѣ законныя основанія. Такъ, господарь, не желая, чтобы „шляхтѣ через мерчихъ утискъ былъ въ неотданіи отмѣны за земли ихъ“, распорядился дать отмѣну всѣмъ тѣмъ, кто ея до сихъ поръ не получилъ. Съ этой цѣлью господарскимъ агентамъ были посланы изъ господарской канцеляріи листы съ требованіемъ, „абы отмѣны не задерживали отдавати“ [1]). Когда же отмѣна будетъ дана, то таковая будетъ утверждена господарскими листами. То же было сказано въ отвѣтъ и и жмудской шляхтѣ. Впрочемъ, по отношенію къ послѣдней были сдѣланы нѣкоторыя уступки: господарь разрѣшилъ ей предъявлять документы на право владѣнія землей не передъ ревизорами, а исключительно передъ жмудскимъ старостой, какъ представителемъ и защитникомъ интересовъ земли и населенія [2]).

Зато та же шляхта потерпѣла полное пораженіе по вопросу объ измѣреніи на волоки земель убогой шляхты и объ обложеніи ея чиншами. Господарь предоставилъ право потерпѣвшимъ лицамъ подавать заявленія о неправильномъ обложеніи жмудскому старостѣ, который доведетъ обо всемъ до свѣдѣнія господаря. Господарь же, принявъ къ свѣдѣнію сообщенные старостой факты, „учинитъ съ тымъ, што ся слушного и справедливого его милости видѣти будетъ [3]).

Какъ извѣстно, жмудская шляхта выступила со своими требованіями и на сеймѣ 1563 г. Въ общемъ, это выступленіе нельзя было не признать чрезмѣрно скромнымъ. Шляхта только получила согласіе, чтобы староста жмудскій давалъ отмѣну въ томъ случаѣ, если таковая не будетъ дана мѣрчими и ревизорами. Впрочемъ, это согласіе не вносило ничего новаго, такъ какъ, по словамъ господаря, съ самаго начала реформы по всему госу-

[1]) Ibid., № 24, арт. 23.
[2]) Ibid.. арт. 12.
[3]) Ibid., II арт. 13.

дарству было издано предписаніе—наука, „жебы мерчіе кгрунтовъ вашихъ у померу волокъ нашихъ не забирали, алижъ выморгавши и отмену слушную за нихъ давши“ [1]). Что же касается просьбы шляхты о сохраненіи права входа въ королевскія пущи, согласно господарскимъ привилеямъ, то, идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ въѣздъ въ пущи только „по дрова и по дерево на будованіе на власную потребу вашу вамъ самимъ и подданнымъ нашимъ“, однако со строгимъ запрещеніемъ какой бы то ни было разработки господарскихъ пущъ [2]). Кромѣ того, за жмудской шляхтой по привилеямъ оставалось право ловли рыбы въ озерахъ и рѣкахъ. [3]) Точно такъ же шляхта получила утвердительный отвѣтъ отъ господаря на просьбу, чтобы во время выѣзда на службу не производилась волочная помѣра [4]). Наконецъ, на Гродненскомъ сеймѣ 1568 года господарь удовлетворилъ просьбу шляхты относительно предварительнаго указанія отмѣны, такъ какъ, по словамъ господаря, эта просьба нисколько не противорѣчитъ господарскимъ постановленіямъ относительно волочной помѣры [5]).

Такимъ образомъ ни литовская шляхта вообще, ни жмудская въ частности не добились самаго главнаго — отказа господаря отъ провѣрки правъ на землю. А вѣдь это было самымъ существеннымъ изъ всего того, чего онѣ добивались и къ чему онѣ стремились.

Всѣ уступки, сдѣланныя господаремъ жмудской шляхтѣ, касались второстепенныхъ вопросовъ и по существу ничего не давали ей, только убаюкивали ее тѣмъ, будто она въ концѣ концовъ добилась своими энергическими дѣйствіями неприкосновенности и защиты своихъ имущественныхъ правъ.

Общеземскіе привилеи оставляли за шляхетскимъ сословіемъ тѣ земельныя пожалованія, которыя оно получило отъ предшествовавшихъ государей, если только держатели земли могли представить соотвѣтствующіе документы. Такъ, привилей Казимира Ягеллончика укрѣплялъ за шляхтой „patrimonalia seu ipsis data sive donata per praeclarum principem dominum Alexandrum

[1]) Д. А. М. Ю., т. I, стр. 152, арт. 4.
[2]) Ibid., стр. 153.
[3]) Ibid., стр. 154.
[4]) Ibid., стр. 152.
[5]) Ibid., стр. 491.

alias Vitoudum, diuae memoriae antecessorem et patrum nostrum carissimum ac donationes per illustrem dominum Sigismundum etc donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de eorum donationibus, priulegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint probare et docere, pari jure obtineant sicut principes... ciues regni Poloniae sua noscuntur obtinere[1]). Привилей великаго князя Александра, данный имъ при вступленіи на престолъ, подтверждалъ вышеприведенную статью привилея 1447 года, распространяя свое подтвержденіе и на пожалованіе своего отца, великаго князя Казимира [2]). Если великій князь Казимиръ далъ кому-нибудь земельное пожалованіе „ad arbitrium et voluntatem suam“, то такое остается у держателя въ пользованіи „до воли и ласки господарской“. При вступленіи на престолъ Сигизмунда I, имъ былъ изданъ подтвердительный привилей. Онъ безусловно подтверждалъ всѣ предыдущія пожалованія, если только держатели могли представить соотвѣтствующіе документы [3]). Кромѣ того, привилей Сигизмунда I вносилъ и нѣкоторыя новшества. Такъ онъ допускалъ возможность укрѣпленія имѣнія за лицомъ, если даже послѣднее не могло представить документальныхъ данныхъ на право владѣнія землей. Для этого привилей требовалъ доказательства своего права владѣнія посредствомъ „testimonio fidei dignorum“; если ими будетъ доказано, что этими землями мирно (pacifice) владѣли его отецъ или предокъ, то земельное пожалованіе укрѣпляется за держателемъ. Такія „безпривильныя“ пожалованія должны быть не старше времени Витовта и не моложе эпохи Казимира [4]). Литовскій статутъ 1529 года въ этомъ отношеніи не внесъ ничего новаго. Наконецъ, при вступленіи на престолъ Сигизмунда II былъ изданъ новый привилей, которымъ подтверждались статьи раньше опубликованныхъ привилеевъ. Кромѣ того, подтверждалась статья привилея Сигизмунда I—о способахъ укрѣпленія земли, на которую держатели не могли представить соотвѣтствующихъ документовъ [5]).

Такимъ образомъ, только то землевладѣніе было законно, относительно котораго имѣлись оправдательные документы, или дер-

[1]) М. К. Любавскій: Очеркъ исторіи литовско-русскаго государства. Москва 1910. Стр. 305, арт. 6.

[2]) Opus. cit., стр. 311, арт. 22.

[3]) Opus. cit., стр. 313, арт. 2.

[4]) Opus. cit., стр. 313, арт. 5.

[5]) Opus. cit., стр. 334, арт. 19.

жатели свидѣтельскими показаніями могли доказать свое родовое право на владѣніе той или другой земельной собственностью. Въ противномъ случаѣ, владѣніе оказывалось незаконнымъ. Трудно, конечно, выяснить, въ какомъ размѣрѣ господарскія земли расхватаны были шляхтой безъ всякой данины. Точно такъ же нельзя выяснить, какое количество земель перешло посредствомъ покупки къ шляхтѣ безъ соотвѣтствующаго господарскаго разрѣшенія. Можно только a priori говорить о большой распространенности такого захватнаго землевладѣнія, размѣры котораго должна была обнаружить аграрная реформа, предпринятая Сигизмундомъ-Августомъ. Это, конечно, заставило шляхту настаивать на непредъявленіи соотвѣтствующихъ документовъ на право владѣнія передъ господарскими мѣрчими и ревизорами, что, впрочемъ, она дѣлала и раньше. Когда молодой Сигизмундъ-Августъ, по вступленіи на престолъ, задумалъ принять рядъ мѣръ для приведенія обороны страны въ надлежащее состояніе, то было рѣшено приступить къ ревизіи пограничныхъ замковъ. Однако эта ревизія должна была имѣть несомнѣнно бо́льшее значеніе. Ея задачи и цѣли не могли ограничиться исключительно заботами правительства объ оборонѣ страны. Наоборотъ, эти заботы объ оборонѣ заставили правительство провѣрить права шляхты на землю, выяснить, какой процентъ земель захваченъ шляхтой, опредѣлить, насколько шляхетскія военныя повинности соотвѣтствуютъ дѣйствительному состоянію шляхетскаго землевладѣнія. Эти ревизіи, преслѣдуя исключительно военно-финансовыя цѣли, конечно, никакого отношенія не имѣли къ тѣмъ ревизіямъ господарскихъ имѣній, которыя были предприняты подъ вліяніемъ задуманной аграрной реформы [1]. Тѣмъ не менѣе, онѣ довольно отчетливо выясняютъ дѣйствительное отношеніе шляхты къ такого рода мѣропріятіямъ правительства, гдѣ прямо или косвенно задѣты земельныя права шляхты. При болѣе же близкомъ

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій держится противоположнаго мнѣнія въ своемъ трудѣ „Очерки по исторіи организаціи западно-русск. крест. въ XVI в“. Однако М. К. Любавскимъ были высказаны противъ этого взгляда основательныя возраженія въ его академической рецензіи на вышеназванный трудъ. Но, съ другой стороны, и взглядъ М. К. Любавскаго, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣренъ. Конечно, ревизіи 1545 никакого отношенія не имѣютъ къ ревизіямъ въ связи съ волочной помѣрой. Преслѣдуя военно-финансовыя цѣли, однако, онѣ могли выяснить наличность господарскаго землевладѣнія и косвенно дать кое-какой матеріалъ для подготовительныхъ работъ по проведенію въ жизнь реформы 1557—1558 г.г.

знакомствѣ съ памятниками становится понятнымъ и самое настроеніе шляхетскаго сословія. Воспользуемся для нашей цѣли ревизіей замковъ на Волыни въ 1545 г. [1]). Внѣшняя исторія хода ревизіи уже была описана Яблоновскимъ и М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ его „Очеркахъ по организаціи западно-русскаго крестьянства во второй половинѣ XVI в.“.

Отмѣтимъ, что волынская шляхта отнеслась крайне враждебно къ требованію правительства—къ предъявленію передъ правительственными агентами „твердостей яко на мѣста, такъ и на имѣнія“ [2]). Въ этомъ отношеніи волынская шляхта была удивительно солидарна и прибѣгала ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы какъ нибудь оттянуть представленіе требуемыхъ „твердостей на имѣнія и на мѣста“. Ревизорское описаніе даетъ немало данныхъ о причинахъ такой солидарности и о нежеланіи шляхты исполнить, господарскую волю. Такъ, при производствѣ описей замковъ обнаружилось, что волынская шляхта самовольно устроила новыя мыта, чѣмъ наносила существенный ущербъ господарскому скарбу и мѣстному населенію. Поэтому „войты, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане мѣстъ его милости луцкіе и владимирскіе“ подали жалобы на князей и пановъ, что они во многихъ мѣстахъ, мѣстечкахъ и своихъ имѣніяхъ устроили безъ разрѣшенія торги и мыта и прямо-таки грабятъ населеніе. А между тѣмъ раньше этихъ мытъ не было [3]). Указывалось также и на другія дѣйствія шляхты, коими нарушалось дѣйствіе привилеевъ Александра и Сигизмунда. При этомъ былъ представленъ и списокъ лицъ, самовольно введшихъ новыя мыта [4]). Спрошенные ревизорами шляхтичи признали, что новыя мыта они ввели или на основаніи господарскихъ привилеевъ, или таковыя уже существуютъ съ давняго времени. Однако, они отказались предъявить соотвѣтствующіе документы, намѣреваясь предъявить ихъ на какомъ-нибудь сеймѣ передъ лицомъ самого господаря [5]). Ревизоры признали, что такой образъ дѣйствій со стороны волынской шляхты приноситъ большой ущербъ господарскимъ подданнымъ и долѣе не можетъ быть терпимъ [6]). Вообще, между луцкою шляхтою и

---

[1]) Zródla dsiejowe, т. VI.
[2]) Opus cit., стр. 4.
[3]) Opuscit, стр. 59.
[4]) Opus cit., стр. 61.
[5]) Opus cit., стр. 64.
[6]) Opus cit., стр. 65—66.

луцкими мѣщанами были сплошныя недоразумѣнія на почвѣ нарушенія шляхтой различныхъ правъ мѣщанъ, съ чѣмъ, конечно, не могли помириться ни само правительство, ни мѣщане [1]), у которыхъ шляхтичи отнимали землю, захватывали дома и пляцы въ городахъ, не обнаруживая при этомъ намѣренія принять участіе въ несеніи мѣщанскихъ повинностей. Недовольны были поступками шляхты и луцкіе евреи, какъ караимы, такъ и раввинисты. Князь Матвѣй Четвертинскій самовольно засыпалъ ставъ, благодаря чему еврейское кладбище оказалось разрытымъ [2]). Если этотъ поступокъ князя не приносилъ непосредственнаго ущерба господарскому скарбу, то укрывательство мѣщанъ и ремесленниковъ—со стороны князя, конечно, задѣвало непосредственно интересы городской общины и, слѣдовательно, интересы господарскаго скарба [3]). Злоупотребленія со стороны луцкой шляхты шли еще дальше. Захватывая мѣщанскія земли и пользуясь ими, они однако не всегда располагали соотвѣтствующими документами на право владѣнія. Правда, панна Дахновая, захватившая фольварокъ около города, представила ревизору соотвѣтствующіе документы, но послѣдній не рѣшился самостоятельно разрѣшить этотъ спорный вопросъ: очевидно, документы были не вполнѣ надежнаго характера. Ревизоръ отложилъ разрѣшеніе этого спорнаго дѣла и представилъ его на усмотрѣніе господаря, чтобы послѣдній такъ или иначе разрѣшилъ это дѣло. Любопытно, что ревизоръ счелъ возможнымъ перенести спорное дѣло на разсмотрѣніе господаря только потому, что панна Дахновая „не смотречи на иншихъ недбалость и непослушенство, таковую повольность на листу и росказаніе вчинила и листы свои передъ нами вказала“ [4]). Изучая состояніе господарскихъ замковъ, ревизору пришлось познакомиться съ состояніемъ дворового господарскаго землевладѣнія, а также и съ повинностями сельскаго населенія. Это знакомство должно было установить наличность господарскаго землевладѣнія и выяснить степень расхватанности послѣдняго. Выяснить, конечно, это было трудно. Шляхта отказывалась предъявлять „твердости“ на землю. Незначительное число оставшихся на Волыни господарскихъ селъ и упорное нежеланіе шляхты положить передъ ревизоромъ соотвѣтствующіе документы заставляютъ

---

[1]) Opus cit., стр. 67—69.
[2]) Opus cit., стр. 71.
[3]) Opus cit., стр. 73.
[4]) Opus cit., стр. 74.

предполагать, что шляхта расхватала господарскія земли и поэтому, изъ боязни отобранія, обнаруживала удивительную стойкость въ своей оппозиціи мѣрамъ правительства. Въ противномъ случаѣ, не имѣло смысла для шляхты держать себя такъ вызывающе по отношенію къ органамъ центральной власти. И только показанія господарскихъ крестьянъ на захватъ шляхтой отдѣльныхъ угодій ясно обнаружили, почему шляхта такъ упорно отстаивала непредъявленіе листовъ на землю [1]. Правда, Луцкій староста представилъ реестръ земель, розданныхъ шляхтѣ предшественниками Сигизмунда I, но этотъ реестръ, не оправданный никакими документами, указывая на фактъ владѣнія, однако, не выяснялъ источника происхожденія этого владѣнія. И, конечно, приходится сомнѣваться, насколько были дѣйствительно правильны свѣдѣнія, представленныя луцкимъ старостой [2]. И ревизоръ былъ безконечно правъ, когда, не довѣряя свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ старосты, сталъ самъ собирать соотвѣтствующія данныя о выслугахъ, попавшихъ въ держаніе шляхты. Правда, это былъ способъ весьма несовершенный. Больше приходилось судить по слухамъ, чѣмъ на основаніи конкретныхъ данныхъ. Но и тутъ ревизору удалось убѣдиться, что Хреницкій держитъ Хреницы и еще четыре села „неизвѣстно“ какимъ обычаемъ [3]. А сколько оказалось бы такихъ держателей, еслибы шляхта представила „твердости“ на земли!

Господарскій ревизоръ Левъ Пацей былъ встрѣченъ весьма нелюбезно кременецкой шляхтой. Она нежелала съѣхаться по требованію ревизора и вообще игнорировала его распоряженія, хотя они дѣлались отъ имени господаря [4]. Особенно упорной оказывалась знать. Провѣрка господарскихъ селъ обнаружила, что часть ихъ попала въ руки титулованныхъ магнатовъ на правахъ „выслуги“, но всѣ эти княжата отказались представить документы [5]. Кромѣ того, они владѣли частью господарскихъ селъ и на правахъ „купли“, но насколько такая покупка была законна, установить это было невозможно безъ провѣрки правъ на землю [6]. Помимо этого, выяснилось, что магнаты сильно притѣсняютъ мѣщанъ и

[1] Opus cit., стр. 77.
[2] Opus cit., стр. 83.
[3] Opus cit., стр. 86.
[4] Opus cit., стр. 91—92.
[5] Opus cit., стр. 100.
[6] Opus cit., стр. 102—103.

устроили новыя мыта, не имѣя на это никакого основанія [1]). Словомъ, ревизору представилась картина, аналогичная положенію дѣла въ Луцкомъ повѣтѣ. Аналогично было положеніе дѣлъ и въ Винницкомъ повѣтѣ. Земли оказались въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, и происхожденіе этого владѣнія нельзя было установить. Зато держатели господарскихъ земель не допускали ревизора вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя дѣла. Когда послѣдній пожелалъ составить инвентарь господарскаго имѣнія Вонючинъ, бывшаго въ держаніи пана Семена Кепитича, то послѣдній не допустилъ до этого ревизора, заявивъ, что инвентарь уже составленъ имъ самимъ и отправленъ господарю [2]). И браславская шляхта не предъявила листовъ на землю, да, кажется, и ревизоръ ихъ не требовалъ, А между тѣмъ, земельныя отношенія такъ здѣсь перепутались, что трудно было узнать и различить, гдѣ господарское, гдѣ земянское владѣніе, гдѣ владѣютъ казаки и мѣщане, ибо и они не желали показывать „твердости“ на землю. Данныя, собранныя ревизорами на Волыни, конечно, давали очень мало въ смыслѣ поземельнаго кадастра. Опираясь на нихъ нельзя было осуществлять никакой реформы. Но въ нѣкоторомъ отношеніи они оказались небезполезными для правительства и несомнѣнно оказали вліяніе на кое-какія распоряженія правительства. Нежеланіе шляхты подчиниться требованіямъ правительства и предъявить документы на право владѣнія заставляло его быть очень настойчивымъ въ требованіи представленія оправдательныхъ документовъ при производствѣ аграрной реформы. Неудачная ревизія 1545 г., почти ничего не выяснившая, въ этомъ отношеніи оставалась примѣромъ, повторенія котораго слѣдовало бы избѣгать. Шляхта оцѣнила посвоему настойчивость правительства и отвѣтила ему просьбами о непредъявленіи листовъ передъ мѣрчими и ревизорами, но, какъ мы видѣли, потерпѣла полную неудачу.

Провѣрка правъ на землю производилась по мѣрѣ хода реформы, и для многихъ окончилась весьма печально. О степени распространенности захватнаго землевладѣнія и землепользованія можно судить также по „Ревизіи звѣриныхъ пущъ и переходовъ“, предпринятой параллельно производству аграрной реформы.

[1]) Opus cit., стр. 105.
[2]) Opus cit., стр. 114.
[3]) Opus cit., стр. 123.

Въ 1559 году старостѣ Мстибоговскому пану Григорію Богдановичу Воловичу было поручено выѣхать „для вывѣданія и описанія всѣхъ пущъ у великомъ княжествѣ литовскомъ и переходовъ звѣриныхъ, которые идутъ изъ-за днѣпровскихъ поль до пущъ великаго княжества литовскаго, такъ тежъ для осаженья мѣстъ и селъ, гдѣ бы ся садили на мѣстахъ погожихъ и для будованія дворовъ пріѣханья короля его милости въ ловы въ тыхъ пущахъ“ [1]). Такая провѣрка и описаніе пущъ и переходовъ вполнѣ соотвѣтствовали задачамъ и цѣлямъ, поставленнымъ мѣрникамъ и ревизорамъ [2]). Для облегченія дѣла и было задумано всеобщее описаніе пущъ и переходовъ. Воловичъ въ общемъ удачно выполнилъ возложенную на него задачу. Имъ были обмѣрены и объѣзжены пущи, повѣрены входы и выходы, опредѣлены границы пущъ. Такое описаніе, конечно, сопровождалось повѣркой правъ на землю и на воды въ лѣсахъ. При провѣркѣ обнаружилось, что далеко не всѣ владѣльцы могли сослаться на письменные документы и ими подтвердить свои претензіи [3]). Въ общемъ, ревизія обнаружила, что многіе изъ землевладѣльцевъ владѣютъ незаконно землей и пущами и не имѣютъ никакихъ документовъ, которыми могли бы оправдать свой захватъ земель, пущъ и переходовъ. Ревизія, произведенная Воловичемъ, къ сожалѣнію, цѣликомъ не сохранилась; но и сохранившаяся часть даетъ возможность составить отчетливое представленіе о томъ, что обнаружила провѣрка правъ на входы въ господарскія пущи. Представленные землевладѣльцами документы были довольно разнообразнаго характера. Тутъ были грамоты прежнихъ удѣльныхъ князей изъ рода Ярославичей и Олельковичей, тутъ и жалованныя грамоты королевы Боны, тутъ и подтвердительные привилеи самого Сигизмунда. Всѣ владѣнія на основаніи этихъ документовъ считались безспорными и не вызывали никакихъ недоразумѣній. Зато было не мало и такихъ держателей, которые не могли представить какихъ бы то ни было документовъ и только ссылались на давность „держанія“. Конечно, такія захваченныя части земель пущъ и входовъ отбирались у шляхтичей и приписывались къ господарской пущѣ. Такія распоряженія Воловича, конечно, были вполнѣ правильны. Здѣсь не было никакого нарушенія шляхет-

---

[1]) Ревизія пущъ, стр. III—IV.
[2]) А. З. Р., III, № 19.
[3]) Рев. пущъ, стр. 111, 135, 136, 137 etc.

скихъ правъ, тѣмъ не менѣе шляхта была сильно раздражена, и ея раздраженіе съ точки зрѣнія интересовъ землевладѣльческаго класса—вполнѣ понятно.

Ту же картину можно наблюдать и при изученіи нѣкоторыхъ изъ сохранившихся писцовыхъ книгъ. Многіе изъ землевладѣльцевъ заявляли притязанія на землю, но оправдать ихъ ничѣмъ не могли [1]). Во всякомъ случаѣ, весь шумъ, поднятый шляхтой вокругъ провѣрки правъ на земли, показывалъ, что въ этомъ отношеніи далеко не все обстояло благополучно. Не даромъ правительство постоянно напоминало о необходимости предъявлять листы господарскимъ агентамъ. И другіе документы, довольно часто указываютъ на то, что тотъ или другой дворянинъ, „будучи на справѣ помѣри волочное“, „за неоказаніемъ правъ“ „привернулъ“ имѣніе къ господарскому двору [2]).

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создавала немало дѣлъ о „выводѣ“ шляхетства. Дѣло въ томъ, что ревизоры, производя волочное измѣреніе, обыкновенно облагали шляхетскія земли повинностями на-ряду съ тяглымъ населеніемъ, если владѣльцамъ ихъ не удавалось точно установить свое шляхетство. Конечно, потерявшій шляхетство бояринъ никоимъ образомъ не могъ и не желалъ помириться съ потерей своего шляхетства и поэтому считалъ нужнымъ использовать всѣ средства, допущенныя закономъ, лишь бы только возстановить себя въ шляхетскихъ правахъ.

Ко времени введенія волочной помѣры выводъ шляхетства уже принялъ строго опредѣленныя формы. Согласно сеймовому постановленію 1522 года лицо, поднявшее дѣло о возстановленіи своего шляхетства, имѣетъ выводить его двумя шляхтичами, которые должны подъ присягой показать, что онъ отъ прадѣда и дѣда одного съ ними рода и братъ по крови. Устава допускала присутствіе на судѣ и одного свидѣтеля, но тогда самъ истецъ былъ обязанъ присягой подтвердить свое показаніе. Наконецъ, если шляхтичъ не могъ представить никакихъ свидѣтелей, то для доказательства своего шляхетства онъ могъ ограничиться представленіемъ старинныхъ листовъ великаго князя Витовта, Сигизмунда и Казимира или нѣкоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которыхъ его предки или онъ самъ писаны боярами, независимо отъ ихъ собственнаго показанія [3]). Однако,

[1]) Писц. Кн. Пинск. Ст. ч. II, стр. 573, 577, 579, 581, 585, 589, 593.

[2]) Кн. Зап. XL, л. 215.

[3]) М. К. Любавскій. Лит.—Русск. Сеймъ, М. 1901, стр. 440.

въ практикѣ доказательства шляхетства можно было встрѣтить юридическіе случаи, сущность которыхъ разрѣшалась иначе, чѣмъ требовала устава 1522 года.

Такъ, когда панъ воевода Троцкій князь К. И. Острожскій разбиралъ дѣло Ейшишскаго хоружія Станка Радивиловича и его братьи съ ейшишскомъ бояриномъ Яномъ Юшковичемъ, доказывавшимъ, что они простые люди, а не шляхтичи, то князь—воевода не удовольствовался представленіемъ листовъ королей Александра и Сигизмунда и листа Ейшишскаго державцы, въ которыхъ было сказапо „ижъ опи зъ веку суть бояре шляхта", какъ этого требовала устава 1522 года, а сдѣлалъ опросъ всѣхъ ейшишскихъ бояръ, шляхтичи они или нѣтъ. И только послѣ ихъ утвердительнаго показанія князь-воевода вынесъ приговоръ въ желательномъ для Ейшишскаго хоружаго духѣ [1]). При выводѣ пинскими боярами Протасовичами своего шляхетства, дѣло было рѣшено въ ихъ пользу на основаніи показаній двухъ простыхъ свидѣтелей, что тоже шло въ разрѣзъ съ уставой 1522 г. [2]).

Такъ практика жизни измѣнила и расширила постановленіе Виленскаго вальнаго сейма 1522 года. Вопросъ о выводѣ шляхетства, конечно, для всего землевладѣльческаго класса былъ вопросомъ первостатейной важности, и статутовая комиссія, кодифицировавшая шляхетское право, должна была обратить на него свое исключительное вниманіе, отведя этому вопросу XI артикулъ въ третьемъ раздѣлѣ. Согласно послѣднему, для вывода шляхетства необходимо было представить свидѣтелей по дѣлу со стороны отца и со стороны матери истца. Дѣло рѣшалось присягой этихъ свидѣтелей. Въ случаѣ прекращенія рода можно было ссылаться на „бояръ шляхту околичныхъ, которые бы знали его, ижъ есть шляхтичъ". Эти бояре, со своей стороны, должны присягнуть „ижъ онъ есть з-роду шляхты". Что же касается способа доказательства своего шляхетства чужеземцами, то послѣдніе должны были доказывать свое шляхетство у себя на родинѣ и представить литовскому уряду листъ, въ которомъ подтверждалась правильность вывода шляхетства. Въ случаѣ невозможности, напр., изъ-за войны — истцу уѣхать домой и тамъ поднять дѣло о своемъ шляхетствѣ, то статутъ 1529 года разрѣшалъ въ такомъ случаѣ ограничиться представленіемъ двухъ соотечественниковъ своихъ, присяга которыхъ рѣ-

[1]) М. К. Любавскій. Opus cit., стр. 441.
[2]) Ibid., стр. 441.

шала окончательно дѣло. Нельзя не согласиться съ М. К. Любавскимъ, что редакція Статута мало удовлетворительна и нуждается въ дополненіи. Во-первыхъ, она ни слова не говоритъ о законности представленія листовъ в. к. и пановъ—рады, въ которыхъ истцы названы боярами и, слѣдовательно, шляхтичами. Во-вторыхъ, она игнорируетъ прецедентъ, бывшій въ 1524 г., когда дѣло о выводѣ шляхетства рѣшалось на основаніи показаній постороннихъ свидѣтелей. Между тѣмъ письменными документами пользовались при выводѣ шляхетства и послѣ статута 1529 года, несмотря на его умолчаніе объ этомъ. Практика жизни даже расширила поставленія уставы 1522 г. Представлялись листы не только великихъ князей или пановъ-радныхъ, но документы, выданые потомками удѣльныхъ князей, и это верховной властью считалось вполнѣ достаточнымъ [1]). Поэтому правъ М. К. Любавскій, говоря' что статутовое постановленіе „о згодѣ шляхетства" не уничтожило и не покрывало собой сеймоваго рѣшенія 1522 года. Во время производства аграрной реформы особенно участились судебные процессы о „выводѣ шляхетства". Практика жизни показывала всю недостаточность способовъ доказательствъ, утвержденныхъ закономъ. Поэтому тѣмъ лицамъ, кто доказывалъ свое шляхетство, и тѣмъ, кто разбиралъ это дѣло, сплошь и рядомъ приходилось расширять рамки закона 1522 года и статута 1529 года и допускать и иные способы доказательства своего шляхетскаго происхожденія, выдвинутые самой жизнью.

Дѣло о выводѣ шляхетства начиналось подачей соотвѣтствующаго челобитья господарю. Такое челобитье подавалось или отъ имени одного лица: „жаловалъ намъ, говоритъ господарскій листъ, бояринъ повету Троцкаго волости Василишской Зенко Грынковичъ"[2]) или отъ имени цѣлой группы лицъ, заинтересованной въ возстановленіи шляхетскихъ правъ. Въ такомъ случаѣ, челобитчиками выступали или родственники: „пріѣздили до насъ бояре наши лепунскіе Стасъ и Мартинъ Озахаревичи", говорится въ господарскомъ вырокѣ по дѣлу двухъ братьевъ[3]) или группа околичныхъ бояръ, подававшая челобитье отъ своего имени и „отъ братии своей". Такъ слонимскіе бояре: Марко Дорофеевичъ,

---

[1]) М. К. Любавскій. Opus cit., стр. 442.
[2]) К. З., XXXVII, л., 214.
[3]) К. З., XXXVII, л. 376.

Тимофей Нестеровичъ" подали господарю челобитье о признании за слонимскими боярами шляхетства[1]).

Встрѣчались въ практикѣ литовско-русскаго правительства, случаи, впрочемъ, кажется довольно рѣдко, когда дѣло о выводѣ шляхетства начиналось самой центральной властью.

Правительство не считало многихъ ейшишскихъ бояръ шляхтой. Послѣдние держались обратнаго мнѣнія „и своволне въ право шляхетское вдалися", при этомъ захвативъ въ свои руки незаконно, безъ всякой „данины" немало господарскихъ групповъ и не желая „съ тыхъ земель своихъ службы путныя служити, дяколъ давати и на тяглую службу ходити". Видя такое упорство и не желая допускать долѣе незаконное пользованіе присвоенными правами, что, конечно, задѣвало интересы господарскаго скарба, правительство рѣшило устроить „выводъ водле статуту"[2]).

Конечно, уже подача челобитья формально была достаточна для возбужденія дѣла. На самомъ дѣлѣ не всегда такъ бывало. Правительство иногда игнорировало челобитья отдѣльныхъ лицъ и не создавало дѣла о выводѣ шляхетства, и только постоянныя „набѣганія" челобитчиковъ и упорныя напоминанія „ижъ предкове ихъ и они сами до того службы путницкое не служивали и подачекъ не дaвали але завжды службою шляхетскою служивали" заставляли литовско-русское правительство разсмотрѣть поданное челобитье[3]). Конечно, отъ такого внимательнаго отношенія къ челобитіямъ лицъ, ищущихъ шляхетства, особенно страдали несостоятельные „бояре". Нѣкоторые изъ нихъ вслѣдствіе своей бѣдности даже не могли поднять дѣло о шляхетствѣ, мирились на нѣкоторое время съ непривычнымъ для нихъ положеніемъ въ надеждѣ въ будущемъ, когда матеріальныя обстоятельства измѣнятся, поднять дѣло о возстановленіи утеряннаго шляхетства. Слонимскіе бояре Лени Ивановичъ, Марко Кралевичъ, Василій Борисовичъ и Петръ Ходоровичъ цѣлыхъ три года платили чиншъ, не поднимая вопроса о своемъ шляхетствѣ, и въ реестровыхъ спискахъ считались приписанными къ тяглому состоянію. Конечно, такое промедленіе съ выводомъ шляхетства и молчаливое примиреніе съ своимъ тяглымъ состояніемъ, только и можно объяснить бѣдностью и отсутствіемъ средствъ у челобитчиковъ[4]).

---

1) К. З., XXXVII, л. 352.
2) К. З. XXXIX, л. 182.
3) К. З. XXXVII, л. 267—268.
4) К. З., XLIX, л. 39.

Подавая челобитье господарю, просители обыкновенно указывали на причину своего недовольства и приводили доказательства, почему они считаютъ неправильнымъ какъ отнятіе у нихъ земли, такъ принужденіе ихъ нести тяглую службу. Бояринъ Троцкаго повѣта Зенико-Грыниковичъ жаловался господарю, что дворянинъ Павелъ Котовичъ, „за росказаніемъ господарскимъ, помѣраючи земли подданыхъ“ въ волости Василишской, земли ихъ „властные на волоки померилъ и подданнымъ роздалъ“, а между тѣмъ его предки со временъ Витовта несли военную службу наравнѣ со шляхтой“ [1]). Слонимскіе бояре Гаврило Пацевичъ и др. жаловались, что „дворянинъ Андрей Ильковскій, „приворачаючи ихъ ку службе путницкой, земли ихъ на волоки померити и подданымъ нашимъ раздати хочетъ“, а между тѣмъ „они тые службы не служивали, а ставили одного коня“, при этомъ представили документы-листы в. к. Александра и Сигизмунда, по которымъ они освобождались „отъ службы тяглыя и отъ хоженія въ подводы и отъ даванія дяколъ“ и по которымъ велено имъ служить такъ, какъ дѣды и отцы ихъ служили при Витовтѣ [2]). Поэтому они просятъ объ освобожденіи отъ службы путной. Лепунскіе бояре Стась и Мартинъ Озахоревичи считаютъ незаконнымъ намѣреніе ревизора Райскаго измѣрить ихъ земли на волоки и раздать подданнымъ, а равно и запрещеніе жать имъ ихъ хлѣба, такъ какъ они издавна бояре-шляхта. Въ доказательство чего представили листъ Сигизмунда [3]). Бояре Слонимскаго повѣту Лени Ивановичъ и Марко Климовичъ, Василій Борисовичъ и Петръ Ходоровичъ „жаловались, что они бояре-шляхта, а ихъ „примучаютъ“ платить чиншъ. Поэтому они ходатайствуютъ о выводѣ шляхетства и объ освобожденіи ихъ отъ чинша [4]).

О томъ же говорили въ своемъ челобитіи и четверо бояръ Глѣбовичей, не представившихъ въ свое время никакихъ документовъ на землю и о своемъ шляхетствѣ, и потому записанныхъ въ тяглые списки и обложенныхъ чиншемъ [5]).

Если документы, представленные челобитчиками, не вызывали никакихъ сомнѣній и на основаніи ихъ можно было рѣшить,

---

1) К. З., XXXVII, л. 214.
2) К. З., XXXVII, л. 371.
3) К. З., XXXVII, л. 376.
4) К. З., XLIX, л. 39.
5) К. З., XLI, л. 250.

шляхтичи ли челобитчики или нѣтъ, то это дѣло рѣшалось господаремъ безъ всякихъ предварительныхъ справокъ и разслѣдованій. Такъ в. к. Сигизмундъ II счелъ возможнымъ признать шляхетство за лепунскими боярами Стасемъ и Мартиномъ Мартиновичемъ Озахоревичами, представившими листъ короля Сигизмунда I и заявившими, что еще раньше до помѣры волочной тамошній державца хотѣлъ „привернуть ихъ къ службѣ тяглой", но, убѣдившись въ томъ, что они „тяглой службы никогда не носили", велѣлъ „имъ службу земскую посполъ съ боярами лепунскими служити" [1]). Если документы и доводы просителей были сами по себѣ недостаточны, и господарь не могъ вынести окончательной резолюціи, то производство слѣдствія, допросъ на мѣстѣ свидѣтелей, разсмотрѣніе документовъ и другихъ данныхъ осуществлялись правительствомъ при помощи различныхъ административныхъ пріемовъ. Иногда это поручалось цѣлой спеціальной комиссіи, состоявшей изъ двухъ или нѣсколькихъ лицъ, смотря по сложности дѣла въ зависимости отъ количества лицъ, добивавшихся вывода шляхетства. Для вывода шляхетства боярина Іоанна Болобки и его братьевъ была образована спеціальная комиссія въ составѣ Виленскаго бискупа Валеріана и намѣстника воеводы Виленскаго пана Яна Новицкаго [2]). Когда приходилось выводить шляхетство многочисленной группѣ Ейшишскихъ бояръ—то были посланы комиссарами маршалокъ и писарь господарскій, староста Тыкотинскій панъ Янъ Шимковичъ, староста Мстибоговскій, Ейшишскій державца—панъ Григорій Воловичъ и дворянинъ Размыслъ Богдановичъ Довкгтирда [3]).

Поручался выводъ шляхетства и отдѣльнымъ лицамъ, не занимавшимъ въ данное время никакого официальнаго положенія. Боярину Троцкаго повѣта Зенику Грынковичу приходилось доказывать свое шляхетство передъ княземъ Янушемъ Скупалуцкимъ [4]) Приходилось выступать въ качествѣ судьи и воеводѣ Троцкому, когда дѣло касалось бояръ, живших въ его воеводствѣ. Слонимскіе бояре Гаврило Пацевичъ съ братьею должны были представить доказательства своего шляхетства Троцкому воеводѣ [5]). Иногда, не поручая какому-либо лицу спеціальнаго

[1]) К. З., XXXVII, л. 376.
[2]) К. З., XXXVII, л. 267—268.
[3]) К. З., XXXIX, л. 182.
[4]) К. З., XXXVII, л. 214.
[5]) К. З., XXXVII, л. 371.

разслѣдованія, господарь ограничивался наведеніемъ справки у скарбнаго писаря, записано ли то или другое лицо въ спискахъ бояръ шляхты. Когда бояринъ стокилишскій Николай Корвелло подалъ жалобу Сигизмунду на незаконныя дѣйствія ревизора Андрея Кунцевича, желавшаго его земли на волоки помѣрить, то справка въ скарбовыхъ реестрахъ дала возможность господарю рѣшить дѣло въ пользу Корвелла [1]). Поручался выводъ шляхетства и ревизору въ присутствіи мѣстнаго уряда. Такъ, ревизору Яну Стецковичу, бывшему на ревизіи Марковскаго двора, было поручено въ присутствіи Марковскаго державцы провѣрить права на шляхетство нѣсколькихъ бояръ Ошменскаго хоружства [2]). Возможно было доказывать шляхетство и въ присутствіи одного ревизора. Ревизору дворовъ Троцкаго повѣта пану Станиславу Райскому пришлось провѣрять шляхетство жены войта Радуньскаго, владѣвшаго по женѣ шляхетской землей [3]). Ревизорамъ Адаму Пильховскому и Себестіану Дыбовскому пришлось выводить шляхетство бояръ Городенскихъ: Гаврилы, Степана, Матвѣя и Нестора Глѣбовичей, не представившихъ въ свое время „жадныхъ“ листовъ на свои земли и не вчинившихъ „выводу на шляхетство“, а потому записанныхъ на тяглую службу наравнѣ съ другими господарскими поддаными [4]). Конечно, выводъ о шляхетствѣ, произведенный по порученію господаря, имѣлъ тогда только силу, когда онъ скрѣплялся подписью монарха.

Иногда выводъ шляхетства поручался какому-нибудь видному должностному лицу, но послѣднее, занятое господарской службой, не могло выполнить возложеннаго на него порученія. Въ такомъ случаѣ, такое лицо, не отказываясь отъ порученія, отъ своего имени поручало другимъ лицамъ произвести выводъ шляхетства. Когда Виленскому канцлеру пану Николаю Радивиллу было поручено произвести выводъ шляхетства слонимскихъ бояръ Ходоровичей, онъ не могъ лично выполнить господарскаго повелѣнія, такъ какъ былъ назначенъ наивысшимъ гетманомъ и находился при войскѣ, и съ своей стороны возложилъ исполненіе господарскаго порученія на хоружаго дворнаго пана Григорія Рагозу, хоружаго Новгородскаго пана Ивана Харитоновича и

[1]) К. З., XXXVII, л. 426.
[2]) К. З., XXXIX, л. 606.
[3]) К. З., XLI, л. 23.
[4]) К. З., XLI, л. 250.

хоружаго Берестейскаго пана Кирдея Кричевскаго, передъ которыми бояре слонимскіе должны были доказывать свое шляхетство [1]). Наконецъ, выводъ шляхетства возлагался сплошь и рядомъ на мѣстнаго старосту-державцу. Когда ейшишскіе бояре Балтромеевичи подняли дѣло о своемъ шляхетствѣ, то Ейшишскому державцѣ пану Григорію Воловичу было поручено „абы онъ певную и достаточную ведомость вземъши, з обу сторонъ выслухавши намъ господару—ознаймилъ" [2]).

Когда приходилось истцамъ доказывать свое шляхетство, то челобитчики пользовались для этого разными способами доказательства, далеко выходившими, какъ за предѣлы уставы 1522 года, такъ и Статута 1529 года. Одни изъ челобитчиковъ пользовались указаніями Статута и для доказательства чистоты своей крови пользовались услугами и показаніями родственниковъ. Бояринъ Иванъ Болобка—представилъ двухъ братьевъ рожоныхъ, а третьяго братанича, доказывавшихъ, что „они шляхетскаго роду, подляшскаго повѣту—Мельницкаго" [3]). При выводѣ шляхетства слонимскими боярами Лепи Ивановичемъ, Марко Климовичемъ, Василіемъ и Петромъ Ходоровичемъ стороны представили въ качествѣ свидѣтелей мѣстныхъ бояръ-шляхту-Миколая Станикевича Проствиловича и Богуша Мискевича Проствиловича. Они показали, что „предкове ихъ Проствили,—а по рожденію братія—народу шляхетскаго". У Проствила было два сына: Станикъ и Миско. У Станика родился сынъ Николай, а у Миска—сынъ Богушъ. Что же касается вышеупомянутыхъ бояръ-истцовъ, то свидѣтели показали ихъ потомками родного брата Проствила Паца. Съ своей стороны, и бояринъ Войтеровичъ Квинта далъ показаніе „ижъ тые бояре—отцу его—Войтеху Квинта сути кревная братія и одного съ ними гербу, и якъ ихъ зозналъ, тогды поспол зъ ними службу земскую служивалъ". Для подкрѣпленія ихъ показаній комиссары обратились къ Слонимскому хоружому пану Михаилу Соколовскому. Послѣдній также показалъ „ижъ тые бояре як за предковъ его хоружихъ Слонимскихъ, такъ и за хоружество его поспол з иншими бояре повету Слонимскаго шляхтою службу земскую служивали" [4]). Другіе челобитчики ссылались на

---

1) К. З., XLIX, л. 39.
2) К. З., L., л. 47.
3) К. З., XXXVII, л. 267—268.
4) К. З., XLIX, л. 39.

письменные документы, выданные предками Сигизмунда-Августа. Такъ поступили бояре слонимскіе Марко Дорофеевичъ и Тимофей Нестеровичи, представившіе въ доказательство, что они бояре шляхта „листъ дяди нашего короля его милости Александра, „иж в. к. Витовтъ не велѣлъ имъ служить никакоі службы“ [1]). Также поступили и бояре лепунскіе Стась и Мартинъ Озахаревичи, „выложившіе“ передъ господаремъ листъ короля его милости Жигимонта [2]).

Бояре слонимскіе, не желавшіе стать путными людьми, доказывали, по словамъ господарскаго листа это листами „дяди нашого Александра и отьца нашого Жигмонта“, согласно которымъ они освобождались отъ тяглой службы и прочихъ повинностей, соединенныхъ съ послѣдней [3]).

Третьи изъ челобитчиковъ выводили свое шляхетство, приводя въ качествѣ свидѣтелей околичную шляхту. Когда боярамъ Городенскаго повѣта Гавріилу, Степану, Матвѣю и Нестору Глѣбовичамъ пришлось доказывать свое шляхетство, такъ какъ „господарскимъ ревизорамъ секретарю плебану городенскому кн. Адаму Пильховскому и Себастіану Дыбовскому листовъ жадныхъ на тые кгрунты за чимъ бы ихъ держали они не показали и ни котораго выводу подле обычаю право на шляхетство не вчинили, и съ тое причины на службе тяглой постановены“, то теперь они представили свои документы и сослались на добрыхъ шляхтичей „суседей“, дѣйствительно показавшихъ, „что они з отъцовъ и дѣдовъ и съ предковъ своихъ шляхтичи и службу военную восполокъ з иными бояри нашими шляхтичами служили [4]). Иногда челобитчики недовольствовались ссылкой на околичную шляхту и опрашивали еще тамошнихъ подданныхъ. Бояре Ошменскаго хоружства Якубъ и Павелъ Юревичи выводили свое шляхетство и ставили передъ судьей „певныхъ особъ бояръ шляхту хоружества Ошменскаго и Кревскаго“. Они „поведили и сознали, иж тые бояре Павелъ и Якубъ Юревичи есть братья ихъ бояре шляхта, и якъ запамятуютъ еще деда ихъ Якуба Товтька и отьца ихъ Юря тогды съ того именья отчизного... сполна съ ними службу земскую, яко иншая шляхта служивали“. Затѣмъ „подданные

[1]) К. З., XXXVII, л. 352.
[2]) К. З., XXXVII, л. 376.
[3]) К. З., XXXVII, л. 371.
[4]) К. З., XLI, л. 250.

паши, яко слуги путные, такъ и люди волостные двора Марковскаго также сознавали, ижъ яко оный дедъ Якубъ Товтько, а Юри отецъ, такъ же и Павелъ и Якубъ помененные с тое отчизны своея жадныхъ службъ не служивали и повинностей не полнивали, кромъ службы земъское военное сполна з боярами шляхтою хоругви Ошъменское" [1]). Кромѣ того, для доказательства шляхетства, прибѣгали къ справкамъ по реестровымъ войсковымъ спискамъ, хранившимся у скарбнаго писаря. Когда земяне Браславскіе Виленскаго повѣта Довборовичи „з братіей своей", доказывали свое шляхетство, что они „дей с продъковъ своихъ здавна есть шляхъта", то господарь, вынося окончательную резолюцію, не довольствовался показаніями „светъковъ шляхты, зъотца и матки менуючи ихъ кревною братею", а навелъ справки „в рейстрахъ скарбныхъ попису войскаго за гетъманства пана Виленьскаго пана Юрья Радивилла, который попись [2]) былъ тридцать четвертомъ", дѣйствительно ли они „службу военную посполъ з бояры шляхтой служивали" [3]). Наконецъ, справлялись также у мѣстнаго хоружаго. Панъ воевода Троцкій, разбирая дѣло о выводѣ шляхетства слонимскими боярами Гаврилы Пацевича съ братьей его, долженъ былъ спросить мѣстнаго хоружаго какъ разъ бывшаго на мѣстѣ разбора дѣла „дѣйствительно ли они бояре-шляхта и службу земскую носили" [4]).

Обыкновенно шляхетство того или другого боярина заподозривалось въ моментъ производства волочнаго измѣренія или во время послѣдующихъ ревизій. Но на практикѣ были вполнѣ возможны и другіе моменты, когда шляхетство ставилось подъ подозрѣніе. Въ такомъ случаѣ, инипіатива возбужденія вопроса о дѣйствительности шляхетства исходила отъ мѣстнаго старосты и державцы. Староста Браславскій панъ Юрій Юрьевичъ Остикъ сталъ „приворачивать у службу тяглую або путную" браславскихъ земянъ Виленскаго повѣта—Довбровичей, и считая ихъ тяглыми людьми, сталъ звать ихъ къ себѣ на судъ безъ „всякихъ позвовъ" вопреки требованію статутоваго права. Поступокъ старосты, конечно, удивилъ земянъ. Бывшіе раньше мѣрчіе и ревизоры признавали ихъ шляхтой и дали имъ отмѣну за ихъ земли. Бывшая въ его рукахъ

---

[1]) К. З., XXXIX. л. 606.

[2]) Какое значеніе имѣли эти реестровые войсковые списки—вопросъ достаточно разъясненъ трудомъ М. К. Любавскаго. (Лит.-Русск. Сеймъ, стр. 443).

[3]) К. З., XLIV, л. 13.

[4]) К. З., XXXVII, л. 371.

„невная“ вѣдомость опредѣленно говорила объ ихъ шляхетствѣ. Понятно, что они, считая себя правыми, подняли дѣло „о выводѣ своего шляхетства“ [1]).

Не всегда бояре, добивавшіеся признанія своего шляхетства, выигрывали дѣло; такъ слонимскіе бояре Марко Дорофеевичъ и Тимофей Нестеровичъ не были признаны шляхтой, но въ то же время ихъ освободили отъ тяглой службы.

Мѣстный державца получилъ отъ господаря распоряженіе „не примучать ихъ и братью ихъ ку службѣ тяглой“, но „осадить ихъ и братью ихъ на плате яко путныхъ людей, заховываючи въ томъ водлугъ уставы волочное и водле розказанію нашему“ [2]).

И ейшишскіе бояре, считавшіе себя шляхтичами, не могли его доказать передъ бискупомъ-Валеріаномъ, „Выводъ“ показалъ, что они не имѣютъ никакихъ правъ на шляхетство. Поэтому земли ихъ подлежали измѣренію на волоки [3]). Такая же участь постигла и другую часть ейшишскихъ бояръ послѣ офиціальнаго разслѣдованія спорнаго вопроса объ ихъ шляхетствѣ.

Когда господарскимъ рѣшеніемъ шляхетство признавалось за просителемъ или просителями, то челобитчики немедленно возстанавливались въ своихъ правахъ: признавалось шляхетство и возвращалась земля. Когда кгероинскій бояринъ Гришка Комоевичъ доказалъ свое шляхетство, то онъ немедленно былъ освобожденъ отъ платежа чинша съ волокъ, на которыхъ онъ сидѣлъ, а мѣстному старостѣ было послано предписаніе, чтобы онъ „съ тыхъ волокъ примушати его не велѣлъ и въ реестрѣ своемъ за шляхту ту ихъ описалъ, не хай онъ съ того службу земскую служитъ“ [4]). Бояринъ стоклишскій Миколай Корвелло получилъ обратно свои земли, которыя хотѣли „помѣрить у волоки“, лишь только наведенныя господаремъ справки у скарбнаго писаря дѣйствительно подтвердили правильность всѣхъ его доказательствъ [5]). Когда Гаврило Пацевичъ и „иншіе“ слонимскіе бояре доказали свое шляхетство, то имъ были возвращены ихъ земли въ размѣрѣ 42 в. „нехай они тую землю держать и

1) К. З., XLIV, л. 13.
2) К. З., XXXVII, л. 352.
3) К. З., XXXVII, л. 202.
4) К. З., XXXVII, л. 386.
5) К. З., XXXVII, л. 426.

вживаютъ и намъ ку службе военной служатъ“ [1]). Получили удовлетвореніе и лепунскіе бояре. Ревизору Станиславу Райскому было послано приказаніе не брать ихъ земли подъ волоки[2]). Бояре слонимскіе Ходоровичи были немедленно „з ласки господарской“, возстановлены въ своихъ шляхетскихъ правахъ, какъ только обнаружилась ихъ правота [3]).

Когда бояре хоружства Ошменскаго—Павелъ и Якубъ Юревичи доказали свое шляхетство, они немедленно „были приворочены подъ судъ вольность и право шляхетское“ [4]). Когда правительство окончательно составляло свое рѣшеніе, то о состоявшемся постановленіи немедленно доводилось до свѣдѣнія мѣстной администраціи или ревизора. Первые должны были быть освѣдомленными для того, чтобы они не позволили себѣ никакихъ безтактныхъ дѣйствій по отношенію къ лицамъ, возстановленнымъ въ своихъ правахъ. Вторые — должны были произвести соотвѣтствующія измѣненія въ своихъ реестрахъ въ зависимости отъ господарскаго листа. Это было необходимо, разъ прецедентъ установилъ, что справка съ „реестрами“ имѣетъ рѣшающее значеніе для вынесенія окончательнаго рѣшенія. Когда браславскіе земяне выиграли свое дѣло и вывели передъ господаремъ свое шляхетство, то староста Браславскій получилъ предписаніе „абы есте тыхъ Довбровичовъ черезъ то у службу тяглую не приворочали и безъ позвовъ у права передъ собою отказывати имъ не казали и зыменей ихъ не рушали, и пущъ ихъ властныхъ угорскихъ которыхъ они до сего часу были въ деръжаніи не отънимали и бортей тамъ уживати и дерево брати имъ не забороняли и грабежовъ имъ делать не велели, и никотораго вътиснения и трудности надъ право шляхетское имъ не чинили, але во всемъ ся не хай они справуютъ и службу земскую“ военъную служатъ потому, яко и иные бояре шляхта тамошняя браславская“.

Уставъ о волокахъ, опредѣляя довольно детально обязанности господарскихъ агентовъ, производившихъ волочное измѣреніе, требовалъ присоединенія къ господарскимъ дворамъ и замкамъ шляхетскихъ земель только лишь въ крайнихъ слу-

[1]) К. З., XXXVII, л. 433.
[2]) К. З., XXXVII, л. 376.
[3]) К. З., XLIX, л. 39.
[4]) К. З., XXXIX, л. 606.
[5]) К. З., XLIV, л. 13.

чаяхъ, когда округленіе господарскихъ имѣній, поравненіе „кгрунтовъ" могло быть выполнено только при условіи отписки на господаря шляхетскихъ и боярскихъ имѣній въ такихъ случаяхъ, по выраженію устава о волокахъ, „безъ земянскихъ кгрунтовъ не выпростуются" [1]). Только въ послѣднемъ случаѣ необходимо было, измѣривъ на волоки земли частныхъ владѣльцевъ, присоединить ихъ къ господарскимъ землямъ. Конечно, при этомъ устава требовала соблюденія ряда условій, которыя гарантировали бы возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ землевладѣльцами отъ аграрныхъ мѣропріятій литовско-русскаго правительства. Согласно волочному уставу, землевладѣльцы, у которыхъ отобрали на господаря земли, получаютъ отмѣну. Послѣдняя должна быть совершенно равноцѣнной по сравненію съ отобранной землей, „ровной и слушной" [2]), „якимъ кгрунтомъ возьмутъ, такимъ и также много отдати" [3]). Въ интересахъ землевладѣльцевъ предположенная отмѣна должна только даваться тамъ, „гдѣ бы земянамъ споручъ ихъ имѣніямъ" [4]), чтобы хозяйственная мѣна угодьями не наносила бы убытка собственникамъ.

На практикѣ, конечно, не всегда было возможно дать отмѣну совершенно равноцѣннымъ грунтомъ. Уставъ о волокахъ предусматриваетъ такія случайныя невозможности и, чтобы не были нарушены права и не задѣты интересы землевладѣльцевъ, уставъ о волокахъ требуетъ, чтобы должностныя лица въ послѣднемъ случаѣ отдавали бы въ видѣ отмѣны такое количество земли, которое бы въ общей сложности равнялось цѣнности отобраннаго участка. Конечно, полученіе участка земли, одинаковаго по цѣнности, но не по качеству, съ отобраннымъ на господаря, не было полнымъ возмѣщеніемъ убытковъ, полученныхъ при этомъ землевладѣльцами. Уставъ не учитывалъ ни того, что на новыхъ участкахъ приходилось все устраивать по другому, ни того, что хорошая земля никогда не сравняется съ плохой, хотя бы полученной и въ большомъ размѣрѣ. Слѣдовательно, землевладѣльцы отъ „поравненія господарскихъ кгрунтовъ" терпѣли убытки, о возмѣщеніи которыхъ уставъ о волокахъ и не думаетъ.

Раздѣляя по качеству почвы земли на три разряда, „преднiй, среднiй и подлый", уставъ о волокахъ опредѣляетъ коли-

---

[1]) А. З. Р. III, № 19 стр. 83.
[2]) К. З. XXXVIII, л. 399.
[3]) А. З. Р. т. III, № 19 стр. 83.
[4]) Ibid.

чественное отношеніе между ними [1]). Впрочемъ, дѣленіе земель по достоинству на три разряда не совсѣмъ точно. Въ памятникахъ встрѣчается и иная терминологія, и нѣсколько болѣе дробный качественный анализъ почвы. Писцовая книга Пинскаго Старосства знаетъ еще терминъ „посредственнаго“ кгрунта [2]). Въ писцовой книгѣ Кобринской экономіи терминологія довольно подробна. Здѣсь земли дѣлятся на среднія, подлыя, преподлыя, подлыя для низкости, никчемныя, надеръ подлыя, песковатыя, болотистыя, багнистыя [3]). Въ описаніи Берестейскаго староства встрѣчаются термины для опредѣленія качества почвы: добрый, средній, подлый, подлый на полъ съ преподлымъ, преподлый и наддеръ подлый [4]). Въ общемъ, терминологію устава приходится признать нѣсколько краткой и слишкомъ теоретической. Дѣйствительность основательно разбила эти теоретическія предположенія.

Для того, чтобы установить извѣстную градацію между волоками разными по качеству почвы, уставъ о волокахъ требуетъ, чтобы „за волоку кгрунту преднего среднимъ кгрунтомъ полторы волоки дати, а за волоку среднего подлымъ двѣ дати, какъ ся то учинитъ, за волоку кгрунту преднего дати подлаго кгрунту три волоки“ [5]).

Отношеніе между волоками на Подляшьи было нѣсколько иное: здѣсь за одинъ моргъ передней земли давалось четыре подлыхъ морга, а за моргъ подлаго грунта два преподлыхъ или 4 лѣсныхъ и болотныхъ т. е. за моргъ преподлый два морга лѣсныхъ [6]).

Уставъ о волокахъ предусматриваетъ возможный вполнѣ случай, когда въ силу мѣстныхъ условій приходится давать „отмѣну“ подлымъ, песковатымъ, болотливымъ кгрунтомъ, когда приходится отступить отъ пропорціональнаго отношенія волокъ одного качества къ волокамъ другого качества. Прекрасно понимая полную невозможность какихъ-либо апріорныхъ теоретическихъ вычисленій, опредѣленіе размѣровъ наддатковъ уставъ всецѣло возлагаетъ „на пильное уважене уряду нашого и ревизора и мѣрниковъ“, лишь бы только господарю и тому, у кого берутъ

[1]) Ibid.
[2]) Писц. Кн., Писц. Ст. II, стр. 567 и passim.
[3]) Писц. Кн. Кобр. Экон., passim.
[4]) Д. А. М. Ю. т. I, стр. 205—448—passim.
[5]) А. З. Р., т. III, стр. 83.
[6]) К. З., L, л. 222.

„шкода не была" [1]). По той же причинѣ, чтобы не было никакихъ злоупотребленій съ надѣленіемъ отмѣны, новый хозяйственный наказъ требовалъ, чтобы отмѣна не давалась ни въ коемъ случаѣ безъ мѣстнаго „уряда". Конечно, такое требованіе вполнѣ раціонально. Оно исключало въ большей степени возможность злоупотребленій со стороны господарскихъ агентовъ. Мѣстный урядъ такимъ образомъ является и блюстителемъ интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и представителемъ государственныхъ интересовъ. Съ своей стороны, землевладѣльцы высылали своихъ приказчиковъ для защиты своихъ интересовъ при производствѣ отмѣны [2]). На самомъ дѣлѣ отмѣна давалась и другими способами, не предусмотрѣнными уставомъ. Такое отклоненіе пришлось сдѣлать подъ вліяніемъ разнаго рода практическихъ соображеній.

Такъ надѣленіе отмѣной уже послѣ поданнаго челобитья возлагается на мѣстного державцу. Когда просьба господарскаго маршалка Сопѣги о дарованіи отмѣны была удовлетворена, то державцѣ Каменецкому пану Мартину Туру было поручено выѣхать, осмотрѣвъ земли маршалка, дать ему соотвѣтствующую отмѣну [3]). Тѣ же обязанности въ Жмудскомъ староствѣ возлагались на мѣстныхъ тивуновъ. У земянина Щепана Тарновскаго былъ взятъ и приверненъ къ господарскому двору Волькиницкому, его дворецъ „з будованіемъ и со всими кгрунтами". Земли его были своевременно вымѣрены, а отмѣна не была дана. Земяниномъ было подано соотвѣтствующее челобитіе объ отмѣнѣ. Послѣднее было удовлетворено, и тогда Сигизмундъ II „писати велелъ до тивуна Жомоитское волости Деръвяпское, абы онъ зъехавши вымѣрилъ 26 волокъ зъ людьми на нихъ оселыми и отъ иншихъ кгрунтовъ ограничивши ему въ моцъ и въ держаніе подалъ" [4]). Въ той же Жмуди отмѣна обыкновенно давалась самимъ старостой, если правительственный агентъ уѣхалъ и не далъ землевладѣльцамъ соотвѣтствующей отмѣны. Иногда провинціальная администрація производила отмѣну на основаніи указаній, полученныхъ отъ центральнаго правительства. Такъ старостѣ Жмудскому пану Яну Яронимовичу Ходкевичу было поручено дать новую отмѣну земянину Щепану Тарновскому, такъ какъ земли, данныя послѣднему раньше въ видѣ отмѣны, оказались необходимыми для

[1]) А. З. Р. III, стр. 83.
[2]) Писц. Кн. Грод. Стар. II стр. 506.
[3]) К. З., XXXVII, л. 39, 123.
[4]) К. З., XLI. л. 277.

потребностей господарскаго хозяйства [1]). Случалось въ экстренныхъ случаяхъ высылать для производства отмѣны спеціальныхъ комиссаровъ. По просьбѣ Берестейскаго земянина пана Александра Кущи, у котораго не мало „земель его властныхъ и сеножатей" было отобрано подъ господарскія волоки, а, между тѣмъ отмѣна не была дана, Сигизмундъ-Августъ „для успокоенія розни между подданными нашими и на отмену тыхъ помененыхъ кгрунтовъ въ померу волочную ку селамъ нашимъ забраннымъ" рѣшилъ выслать особыхъ для этого комиссаровъ въ лицѣ старосты Берестейскаго и Кобринскаго пана Остафія Воловича, скарбнаго писаря пана Яронима Квелецкаго и каноника Виленскаго плебана князя Суходольскаго [2]). И въ отвѣтъ на челобитье Жмудскаго подкоморія пана Миколая Станкевича объ отмѣнѣ, по распоряженію Сигизмунда II, „абы онъ на властности своей не шкодовалъ" были также высланы комиссары: чашникъ панъ Мартинъ Некетвичъ и подкоморій Ковенскій панъ Войтехъ Девялтовскій [3]). Иногда вмѣсто посылки спеціальныхъ комиссаровъ отводъ отмѣны возлагался на мѣстнаго старосту-державцу совмѣстно съ новымъ ревизоромъ, посланнымъ для постановленія „платовъ и пожитковъ". Такъ, при производствѣ аграрной реформы въ Мстибоговскомъ староствѣ дворяниномъ паномъ Павломъ Котовичемъ не была дана соотвѣтствующая отмѣна земянину Өедору Степановичу Ремизовскому, владѣніе котораго находилось около господарскаго Зельвенскаго двора. Земянинъ обратился съ соотвѣтствующимъ челобитьемъ, и тогда производство отмѣны было возложено на старосту Мстибоговскаго пана Григорія Воловича и дворянина Андрея Ильковскаго, посланнаго „для постановленія платовъ" [4]) въ вышеназванномъ дворѣ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно по жалобѣ потерпѣвшаго производилось повѣрочное измѣреніе отобранной земли, и только тогда давалась отмѣна. Точно такъ же, когда тивунъ Ойракгольскій панъ Миколай Станкевичъ Белевичъ пожаловался на неполученіе отмѣны за земли, отобранныя „къ кгрунтамъ волостей Ойракгольской и Россейнской", то Сигизмундъ II поручилъ дать необходимую отмѣну

---

1) К. З., XLI, л. 356; XLII л. 268.
2) К. З., LXXVII, л. 18.
3) К. З., L, л. 212.
4) К. З., XLVIII, л. 90.

державцѣ Россейнскому пану Матеѣ Петкевичу и подкоморію виленскому пану ревизору Войтеху Девялтовскому [1]).

Но высылка спеціальныхъ комиссаровъ для производства отмѣны являлась безусловно обязательной, если лицу, производившему „поравненіе кгрунтовъ“ приходилось „припускать“ къ господарскимъ дворамъ собственныя земли. Такъ подкоморій Ковенскій, ревизоръ дворовъ Завилейскихъ панъ Войтехъ Девялтовскій по словамъ господаря, „будучи ревизоромъ и становячи померу волочную у волости двора нашего Росейнскаго не мало земель своихъ у волоки наши занялъ, также некоторымъ бояромъ у отмене земли свои подавалъ и не могучи самъ себе отмены вчинити“, обратился съ просьбой къ великому князю, „абыхмо кого тамъ выславши и кгрунты его поморговати казавши отмѣну ему дати“. По приказанію Сигизмунда II для производства отмѣны выѣхалъ жмудскій тивунъ панъ Янъ Градовскій [2]).

Частновладѣльческія земли отбирались на господаря и послѣ производства волочнаго измѣренія. Сигизмундъ Августъ очень зорко слѣдилъ за улучшеніемъ господарскаго хозяйства и очень заботился объ увеличеніи доходовъ съ господарскихъ доменовъ. Поэтому, господарь неоднократно и послѣ волочнаго измѣренія отдавалъ распоряженіе „приве̂рнути“ села, „до двора потребныя“, конечно, съ порученіемъ дать отмѣну, если таковая слѣдова̂ла по закону. Такіе хозяйственные эксперименты продѣлывалъ не только Сигизмундъ-Авгу́стъ, инициаторъ аграрной реформы, но также и его преемники. Такъ, Стефанъ Баторій, при производствѣ ревизіи, счелъ цѣлесообразнымъ отобрать имѣніе, находившееся въ пользованіи пана Ивана Ольшевскаго и лежавшее въ городенскомъ повѣтѣ, и приписать его къ господарскому Городенскому двору. Ольшевскій же получилъ въ староствѣ Слонимскомъ соотвѣтствующую отмѣну, которую долженъ былъ отвести самъ Слонимскій староста [3]).

Помимо этого, въ практикѣ хозяйственной дѣятельности литовско-русскаго правительства нерѣдко случалось, что уже данная отмѣна вдругъ неожиданно оказывалась нужной для господарскаго двора. Правительство и въ этомъ случаѣ не церемонилось. Данная отмѣна просто-на-просто отбиралась, и вмѣсто нея

---

[1]) К. З. XLVIII, л. 229.

[2]) К. З., L. л. 244 и XLVIII, л. 293.

[3]) К. З., LXXLI, л. 64.

отводилась новая отмѣна, конечно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ правительство находило для себя наиболѣе удобнымъ и подходящимъ. Признавая, что такого рода хозяйственные эксперименты могутъ подорвать экономическое благосостояніе землевладѣльца, литовско-русское правителоство считало цѣлесообразнымъ дать въ такомъ случаѣ нѣкоторое „нагороженіе“, чтобы большимъ количествомъ волокъ возмѣстить „школы немалые“, полученныя землевладѣльцемъ[1]). Такого рода отобранія „отмѣнъ“ и приписка новыхъ земель къ господарскимъ дворамъ становились систематическими при ревизіи господарскихъ дворовъ и замковъ. Наказъ, составленный для ревизоровъ, требовалъ, чтобы послѣдніе, ревизуя дворовое хозяйство, собирали необходимыя свѣдѣнія „о кгрунтехъ всякихъ зданипъ его королевское милости зъодменъ ревизорскихъ и комиссарскихъ розданыхъ“. Если при этомъ они замѣтили бы какой-нибудь вредъ для интересовъ господарскаго хозяйства, то обо всемъ этомъ надо было написать въ реестръ, чтобы впослѣдствіи исправить ошибки первоначальнаго измѣренія на волоки[2]). Точно такъ же ревизоры совмѣстно съ державцами должны были произвести разграниченіе и шляхетскихъ земель, если послѣднія оказались бы „межи кгрунты королевской милости“[3]). Такого рода мѣропріятія для „поравненія кгрунтовъ“, конечно, только усиливали недовольство землевладѣльцевъ, такъ какъ они не могли быть увѣрены въ томъ, что больше, послѣ реформы, не будетъ уже никакихъ добавочныхъ измѣреній. Господарская отмѣна давалась только въ томъ случаѣ, если права землевладѣльца на землю были совершенно безспорны. Если право владѣнія было спорнымъ, если у землевладѣльца не оказывалось никакихъ документовъ на право владѣнія, или на право владѣнія землей предъявляли притязанія и другія лица, то, конечно, отмѣна не давалась. Земянинъ Иванъ Русановичъ Пинскій владѣлъ подъ городомъ Пинскомъ землей. Мѣщане пинскіе доказывали принадлежность этой земли городу, у котораго она была „закуплена“. Поэтому Русановичъ не получилъ отмѣны[4]).

На землю при селѣ Кошевичахъ, собственникомъ которой считался Яковъ Грициновичъ, заявили притязаніе крестьяне села

---

[1]) К. З., XLI, 356.

[2]) К. З., LII, л. 91.

[3]) Ibid.

[4]) Инсц. Кн., Пинск. Ст., II, стр. 577.

Полтароновичъ, доказывавшіе, что Грициновичъ расчистилъ ихъ собственныя дубравы[1]). Поэтому отмѣна Якову Грициновичу не была дана. Для полученія отмѣны было совершенно безразлично, кто владѣлъ шляхетскою землей. Владѣльцемъ ея могъ оказаться и не шляхтичъ, пріобрѣвшій шляхетскую властность или куплею, или черезъ наслѣдство, или владѣвшій ею благодаря браку со шляхтянкой. Если въ такомъ случаѣ право владѣнія не вызывало никакихъ сомнѣній, то ревизоры должны были убѣдиться въ томъ, что такая земля „встародавна шляхетскій кгрунтъ, а не тяглый есть и не въ нашихъ слугъ путъныхъ, альбо людей волостныхъ былъ купленъ“. Самый же способъ доказательства, считать тотъ или другой грунтъ шляхетскимъ, производился посредствомъ опроса тяглаго населенія и околичныхъ бояръ. Ихъ показанія имѣли рѣшающее значеніе. Когда войту въ мѣстѣ Радуньскомъ Матысю Жидовичу, женатому на шляхтянкѣ, которая владѣла землей, полученной ею отъ ея матери, приходилось давать отмѣну, то ревизоръ опросилъ господарскихъ подданыхъ и бояръ-шляхту „по близу тыя земель мешкающихъ“. Ихъ показанія рѣшили дѣло въ пользу войта, которому и была дана отмѣна „слушными и ровными землями“[2]).

Не давалась отмѣна и въ томъ случаѣ, если челобитчикъ, просившій господаря объ отмѣнѣ, не доставилъ опредѣленныхъ доказательствъ своего шляхетскаго происхожденія. Если же шляхетство какого-нибудь челобитчика доказывалось, то отмѣна давалась немедленно. Когда слонимскіе бояре доказали свое шляхетское происхожденіе, имъ были возвращены отобранныя у нихъ волоки[3]). Бояринъ Троцкаго повѣта Василишской волости Зенько Грениковичъ заявилъ велико-княжескому правительству, „что дворянинъ Павелъ Котовичъ, помераючи земли подданныхъ въ волости Василишской, именьице его подъ рѣкою Невышею и дворецъ подъ рѣкою Жемятиной на волоки помѣрилъ и подданымъ роздалъ“. Между тѣмъ его предки со временъ Витовта, владѣли землею и отправляли военную свою службу. Сигизмундъ потребовалъ вывода шляхетства, послѣ чего земли будутъ ему возвращены, если выяснилось бы, что „безъ тыхъ земель его волоки наши выполнити могли“, но если обнаружилось бы, что

[1]) Ib., стр. 579. См. ib., 581, 585, 589, 593, 597.
[2]) К. З., XLI, л, 23.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 371.

„безъ тыхъ земель волоки наши выполнитися не могли“, то ему слѣдуетъ дать отмѣну „ровную и слушную“, и притомъ немедленно „проволоки не чинячи [1]). Благодаря же сложности вывода шляхетства, нѣкоторые изъ истцовъ получили отмѣну уже только при преемникахъ Сигизмунда II. Такъ группа земянъ „Жомонтское земли“, у которыхъ ихъ властныя земли были забраны подъ волоки еще дворяниномъ Станиславомъ Райскимъ, однако, не давшимъ имъ отмѣны, вмѣсто послѣдней была вынуждена платить чиншъ часть же ихъ земель была отдана подданнымъ. По бѣдности ихъ отчичи не могли своевременно сдѣлать необходимый выводъ шляхетства, „поневолѣ дей-тамъ на земляхъ своихъ платили чиншъ постановленный“. Только при Стефанѣ Баторіи имъ удалось добиться посылки комиссіи для вывода ихъ шляхетства, которая признала ихъ шляхтичами. Стефанъ Баторій распорядился дать имъ отмѣну [2]).

Нѣсколько въ иномъ положеніи находились лица, владѣвшія землей „до воли и ласки господарской“. Такого рода пожалованіе могло быть отобрано въ любой моментъ, и лицо, у котораго его отбирали, было лишено возможности выразить свой протестъ и недовольство. Поэтому, при производствѣ аграрной реформы, земли, данныя „до воли и ласки господарской“, приписывались въ случаѣ необходимости къ господарскимъ землямъ, и прежній держатель не могъ имѣть никакихъ претензій по отношенію къ господарю. Ему оставалось или примириться съ этимъ или просить господаря о новомъ пожалованіи „до воли и ласки господарской“. Такъ земянинъ кремянецкій Василій Ивановичъ „за земли, взятыя на господаря“ получаетъ въ державѣ Кремянецкой три волоки земли „до воли и ласки господарской“ [3]).

Назначенная ревизорами въ присутствіи уряда отмѣна или отведенная другими должностными лицами имѣла принудительный характеръ. Отъ нея нельзя было отказаться, даже если бы она совершенно не соотвѣтствовала хозяйственнымъ интересамъ землевладѣльца. Можно было только обратиться съ челобитіями къ великому князю и просить о добавочной или новой отмѣнѣ. Если землевладѣлецъ, вслѣдствіе ли упорства или по какимъ-

[1]) К. З., XXXVII, л. 214.
[2]) К. З., LXXVI, л. 217.
[3]) К. З., XXXVII, л. 217.

либо другимъ личнымъ или хозяйственнымъ интересамъ, отказывался принять назначенную отмѣну, то, независимо отъ этого, она считается отведенной, а потому записывается въ реестровыя книги, и съ этого момента правительство считаетъ, что такой землевладѣлецъ своевременно и правильно получилъ отмѣну [1]. Послѣ этого мѣстному уряду остается только напоминать, чтобы землевладѣлецъ взялъ ту отмѣну, которая ему отведена. Если же шляхтичъ, не воспользовавшись своимъ правомъ обжалованія, будетъ портить границы волокъ и вступать на землю, отобранную и размѣренную на волоки, то на мѣстный урядъ возлагается обязанность „моцно боронити" эти земли и, предъявивъ ему обвиненіе въ „кгвалтѣ", судомъ доискиваться вознагражденія за нанесенные правительствомъ убытки [2]. Впослѣдствіи, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ шляхетскихъ просьбъ, правительство отклонилось нѣсколько въ сторону отъ прямого смысла уставы и разрѣшило ревизорамъ предварительно показывать землевладѣльцамъ тѣ участки земли, которые были предназначены для отмѣны. Такое предварительное ознакомленіе допускало возможность обсужденія и соглашенія и должно было уменьшить всякаго рода споры изъ-за отмѣнъ [3].

Когда отмѣна была записана въ реестровыя книги, то собственнику выдавался ревизорскій „квитъ", въ которомъ подробно перечислялись тѣ земельныя угодья, которыя передавались ему въ видѣ отмѣны. Если давались населенныя земли, то обыкновенно перечислялись и лица, сидѣвшія на этихъ земельныхъ участкахъ, а иногда перечислялся и тотъ рабочій инвентарь, которымъ располагало населеніе [4]. Въ этомъ случаѣ, для „ровности кгрунтовъ" требовалось не только тождество въ почвенномъ отношеніи отходившихъ къ пану или къ господарю земельныхъ участковъ, но и одинаковое имущественное положеніе того сельскаго населенія, которое сидѣло на земельныхъ участкахъ. Составленный ревизорскій квитъ землевладѣлецъ волей-неволей долженъ былъ взять, такъ какъ, не имѣя его, нельзя было поднимать передъ господаремъ никакого дѣла о дополнительномъ надѣленіи землей, а то и о совсѣмъ новой отмѣнѣ.

[1]) А. З. Р., т. III. № 19, стр. 84.
[2]) Ibid. № 19. стр. 84.
[3]) Д. А. М. Ю., I, стр. 191.
[4]) К. З., XLVIII, л. 92.

Предметомъ отмѣны были населенныя и ненаселенныя земли, пустоши, сѣножати, гаи, озера. Давалась она господарскими землями, на которыхъ сидѣли господарскіе подданные, или которыми владѣли господарскіе бояре [1]). Обыкновенно, населеніе господарскихъ земель съ отмѣной переходило подъ „присудъ и моцъ" частнаго владѣльца, какъ сельское населеніе послѣдняго становилось подъ присудъ господарскихъ урядниковъ. Впрочемъ, случалось иногда, что надѣленіе отмѣной сопровождалось разрѣшеніемъ подданнымъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ элементамъ, рѣшить, остаются ли они на господарской или частновладѣльческой землѣ съ перемѣной своего мѣста жительства или они желаютъ вмѣстѣ съ сохраненіемъ своихъ домовъ перемѣнить господина. Но, во всякомъ случаѣ, возвращеніе населенія къ старымъ владѣльцамъ было возможно только на основаніи особо выговореннаго условія.

Уставъ о волокахъ, опредѣляя, какъ назначать отмѣну, рекомендуетъ давать участки въ видѣ отмѣны тамъ, гдѣ это будетъ наиболѣе выгодно для интересовъ самого землевладѣльца. На самомъ дѣлѣ это требованіе устава не выполнялось. Ревизоры давали участки земли „не споручъ прилеглые"—съ одной стороны, а съ другой стороны, лежавшіе не въ одномъ мѣстѣ, а разбросанные по разнымъ мѣстамъ. Такое существенное противорѣчіе между теоретическими хозяйственными соображеніями правительства и его практическими мѣропріятіями вполнѣ понятны, разъ господарское правительство въ своихъ хозяйственныхъ экспериментахъ имѣло въ виду исключительно интересы только одного скарба. Защищая односторонніе интересы послѣдняго, правительство не всегда считалось съ интересами землевладѣльца. Вотъ почему, земли давались „не споручъ прилеглые" и не въ одномъ мѣстѣ. Правда, такого рода хозяйственныя распоряженія являлись нарушеніемъ уставы, но на это никто изъ правительственныхъ агентовъ не обращалъ никакого вниманія, такъ какъ это было бы не въ интересахъ господарскаго хозяйства.

Опредѣляя условія надѣленія отмѣной, устава о волокахъ проникнута безграничной вѣрой по отношенію къ господарскимъ агентамъ. По крайней мѣрѣ, въ велико-княжескомъ уставѣ нѣтъ даже намековъ на возможность злоупотребленій со стороны господарскихъ агентовъ. Что такія злоупотребленія были, показателемъ

[1]) К. З., XLI, л. 397. Писц. Кн. Пинск., Ст., II, л. 272.

этого могутъ служить не только просьбы шляхты на сеймахъ, къ которымъ Сигизмундъ Августъ относился въ высшей степени равнодушно, но и тѣ безчисленныя „набѣганія“ къ господарю съ жалобой на господарскихъ агентовъ и просьбами о возстановленіи нарушеннаго права. Правда, устава о волокахъ требуетъ присутствія мѣстнаго державцы при надѣленіи отмѣной, но едва ли этотъ контроль со стороны мѣстнаго уряда могъ имѣть какое-либо значеніе и быть защитникомъ шляхетскихъ правъ. Какъ бы то ни было, но будетъ правильнымъ предположеніе, что, при осуществленіи литовскимъ правительствомъ своихъ аграрныхъ мѣропріятій, литовско-русскіе землевладѣльцы и велико-княжеское правительство находились далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ. Невыгодное положеніе шляхты усиливалось еще отъ того, что предписанія правительства, опредѣлявшія, въ какихъ именно случаяхъ было необходимо „припускать“ частно-владѣльческія земли къ господарскимъ, отличались довольно большой неопредѣленностью и вмѣстѣ съ тѣмъ растяжимостью. Волочный уставъ только лишь требовалъ, чтобы посланные господаремъ ревизоры и мѣрники имѣли „бачность“ „абы къ прилеглымъ дворомъ и замкомъ села и всякіе кгрунты наши прилучали“, лишь бы только они были „къ двору ближей и споручъ“ [1]). Такъ какъ правительство не имѣло никакихъ земельныхъ описаній и въ точности не знало, сколько земель находится въ его непосредственномъ пользованіи, сколько въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, то одновременно съ производствомъ измѣренія на волоки и установленія платовъ и пожитковъ правительственнымъ агентамъ поручалось развѣдывать „отъ войтовъ и отъ лавниковъ и поданныхъ о земляхъ и о всякихъ кгрунтахъ нашихъ затаеныхъ, або отъ кого кольве забранныхъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось довести о полученныхъ результатахъ до свѣдѣнія господаря [2]) Само собой разумѣется, что такія сыскныя обязанности должны были вызвать не мало всякаго рода недоразумѣній со шляхетствомъ, выражавшихся въ припискѣ ихъ земель къ господарскимъ землямъ и въ неполученіи за это отмѣны. Возможны были, конечно, злоупотребленія со стороны агентовъ въ видѣ незаконныхъ отписокъ земель на господаря. Вообще, неопредѣленность инструкціи открывала широкое поле дѣйствій въ

1) А. З. Р., т. III, № 19, стр. 84.
2) Ibid. № 19, стр. 84.

смыслѣ нарушенія земельнаго права. Нѣсколько же неопредѣленное требованіе уставы, чтобы, при опредѣленіи отмѣны, „можности и широкости тыхъ врядовъ таковымъ перемѣненьемъ въ подданныхъ и въ кгрунтѣхъ ее замѣшкивало“ слишкомъ опредѣленно выдвигало на первый планъ интересы скарба. Вполнѣ понятно, почему происходило такое множество недоразумѣній съ господарской отмѣной.

Изученіе многочисленныхъ отвѣтовъ господаря на петиціи, подаваемыя господарю, даютъ возможность составить опредѣленное впечатлѣніе, что, при осуществленіи аграрной реформы, правительство или, вѣрнѣе, его агенты оказались слишкомъ пристрастными исключительно по отношенію къ господарскому хозяйству. Не даромъ господарь въ высшей степени внимательно относился къ докучливымъ и однообразнымъ шляхетскимъ просьбамъ.

Положеніе землевладѣльцевъ дѣйствительно было затруднительнымъ, когда господарскіе агенты оказывались чрезмѣрно ретивыми по отношенію къ господарскимъ имѣніямъ, и тѣмъ самымъ существенно затрагивали ихъ матеріальные интересы. Даже въ томъ случаѣ, если отмѣна была дана при соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ великокняжеской уставой, сплошь и рядомъ частные землевладѣльцы только проигрывали. Въ самомъ дѣлѣ, если у землевладѣльца отбирали участки земли съ хорошими почвенными условіями, а въ видѣ отмѣны его надѣляли землей „подлого“ качества, хотя бы и въ удвоенномъ количествѣ, то, конечно, хозяйственнымъ интересамъ помѣщика наносился весьма существенный ударъ. Вѣдь двойное количество плохой земли только увеличивало расходы по веденію хозяйства и эксплуатаціи полученныхъ участковъ, и притомъ, конечно, послѣдніе не могли дать тѣхъ результатовъ, какіе бы дала эксплуатація земли съ хорошей по качеству почвой. Къ сожалѣнію, современный изслѣдователь аграрной политики при Сигизмундѣ-Августѣ располагаетъ не особенно большимъ количествомъ данныхъ, которыя могли бы широко и полно иллюстрировать односторонность дѣйствій велико-княжескихъ ревизоровъ и мѣрчихъ.

Тѣмъ не менѣе такія данныя существуютъ, и ими, конечно, необходимо воспользоваться. Вотъ нѣсколько примѣровъ, могущихъ утомить читателя своимъ поразительнымъ однообразіемъ. У берестейскаго земянина три волоки земли было „припущено“ къ Берестейскому замку, за что ему была дана отмѣна въ дру-

гомъ мѣстѣ въ количествѣ 5 волокъ, которыя оказались „кгрунту велики подлый болотливый и местьцы никчемной“. Поэтому онъ получилъ еще добавочныхъ 25 морговъ [1]).

При производствѣ волочнаго измѣренія въ Гродненскомъ повѣтѣ, дворянину Станиславу Девялтовскому земли были отданы „подлѣйшимъ“ кгрунтомъ, а взяты у него „леншимъ“ [2]). Конюшему дворному пану Ярошу Корицкому, имѣвшему имѣніе въ Слонимской волости пришлось лишиться 16 волокъ 2 морговъ земли „со всими ихъ землями и деревами бортными“. Въ качествѣ отмѣны онъ получилъ 18 волокъ „кгрунту средняго“ и 2 морга „подлого“ такъ какъ „у пана можнѣйшіе люди и большие службы леншого кгрунту взято“ [3]). Это офиціальное откровенное признаніе очень характерно. Къ господарскому двору приписывались не только удобнѣйшія, но и лучшія земли и угодья. Это подтверждается дальнѣйшими наблюденіями. Сохранившаяся писцовая книга Пинскаго староства, составленная въ 1561—1566 году Кобринскимъ и Пинскимъ старостой паномъ Лавриномъ Войномъ, весьма дѣятельнымъ господарскимъ агентомъ, заставляетъ признать вышеприведенныя соображенія совершенно правильными. Вотъ нѣсколько данныхъ писцовой книги по Пинскому староству: у пинскаго хоружаго Ѳеодора Ѳедюшковича было отобрано „въ разныхъ мѣстцахъ“, кромѣ сѣнокоса 3 в. 18 м. $2^1/_2$ пр., изъ числа коихъ земли посредственнаго качества было 2 в. 29 м. $12^1/_2$ пр. и негодной земли 4 м. 9 пр. Намѣченная ему отмѣна была настолько неудовлетворительна, что собственникъ отказывался ее брать, и все свое недовольство выражалъ откровенной бранью землемѣровъ. Предлагаемая отмѣна частью соприкасалась съ землями его крестьянъ, частью только намѣчалась [4]). Говоря о качествѣ отмѣны, отведенной пинской старостинѣ, составитель писцовой книги откровенно признаетъ, что отведенная отмѣна въ общемъ недостаточна, такъ какъ отобранныя земли были лучшаго качества въ сравненіи съ землями, данными въ видѣ отмѣны. Вотъ еще данныя той же книги [5]). У земянина Михаила Борзобогатаго было отобрано на господаря 7 в. 16 м. $2^1/_2$ пр. земли

[1]) К. З., XLI, л. 31.
[2]) К. З., XLI, л. 162.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 219.
[4]) Писц. Кн. Пинск., Ст., стр. 573.
[5]) Ibid., стр. 579.

посредственнаго качества и негоднаго 1 в. 9 м. 21$^1/_2$ пр., т.-е. всего 8 в. 26 м. 13 пр. Отмѣна равнялась 10 в. 18 м. 24 пр. Впослѣдствіи была дана падбавка въ количествѣ 5 м. 21$^1/_2$ пр., такъ какъ земля Борзобогатаго была лучшаго качества, а ему давались въ видѣ отмѣны негодныя земли [1]). Та же судьба постигла и Якова Грициновича, у которало отобрали подъ крестьянскія волоки 2 в. 20 м. 12$^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества и негодной земли 1 в. 10 м. 14$^1/_2$ пр. Кромѣ того, въ другомъ селѣ у него было взято 9 волокъ посредственнаго качества. Отмѣну же упомянутый Грициновичъ получилъ не за всѣ свои земли, а только за отошедшія подъ крестьянскія волоки. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ выигрывало только одно правительство [2]). Точно такъ же и Иванъ Курейша отдалъ лучшую землю въ сравненіи съ тѣмъ, какую онъ получилъ въ качествѣ отмѣны, хотя ему и былъ данъ небольшой наддатокъ [3]). По той же причинѣ получилъ надбавку и Иванъ Писаревичъ и владѣлецъ села Захаровичъ, у котораго было взято 4 в. 29 м. 16$^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества и 5 в. 9 м. 17 пр. негодной земли и вмѣсто всего этого было дано 4 в. посредственной земли, 7 в. 2 м. 2$^1/_2$ прута негодной земли, да еще надбавка дубровыми и лѣсами въ размѣрѣ 23 м. 1$^1/_2$ пр. негодной земли [4]). Въ отмѣну Валента Черковскаго исключительно вошли лишь земли плохого качества, тогда какъ у него было 7 в. 29 м. 20 пр. посредственной земли и 7 в. 20 м. 8$^1/_2$ прутовъ плохой. Онъ же получилъ взамѣнъ 12 в. 24 м. негодной земли [5]). И у земянина Василія Пилецкаго отобранныя земли были значительно лучше полученныхъ въ отмѣну. Та же судьба постигла и Ѳедора Кривецкаго [6]).

Иногда отмѣны давались по размѣрамъ значительно уступавшимъ качеству отобранной земли, и причины такого явленія не всегда объяснимы. Такъ, у земянина Войны Грициновича отошла подъ крестьянскія волоки 1 в. 22 м. 19$^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества, а взамѣнъ ему было дано только 20 м. 10$^1/_2$ пр., впрочемъ, тоже посредственнаго качества [7]). Рогачевская ста-

1) Ibid., стр. 575.
2) Ibid., стр. 579.
3) Ibid., стр. 581.
4) Ibid., стр. 583.
5) Ibid., стр. 585.
6) Ibid., стр. 587, 589.
7) Ibid., стр. 579.

ростина въ отмѣну за отобранную землю въ количествѣ 1 в. 2 м. 27 1/2 прутовъ земли, посредственнаго и негоднаго качества получила только 2 м. 27 1/2 пр. [1]).

Такія же одностороннія дѣйствія и распоряженія правительственныхъ агентовъ можно отмѣтить и при производствѣ аграрной реформы въ Гродненской экономіи. Сохранившаяся писцовая книга, составленіе которой было начато много потрудившимся для реформы дворяниномъ Ст. Девялтовскимъ и кончено ревизоромъ Андреемъ Дыбовскимъ, также прекрасно иллюстрируетъ нѣкоторую односторонность дѣйствій господарскихъ агентовъ. Такъ, у Адама Горинки подъ крестьянскія волоки было взято 12 м. 2 1/2 пр. земли средняго качества, а въ отмѣну ему было дано 13 м. 10 прутовъ земли частью среднимъ грунтомъ, частью подлымъ. Такая надбавка была дана по извѣстной уже причинѣ: отобранная земля была лучшаго качества въ сравненіи съ полученной въ отмѣну [2]). Точно же и Подляшскій воевода, панъ Михаилъ Сопѣга получилъ отмѣну худшими по качеству землями [3]). Иногда же надбавка давалась только потому, что отведенная отмѣна находилась въ весьма далекомъ разстояніи отъ пашни владѣльца [4]). Едва ли, конечно, небольшой наддатокъ могъ вознаградить за убытки, полученные въ этомъ случаѣ землевладѣльцами.

Конечно, встрѣчались на практикѣ и такія отмѣны, которыя по своимъ качествамъ и по размѣрамъ вполнѣ соотвѣтствовали отобранной землѣ, приписанной къ господарскимъ землямъ. Случалось также въ практикѣ аграрной реформы давать отмѣны значительно лучшими по качеству землями или въ большемъ размѣрѣ въ сравненіи съ отобранными на господаря [5]). Но такая щедрость—слишкомъ исключительное явленіе для правительства, производившаго задуманую реформу. Такъ у жмудскаго дворянина Каспера Яновича Кградовскаго было отобрано подъ господарскія волоки 69 в. 13 м. земли подлого грунту. Отмѣна же вся состояла исключительно изъ земли „доброй“ по своимъ качествамъ [6]).

---

[1]) Ibid., стр. 587.
[2]) П. К. Гродн. Эк., т. II, стр. 505.
[3]) Ibid., стр. 506.
[4]) Ibid., стр. 514.
[5]) Ibid , стр. 519, 514.
[6]) К. З. XLVIII, л. 77.

Приступивъ къ описанію Волпенской пущи, правительство принуждено было отобрать дворъ Шимона Грибовскаго съ землею и людьми, лежавшій подъ самой пущею и необходимый для „лепшее“ сторожи. Приписанная земля вся была исключительно подлого качества, и правительству пришлось дать отмѣну „лепшимъ кгрунтомъ“ [1]). Но въ общей массѣ такія щедрыя отмѣны являются ничѣмъ инымъ, какъ только исключеніемъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы думаемъ, что, хотя правительство разнаго рода надбавками и стремилось возстановить ущербъ, нанесенный отобраніемъ земель лучшаго качества, однако эти надбавки не возмѣщали хозяйственныхъ убытковъ, полученныхъ землевладѣльцами благодаря аграрной политикѣ Сигизмунда-Августа, и литовско-русская шляхта имѣла нѣкоторое законное основаніе быть недовольной аграрной политикой своего господаря. Систематическое же отбираніе на господаря земель лучшаго качества, конечно, только обнаруживало односторонность и нѣкоторую своекорыстность аграрной политики Сигизмунда-Августа и отчасти его ближайшихъ преемниковъ.

Устава о волокахъ категорически предписывала давать отмѣну въ тѣхъ случаяхъ, когда не было никакого сомнѣнія въ правѣ владѣнія землей того или иного шляхтича, да и господарскія резолюціи на просьбы „становъ“ сейма говорили о томъ же; тѣмъ не менѣе и эти требованія господарской уставы и великокняжескія обѣщанія не всегда исполнялись господарскими агентами, и притомъ исключительно по небрежности, а, можетъ быть, и по какимъ-либо другимъ соображеніямъ. Они, отбирая на господаря частно-владѣльческія земли, сплошь и рядомъ не давали никакой отмѣны. Вполнѣ понятно, что такой образъ дѣйствій велико-княжеской администраціи, причинявшій шляхтѣ серьезныя матеріальныя затрудненія, заставлялъ её торопиться съ возстановленіемъ своихъ нарушенныхъ правъ. Средствомъ возстановленія нарушеннаго права могло быть только обращеніе къ великокняжеской власти съ просьбой о дарованіи соотвѣтствующей отмѣны. Такого рода упущенія со стороны господарскихъ агентовъ нельзя считать случайнымъ явленіемъ. Наоборотъ, обиліе господарскихъ отвѣтовъ на шляхетскія челобитія о неполученіи земельной отмѣны вполнѣ опредѣленно показываетъ, что такія упущенія со стороны велико-княжеской администраціи, создавшія такъ

[1]) К. З., XLVIII, л. 70.

много шуму и раздраженія вокругъ аграрной реформы Сигизмунда II, носили систематическій характеръ.

Многочисленныя шляхетскія челобитья объ отводѣ отмѣны можно раздѣлить на три группы.

Къ первой слѣдуетъ отнести тѣ челобитья, предъявители которыхъ имѣли безспорное право на полученіе отмѣны. Права ихъ на владѣніе земли не вызвали никакихъ недоразумѣній съ правительственными агентами. А между тѣмъ, имъ все-таки отмѣна не была дана. Такъ одни жаловались, что „его ту властность забрана и мѣстечко де на его земли посажено и на иншихъ местцахъ съ померы волочное многое дей земли набрано“, а между тѣмъ, до сихъ поръ имъ не была дана отмѣна“ [1]). Удивленіе челобитчика господарскаго маршалка Павла Сопѣги было вполнѣ законно, такъ какъ агентъ, производившій волочное измѣреніе, не поднималъ вопроса о правѣ собственности Сопѣги на данную землю. Слѣдовательно, неполученіе Сопѣгой отмѣны можно разсматривать, какъ нарушеніе законнаго права владѣльца, какъ злоупотребленіе со стороны великокняжеской администраціи. Удивляется также неполученію „жадной отмѣны“ и дворянинъ Иванъ Коптевичъ совмѣстно со всѣми своими родственниками, у которыхъ „земли ихъ самихъ и бояръ и людей на волоки помѣрили“, а между тѣмъ, до сихъ поръ никакой „жадной отмѣны“ не получили, хотя соотвѣтствующіе документы, видимо, не вызывали никакихъ сомнѣній [2]). Дворянинъ Иванъ Васильевичъ сначала молчалъ, когда не получилъ отмѣны, вѣроятно предполагая, что онъ получитъ ее въ весьма недалекомъ будущемъ. Долгое ожиданіе послѣдней заставило его поторопиться съ подачей челобитья объ отмѣнѣ [3]). Дворянинъ Андрей Жеховскій считаетъ, что у него земли отобраны на господаря незаконно, поэтому онъ проситъ или дать ему отмѣну за его шляхетскія земли или возвратить ему ихъ обратно, какъ незаконно отнятыя [4]).

Считали себя обиженными и земяне Виленскаго повѣта Скиндери, у которыхъ „с помери волочное не мало кгрунту ихъ взято у волоки“, благодаря чему у нихъ осталась „вельми малая

---

[1]) К. З. XXXVII, л. 39.
[2]) К. З., XIII. л. 21.
[3]) К. Суд. Д., XLIV, л. 3.
[4]) К. З. XXXVII, л. 123.

часть". Поэтому они ходатайствовали объ отмѣнѣ [1]). О томъ же просилъ и Остафій Воловичъ отъ своего имени и отъ имени другихъ околичныхъ земянъ, такъ какъ они за отобранныя земли до сихъ поръ не получили никакой отмѣны [2]). Такого же характера была жалоба и дворянина Мартина Пелецкаго, представившаго судовый листъ „судей дворныхъ короля его милости Жигимонта" [3]) для подтвержденія своихъ правъ на полученіе отмѣны.

Обиліе шляхетскихъ челобитій объ отмѣнѣ, когда у владѣльца были для этого всѣ права и всѣ данныя, показываетъ, что такую забывчивость господарскихъ агентовъ нельзя считать случайнымъ явленіемъ. Скорѣе это—цѣлая система.

Ко второй группѣ шляхетскихъ челобитій объ отмѣнѣ слѣдуетъ отнести тѣ, когда лица не получали отмѣны только потому, что право ихъ на отмѣну не было доказано. Это бывало обыкновенно тогда, когда у правительственнаго агента являлось сомнѣніе въ подлинности шляхетскаго происхожденія челобитчиковъ, которое имъ самимъ было совершенно ясно. Такъ, земяне слонимскіе „с села Радивиловичи" настаивали передъ господаремъ о возвращеніи имъ ихъ земель или объ отводѣ отмѣны, такъ какъ они „с предковъ своихъ шляхта" [4]).

Точно также Бѣльскіе земяне Курило Григорьевичъ и братья Кусевичи считали незаконнымъ отобраніе ихъ земель въ волочную помѣру и неполученіе соотвѣтствующей отмѣны, такъ какъ они „с предковъ своихъ земяне" [5]). Наконецъ, къ третьей группѣ челобитій слѣдуетъ отнести тѣ, когда у челобитчиковъ не было никакихъ правъ на отмѣну, когда отбирались на господаря земли, данныя „до воли и ласки господарской". По существу, отобраніе такихъ земель на господаря было актомъ вполнѣ законнымъ. Поэтому, лишившіеся земель хлопотали не столько о полученіи отмѣны, сколько о новомъ земельномъ пожалованіи, выставляя при этомъ тѣ или другія основанія. Когда у господарскаго кухаря Яна Остроуха была отобрана къ господарскимъ землямъ пустовщина, которой владѣлъ его отецъ на основаніи пожалованія Сигизмунда I, причемъ это пожалованіе давалось на неопредѣленное время „на ономъ листе вѣчности ему не писано". Поэтому, онъ не получилъ

[1]) К. З., XLI, л. 133.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 218.
[3]) К. З., XLIX, л. 50.
[4]) К. З., XXXVII, л. 364.
[5]) К. З., XXXVIII, л. 134.

никакой отмѣны. Считая для себя такую конфискацію убыточной, упомянутый кухарь просилъ объ отмѣнѣ, указывая при этомъ въ своемъ челобитьи и на тотъ участокъ, который является для него наиболѣе подходящимъ „три волоки земли, неоселыхъ споручъ ему прилеглые [1]).

Шляхетскія челобитья объ отмѣнѣ не переставали подаваться великому князю и послѣ смерти Сигизмунда II. Въ однихъ изъ нихъ шляхтичи стремятся возстановить свои права, нарушенныя при Сигизмундѣ, и тогда же неизвѣстно почему не возстановленныя. Такъ, по словамъ господарскаго отвѣта на челобитье, земянинъ воеводства Берестейскаго староства Кобринскаго Юрій Миколаевичъ жаловался Стефану Баторію, что ревизоръ Димитрій Сапѣга „помераючи кгрунты места подъданныхъ замку Кобринскаго волости двора Добучинскаго и селъ нашихъ“ забралъ у него земли, а отмѣны не далъ [2]). Поэтому вышеназванный земянинъ и проситъ преемника Сигизмунда II объ отмѣнѣ. Та же судьба постигла и земянина воеводства Троцкаго Димитрія Андреевича Быховца и его братьевъ. Ихъ имѣнія забрали подъ господарскія волоки. Объ этомъ говорилъ соотвѣтствующій ревизорскій листъ, а отмѣна не была дана. Поэтому челобитчики обратились къ Стефану Баторію за возстановленіемъ своихъ законныхъ правъ на отмѣну [3]). Съ той же просьбой обратился къ Стефану Баторію „судья кгродскій“ Юрій Войнятъ, у котораго во время волочной помѣры „земли его властные вечные на разныхъ местцахъ въ померу забранные и ку некоторымъ селамъ привернутые“. Между тѣмъ, онъ отмѣны тогда не получилъ [4]). Въ другихъ челобитныхъ истцами выступали дѣти, такъ какъ отцы успѣвали умереть, не получивъ отмѣны. Наслѣдниками послѣдней являлись его дѣти, которыя и начинали хлопотать объ отмѣнѣ. Такъ, стольникъ „повету Пинскаго“ урожоный Ѳедоръ Ивановичъ Кгодебоскій хлопоталъ передъ Стефаномъ Баторіемъ объ отмѣнѣ за земли его покойнаго отца [5]). Среди поданныхъ Стефану Баторію челобитій объ отмѣнѣ встрѣчаются и такія, въ которыхъ подробно объясняются причины такого запозданія съ просьбой объ отмѣнѣ. Это отсутствіе средствъ

1) К. З., XLI, л. 319.
2) К. З., LXIX, л. 12.
3) К. З., LXIX л., 553.
4) К. З., LXXVI, л. 19.
5) К. З., LXXVI, л. 34.

которое мѣшало своевременно выступить съ подачей челобитья объ отмѣнѣ [1]).

Разсмотрѣнныя выше челобитья очень характерны для аграрной политики Сигизмунда II. Приходится признать, что правительство Сигизмунда-Августа въ своей аграрной политикѣ иногда хватало черезъ край и нѣсколько утрированно понимало свои задачи и цѣли.

Несомнѣнно, такіе пріемы Сигизмунда-Августа разорили не мало мелкой шляхты, съ которой не приходилось считаться, и которая по своей бѣдности не могла тратиться на посылки челобитья объ отмѣнѣ. Можно предполагать, что неточное соблюденіе правилъ объ отмѣнѣ явилось одной изъ причинъ и образованія безземельнаго и малоземельнаго шляхетскаго пролетаріата.

Устава о волокахъ требовала, чтобы великокняжескіе агенты, производившіе „поравненіе кгрунтовъ“, давали отмѣну „ровную“ и притомъ „слушнымъ грунтомъ“. Это требованіе устава, какъ мы видѣли, сплошь и рядомъ не исполнялось. Не всегда оно выполнялось и въ томъ случаѣ, когда отмѣна давалась. Слѣдуетъ указать на многочисленные случаи, когда отмѣна, по мнѣнію заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, была не „слушная“ и „не ровная“, Поэтому, вполнѣ понятно отчасти то раздраженіе, которое охватило шляхту во время осуществленія аграрныхъ мѣропріятій правительства, раздраженіе, выразившееся въ тѣхъ просьбахъ, съ которыми, какъ намъ уже приходилось говорить выше, господствующее сословіе обращалось къ великому князю на многочисленныхъ великихъ вальныхъ сеймахъ. Помимо подачи „просьбы“ отъ имени всего шляхетскаго сословія, за каждымъ шляхтичемъ оставалось неотъемлемое право обратиться съ челобитьемъ къ самому господарю и тѣмъ самымъ попытаться возстановить нарушенное при производствѣ реформы право собственности. И эти отступленія отъ принциповъ уставы о волокахъ никоимъ образомъ нельзя признать случайными.

Обиліе шляхетскихъ жалобъ, поскольку объ этомъ можно судить на основаніи господарскихъ отвѣтовъ на нихъ, съ полнымъ основаніемъ даетъ право думать, что такія нарушенія „уставы“ со стороны великокняжескихъ агентовъ принимали систематическій характеръ. Это было тѣмъ болѣе возможно, что велико-княжескіе агенты, нарушавшіе постоянно въ своемъ чиновничьемъ усер-

---

[1]) К. З., LXXVI, л. 207.

діи права частнаго земельнаго собственника, рѣшительно ничего отъ этого не теряли, такъ какъ правительство незнало никакихъ сдерживающихъ средствъ, которыя заставили бы агентовъ болѣе внимательно относиться къ выполненію требованій уставы о волокахъ. Когда знакомишься съ шляхетскими челобитьями, почти невозможно опредѣлить мотивовъ, почему въ данномъ случаѣ господарскій агентъ поступилъ именно такимъ образомъ, почему одинъ землевладѣлецъ получилъ „слушную" и „ровную" отмѣну, другой же этого не удостоился и въ отведенной отмѣнѣ увидѣлъ по отношенію къ себѣ только одну „кривду".

Шляхетскія челобитья о дополнительной или новой отмѣнѣ можно также раздѣлить на нѣсколько категорій. Къ первой изъ нихъ можно отнести тѣ, когда землевладѣлецъ хлопочетъ о дополнительной отмѣнѣ, такъ какъ послѣдняя дана далеко не за все количество отобранной земли. Такъ, господарскій агентъ далъ дворянину Андрею Жеховскому отмѣну за „шляхетскія земли", а за огороды, составляющіе также „властность" вышеупомянутаго дворянина, „никакой отмѣны до сихъ поръ не давано", какъ заявлено объ этомъ въ челобитьи Жеховскаго. Естественно, поэтому, что послѣдній обратился къ господарю съ просьбой о дополнительной отмѣнѣ [1]).

Ко второй категоріи можно отнести тѣ шляхетскія ходатайства о новой отмѣнѣ, когда землевладѣлецъ считаетъ, что онъ получилъ отмѣну „не слушную" и „не во всемъ ровную". У дворянина Виленскаго повѣта Матѳея Филипповича, при производствѣ волочнаго измѣренія въ Ошменахъ, отобрали и размѣрили на волоки господарскую данину. Послѣднее обстоятельство не вызываетъ въ немъ рѣшительно никакого протеста, никакой жалобы. Вѣдь отобрать данину—это право господаря. Но помимо данины у него отобрали подъ господарскія волоки его „властность", за которую ему были даны земли „неровныя, неспоручныя ку его двору" и притомъ разбросанныя по разнымъ мѣстамъ. Конечно, такая отмѣна была непріемлема для Филипповича и разорительна для него. Это обстоятельство и заставило виленскаго дворянина обратиться съ челобитьемъ объ отводѣ ему „слушной и ровной" отмѣны [2]).

[1]) К. З., XXXVII, л. 123.
[2]) К. З., XXXVII л. 399. К. З., XXXVIII л. 482.

Къ третьей категоріи можно отнести челобитья о дополнительной отмѣнѣ съ сохраненіемъ отмѣны, ранѣе данной. Такъ, вдова Бѣльскаго судьи Ганка Левицкая, находя, что ей дали „неполную отмѣну“, и притомъ находящуюся среди господарскихъ земель, ходатайствуетъ о полной отмѣнѣ. Помимо этого, отведенная ревизорами земля въ видѣ отмѣны была неправильно измѣрена на волоки [1]). О такой же дополнительной отмѣнѣ проситъ Сигизмунда II и сынъ дворянина Алексѣй Новицкій „съ братьей своей рожоной“, у которыхъ при измѣреніи на волоки Лидскаго замка „не мало земли, лѣсовъ, сѣножатей“, дарованныхъ ихъ отцу Сигизмундомъ I, было приписано къ замку. Отмѣну за отобранныя земли они получили „нижли не такъ много, яко въ него взято и за то не стоити“. Поэтому онъ проситъ дать отмѣну за то, что ему „недодано“ [2]). Къ четвертой категоріи можно причислить тѣ челобитья, когда владѣлецъ ходатайствуетъ о новой отмѣнѣ не потому, что данная ему отмѣна является для него кривдой, а исключительно только вслѣдствіе создавшихся на мѣстахъ невозможныхъ отношеній. Такъ, жмудскій тивунъ панъ Иванъ Андреевичъ Ильковскій проситъ господаря объ отобраніи у него отмѣны и объ отводѣ ему новой, „такъ какъ онъ терпитъ не мало кривды“ „отъ людей волостей“, жившихъ около отведенной ему отмѣны [3]). Наконецъ, къ послѣдней категоріи можно отнести челобитья, въ которыхъ просятъ о дополнительной отмѣнѣ, такъ какъ припусканіе земель къ господарскимъ дворамъ сопровождалось перенесеніемъ и самого двора въ другое мѣсто, что, конечно, не могло не сопровождаться существенными матеріальными убытками для частныхъ владѣльцевъ. Земянка Берестейскаго повѣта Ганна Костюшковна „поведила“ передъ господаремъ „што за переселенье дворца ее Плотеньскаго подъ местомъ Каменецкимъ, который къ тому месту привернень“, получила отмѣну съ добавленіемъ 20 морговъ за переселеніе. Но такъ какъ въ застѣнкахъ не оказалось достаточно свободной земли, то ревизоры отвели ей въ другомъ мѣстѣ и дали ей тѣ же 20 морговъ. Чтобы укрѣпить свое имущественное положеніе, земянка Ганна Костюшковна проситъ господаря разрѣшить ей „держати и вживати на вѣчныя времена“ отведенный ей застѣнокъ [4]). Разсматривая многочисленныя чело-

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 401.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 182.
[3]) К. З., XXXIX, л. 598.
[4]) К. З., л. XLIV, л. 98.

битья о новой или дополнительной отмѣнѣ, нельзя не признать, что они еще больше укрѣпляютъ мысль объ односторонности аграрной реформы Сигизмунда-Августа. Могла ли поэтому быть спокойной шляхта, когда у нея отобрали земли и не давали совсѣмъ отмѣны, или давали совсѣмъ непригодную или слишкомъ миніатюрную? Могла ли шляхта спокойно созерцать свое экономическое разореніе, когда аграрная реформа сопровождалась сплошь и рядомъ перенесеніемъ и самого дворца на другое мѣсто? Конечно, нѣтъ. Правда, шляхта волновалась и по другой причинѣ— боясь провѣрки правъ на землю. Это надо учитывать при анализѣ шляхетскаго настроенія. Но едва ли оно было доминирующимъ. Это шляхетское недовольство имѣло на нашъ взглядъ и серьезныя политическія послѣдствія.

Вѣдь какъ разъ въ разгаръ аграрной реформы Сигизмунда-Августа шляхта становится опредѣленно и рѣзко на сторону уніи. Ея настроеніе изучено съ достаточной полнотою изслѣдователями, и нѣтъ нужды опять возвращаться къ этому совершенно ясному вопросу. Но вотъ что упущено, забыто: это—аграрная реформа Сигизмунда II. Она также толкала на путь уніи съ Польшей. Только при условіи шляхетизаціи литовско-русскаго государственнаго строя можно было быть спокойнымъ за свои земельныя права и не опасаться несправедливыхъ дѣйствій и мѣропріятій самаго центральнаго правительства и его агентовъ. Этимъ объясняются рѣшительныя симпатіи шляхты въ сторону уніи съ Польшей.

Когда, согласно уставѣ о волокахъ, давалась отмѣна за отнятыя и присоединенныя къ господарскимъ волокамъ земли, то лицо, производившее измѣреніе на волоки и давшее отмѣну, выдавало землевладѣльцамъ свой „ревизорскій листъ", въ которомъ подробно описывалась отведенная отмѣна и весьма точно опредѣлялись ея границы по отношенію къ господарскимъ землямъ и волостному населенію. Такой ревизорскій листъ самъ по себѣ имѣлъ такую же силу и значеніе, какъ и земельныя пожалованія воеводъ или старостъ, и поэтому нуждался въ господарскомъ подтвержденіи. Только послѣднее дѣлало прочнымъ его права на владѣніе или пользованіе отмѣной. Только послѣ полученія господарскаго листа землевладѣлецъ могъ считать отмѣну своею „властностью".

Поэтому землевладѣльцы—шляхтичи, получившіе „слушную отмѣну" и принявшіе ее, спѣшатъ озаботиться полученіемъ подтвердительныхъ привилеевъ. Съ этой цѣлью землевладѣльцы по-

даютъ великому князю „челобитія“ о подтвержденіи отмѣны. Впрочемъ, иногда, отъ имени землевладѣльцевъ ходатайствовала и мѣстная высшая администрація, какъ представительница и охранительница интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Такъ староста Жмудскій панъ Александръ Ходкевичъ довелъ до свѣдѣнія центральнаго правительства, что ревизоръ Дмитрій Федоровичъ Сапѣга „помераючи на волоки кгрунты волости нашое зидунское отобралъ у многихъ земянъ и у пани Ганны Яновны Шеметовны ихъ собственныя земли, безъ которыхъ „помера кончити и выполнити быти не могла“. Отмѣна Сапѣгой не была дана. Поэтому Ходкевичъ самъ ей далъ и проситъ господаря подвердить „пашни и волоки лесные“, данныя ей въ видѣ отмѣны [1]).

Характеръ челобитій о подтвержденіи отмѣны много зависѣлъ отъ того, на какомъ правѣ тотъ или другой землевладѣлецъ владѣлъ своимъ земельнымъ участкомъ. Обыкновенно, первоначальное челобитіе состояло въ просьбѣ о закрѣпленіи за землевладѣльцами отмѣны на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ они владѣли землей до производства волочной помѣры. Землевладѣльцы, державшіе въ своихъ рукахъ землю временно „до воли и ласки господарской“, конечно, могли хлопотать о подтвержденіи отмѣны совершенно на тѣхъ же правахъ. Такъ и поступилъ земянинъ Василій Ивановичъ, которому въ Кобринскомъ повѣтѣ дали участокъ земли „до воли и ласки господарской“ [2]). Впрочемъ, лицу, получившему условную отмѣну-данину, открывалась полная возможность ходатайствовать о расширеніи его права владѣнія и о закрѣпленіи за нимъ данины на вѣчность. Скарбный писарь Іеронимъ Квилецкій получилъ сначала данины 43 волоки и пустовскую землю „з людьми на оныхъ земляхъ оселыми и зо всими платы и пожитки и зо всякими кгрунты и застенки, къ тымъ селамъ и земли пустовской прислухаючими“. Однако, она впослѣдствіи была забрана подъ волоки, за что ему дана была отмѣна. Этой отмѣной упомянутый Квилецкій могъ владѣть пожизненно. Послѣ его смерти на правахъ заставнаго имѣнія за 1200 отъ грошей она переходитъ къ его женѣ и дѣтямъ „покуды тая сумма вышемененая зъ скарбу господарскаго жене и детямъ была отьдана и сполна заплачена“. Однако Квилецкій обратился съ ходатайствомъ о подтвержденіи полученной имъ отмѣны на вѣчность, какъ на-

[1]) К. З., XXXVIII, л. 321.
[2]) К. З., XXXVII, л. 217.

граду за его „службу господарскую“ [1]. Если шляхтичъ-землевладѣлецъ имѣлъ основаніе считать свои земли „своею властностью“, то обыкновенно его ходатайство о подтвержденіи отмѣны заключало въ себѣ просьбу о представленіи ему отведенной отмѣны „на вѣчность“. Съ такимъ ходатайствомъ черезъ Виленскаго воеводу обратилась землянка Зубкова, которая владѣла собственнымъ дворцомъ и купленными землями и сѣножатями. Слѣдовательно, ея ходатайство имѣло полное основаніе и было вполнѣ законно [2].

Для доказательства своего права на полученіе отмѣны челобитчикъ былъ обязанъ представить ревизорскій квитъ съ печатью ревизора, и при томъ подписанный какъ самимъ ревизоромъ, такъ и мѣстнымъ державцей. Впрочемъ, иногда ревизорскіе квиты представлялись и безъ подписи мѣстнаго державцы, если послѣдній отказывался его подписать по тѣмъ или другимъ соображеніемъ. Такъ Ляховецкій державца панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ отказался подписать квитъ, выданный ревизоромъ дворяниномъ Ильковскимъ дворянину Станиславу Кгровскому на томъ основаніи „что онъ замокъ Ляховецкій держитъ въ пенезехъ“ вслѣдствіе чего онъ считаетъ не законнымъ отводъ отмѣны ляховецкими землями [3]. И тѣмъ не менѣе квитъ ревизора оказался дѣйствительнымъ. Впрочемъ, кажется, подпись мѣстнаго державцы на ревизорскомъ листѣ не была обязательной. По крайней мѣрѣ, когда дворянинъ Шимонъ Грибовскій подалъ господарю челобитіе о подтвержденіи за вѣрность отведенной ему отмѣны, то на листѣ, представленномъ господарю, отсутствовала подпись мѣстнаго державцы. Листъ былъ подписанъ „справцой пожит-

---

[1] К. З., XLVIII, л. 113.

[2] К. З.. XLI, л. 87. Точно такъ же поступилъ панъ Станиславъ Андреевичъ Довойна, получившій въ отмѣну одну населенную волоку и пять волокъ пустыхъ. (К. З. LXI, л. 101). И марщалокъ дворный Остафій Воловичъ, у котораго „померили и заняли“ его собственныхъ земель 9 волокъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, и за что ему была дана своевременно отмѣна, просилъ господаря о „вѣчности (К. З. XLI л. 307). Дворянинъ Станиславъ Девялтовскій просилъ о подтвержденіи на вѣчность отмѣны, такъ какъ в. к. Александръ далъ записку его предку Петру Кандѣ, которую Сигизмундъ I въ 1506 году подтвердилъ на вѣчность ему самому, женѣ и дѣтямъ ихъ „и напотомъ будучимъ имъ щадькомъ“ (К. З. XLI л. 162). Староста Галицкій подкоморій Каменецкій панъ Ярошъ Синявскій вмѣстѣ съ женою просилъ господаря о подтвержденіи на вѣчность волокъ, данныхъ ему отмѣною вмѣсто ихъ собственныхъ озеръ, бывшихъ въ Ковенской пущѣ и отошедшихъ на господаря (К. З. XLI, л. 218).

[3] К. З., XXXVIII л. 312.

ковъ въ замкахъ и дворахъ господарскихъ паномъ Петромъ Фальчевскимъ, секретаремъ княземъ плебаномъ Адамомъ Пильховскимъ, справцей дворовъ Городенскихъ паномъ Себастіаномъ Дыбовскимъ и намѣстникомъ Красницкимъ и Квасовскимъ паномъ Лавриномъ Воиной, какъ лицами, бывшими „насправе помере волокъ“ [1]).

Съ просьбой о подтвержденіи отмѣнъ, полученныхъ еще при Сигизмундѣ II, шляхта обращалась и къ его преемникамъ. Впрочемъ, причина нѣкоторой запоздалости въ подачѣ челобитья остается невыясненной. Земянинъ воеводства Берестейскаго, староства Кобринскаго просилъ Стефана Баторія о подтвержденія ему отмѣны, данной ему паномъ Димитріемъ Сопѣгой, когда послѣдній измѣрялъ „кгрунтъ места и подъданныхъ“, приписанныхъ къ Кобринскому замку [2]). Съ такой же просьбой обратился къ господарю въ 1583 г. дворянинъ Семенъ Орынскій представившій листъ ревизора „небожчика“ пана Сопѣги [3]). Урожоный Николай Петровичъ Владычца просилъ въ 1584 году о подтвержденіи отмѣны, полученной еще въ 1574 году [4]). Жмудскій земянинъ панъ Балтромей Миколаевичъ Кимбутъ просилъ Сигизмунда III въ 1587 году о подтвержденіи отмѣны, отведенной ему паномъ Яномъ Ходкевичемъ въ бытность его Жмудскимъ старостой [5]).

Помимо челобитій объ отмѣнѣ, литовско-русская шляхта въ эпоху проведенія аграрной реформы забрасывала Сигизмунда Августа самыми разнообразными челобитіями. Обиліе послѣднихъ и удивительное однообразіе ихъ могутъ служить прекраснымъ источникомъ для изученія отношенія литовско-русской шляхты къ правительственнымъ мѣропріятіямъ Сигизмунда-Августа.

Что шляхта была недовольна реформой и не желала ея осуществленія, этотъ вопросъ былъ уже достаточно освѣщенъ уже выше. И вотъ, какъ отраженіе этого недовольнаго настроенія, литовско-русскіе бояре-шляхта забрасываюъ правительство просьбами—не трогать ихъ имѣній и не измѣрять на волоки. Мотивы такого недовольства ясны: съ одной стороны—при измѣреніи про-

---

1) К. З., XXXIX, л. 408.
2) К. З., LXIX, л. 12.
3) К. З., LXIX, л. 214.
4) К. З., LXXIII, л. 159.
5) К. З., LXXIII, л. 379.

вѣрялись права на землевладѣніе и на шляхетство; а съ другой стороны, всякая, „припуска“ частновладѣльческихъ земель къ господарскимъ грунтамъ—несомнѣнно была разорительна для землевладѣльца. Поэтому, челобитія о нетроганіи земли не всегда отражали только боязнь провѣрки правъ на землю и доказательства своего шляхетства въ случаѣ сомнѣнія въ дѣйствительной принадлежности его къ шляхетскому званію, но и желаніе оставить свои земли неприкосновенными, просто изъ—за обыкновенныхъ матеріальныхъ расчетовъ. Когда правительство въ 1560 году приступило къ измѣренію земли на волоки въ Кгероинской волости, то мѣстные бояре—шляхта обратились къ господарю съ просьбой приказать „абыхмо имеией ихъ не мерили“ [1]. Шляхетство ихъ было внѣ сомнѣнія. Съ такой же просьбой „приездили“ къ господарю бояре Трабскіе во главѣ съ своимъ хоружимъ [2]. Представленіе такихъ челобитій сопровождалось ссылками на разнаго рода документы. Главная цѣль послѣднихъ—доказать, что „бояре маютъ одьно службу земъскую военную служити“. Очевидно, съ понятіемъ о помѣрѣ волочной у нихъ связывалось представленіе объ измѣненіи ихъ правового положенія и превращенія ихъ въ разрядъ тяглыхъ людей. Неизмѣреніе же земель явилось бы своего рода нагляднымъ показателемъ не измѣняемости ихъ юридическаго состоянія.

При осуществленіи аграрной реформы было не мало служебныхъ ошибокъ и даже злоупотребленій со стороны правительственныхъ агентовъ. Особенно были возможны послѣднія при отобраніи земли подъ волоки, благодаря неправильному ихъ вычисленію. Отъ всѣхъ этихъ мѣропріятій страдали интересы шляхты, которая стремилась, при первомъ же случаѣ возстановить нарушенное свое право. Земяне Скиндери жаловались Сигизмунду II, что воевода Виленскій и староста Мозырскій панъ Альбрехтъ Мартыновичъ Гаштольдъ „забралъ ихъ людей и земли“, принадлежавшія ихъ имѣнію „Саковскому“, а также и данниковъ“, лежавшихъ за волостью Глушъской“, и привернулъ къ господарскому двору. Помимо этого, при производствѣ аграрной реформы, и у нихъ подъ волоки было взято много земли, и только „вельми малая часть при нихъ зостала“, а между тѣмъ они имѣютъ всѣ права на владѣніе имѣніемъ „Саковщиной“. По-

[1]) К. З., XLII л. 45.
[2]) К. З., XLII л. 49—51.

этому, они просятъ о пересмотрѣ ихъ недоразумѣній съ старостой и о соотвѣтствующей наградѣ за понесенные матеріальные убытки [1]). При осуществленіи аграрныхъ мѣропріятій литовско-русскаго правительства, особенно въ тяжеломъ положеніи оказывались лица, владѣвшія данинами „до воли и ласки господарской". Такія земли отбирались на господаря, и прежнимъ владѣльцамъ предстояло хлопотать о новой данинѣ. Татаринъ Османъ Здиличъ владѣлъ въ Городенскомъ повѣтѣ пустой землей, полученной имъ отъ Сигизмуда I, но такъ какъ въ господарскомъ листѣ „вѣчности" не было написано, то, послѣ измѣренія на волоки, пустовщина Здилича была отдана господарскому боярину. Такъ какъ безъ этой земли вышеупомянутый татаринъ не могъ нести „земской службы" то онъ просилъ Сигизмунда II или „оставить его „водле листу его милости отца нашого, альбо отмену противъ того листу дать [2]).

Вообще эпоха аграрной реформы Сегизмунда-Августа время, когда шляхта забрасывала господаря просьбами о пожалованіи землями. Этому благопріятствовало много обстоятельствъ. Шляхта прекрасно поняла экономическое значеніе предпринятой Сигизмундомъ-Августомъ реформы, и поэтому стремилась всѣми средствами захватить въ свое пользованіе то или другое количество волокъ. Этому же содѣйствовалъ рядъ обстоятельствъ, въ частности война, бывшая причиной разоренія многихъ землевладѣльцевъ. Естественно, что правительство должно было награждать такихъ лицъ „ради военнаго разоренія", землями уже измѣренными на волоки. Случаи челобитій о пожалованіи „ради военнаго разоренія" чрезвычайно многочисленны. Будетъ не преувеличеніемъ сказать, что литовско-русское правительство прямо-таки забрасывалось такими челобитьями, да и само оно сплошь и рядомъ безъ всякаго челобитья поспѣвало на помощь разорившемуся отъ войны шляхтичу и давало ему нѣсколько волокъ въ пользованіе. Такъ державца Кричевскій Беркулабъ Ивановичъ Корсакъ билъ челомъ господарю и „поведилъ" передъ нимъ „итожъ неприятель нашъ князь московскій за посягьненіемъ зрадливымъ замъку нашого Полоцкаго именья его некоторыя забралъ, а иньшые отъ тогожъ неприятеля и войскъ его суть спустошены".

[1]) К. З., XLI л. 133.
[2]) К. З., XXXVIII л. 428.

Поэтому онъ получилъ въ награду 20 службъ людей въ Могилевской волости. Но и сюда вторгнулся непріятель и захватилъ волость Могилевскую. Поэтому у него не осталось „жаднаго пожитьку“, и „никакого поживенья“ онъ не получаетъ съ своихъ двадцати службъ. На этомъ основаніи Корсакъ билъ челомъ господарю и просилъ его „быхмо ему ласку господарскую вчинили и ку оной першей данинѣ иньшимъ именіемъ его опатрили, и тамъ же въ волости Могилевской дали ему шестьдесятъ службъ людей и полъслужбы [1]).

Нельзя не замѣтить, что Корсакъ запросилъ не мало за свое разоренье. Впрочемъ, не всѣ челобитчики, пострадавшие отъ военныхъ дѣйствій, отличались такими аппетитами, какъ вышеназванный Корсакъ. Дворянинъ панъ Павелъ Маскевичъ билъ челомъ о пожалованіи его землей „для службъ его цнотливыхъ“, которыя онъ, будучи „въ битве сее прошълое зимы кгды за ласкою Божью войско непріятельское московское съ Шуйскимъ поражоно значне было, яко на рыцарскаго человѣка надлежало“ и ссылался при этомъ на полученіе раны и потерю части имущества [2]).

Другіе челобитчики его скромнѣе. Дворянинъ панъ Петръ Жижемскій, ссылаясь на свое разореніе отъ непріятельскихъ рукъ, проситъ о пожалованіи, неопредѣляя ни его размѣровъ, ни мѣста [3]). О томъ же просилъ нязь Андрей Андреевичъ Лукомскій, лишившійся во время войны „дома а всей домовой маетности“ [4]).

Иные челобитчики, хлопоча о вознагражденіи, ссылались въ видѣ довода „на выѣздъ изъ непріятельской земли“. Такъ поступилъ князь Гаврила Комбулатовичъ [5]).

Среди шляхетскихъ челобитій о пожалованіи землями видное мѣсто занимаютъ просьбы объ отводѣ земли „на хлѣбокормленіе“. Мотивы такихъ челобитій были различны. Одни не считали нужнымъ болѣе или менѣе детально обосновывать свою просьбу, предполагая, что поддержка его челобитія авторитетнымъ мнѣніемъ какого-нибудь старосты—имѣетъ большее значеніе, чѣмъ тѣ или другіе аргументы. По крайней мѣрѣ, земянинъ Станиславъ Семеновичъ Ореховицкій никакими доводами не

[1]) К. З., XXXVIII, л. 544.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 511.
[3]) К. З., XXXIX, л. 530. К. XLI, л. 333.
[4]) К. З., XXXIX, л. 531.
[5]) К. З., XLI, л. 346.

обосновалъ своей просьбы, зная, что за него вступится воевода Виленскій панъ Михаилъ Юрьевичъ Радивиллъ [1]).

Другіе, прося „о хлѣбокормленіи“, въ качествѣ мотива выставляли бѣгство „з рукъ незбожнаго неприятеля“ и просили господаря „абыхмо ласку господарскую вделали, а его хлѣбокормленіемъ опатрили, потому яко иныхъ слугъ и верныхъ подданныхъ нашихъ“ [2]). Вообще „бѣгство изъ руки непріятельской“ „разореніе отъ непріятельскаго нашествія“ въ челобитіяхъ о хлѣбокормленіи имѣютъ рѣшающее значеніе. Съ такими же просьбами „о хлѣбокормленіи“ обращались къ господарю и лица, выѣхавшія изъ Москвы и нашедшія пріютъ при дворѣ князя литовскаго гостепріимно встрѣчавшаго всѣхъ московскихъ бѣглецовъ. Дѣти боярскіе Григорій Ивановичъ Солнцевъ, Федоръ Матвѣевичъ, Микита Гавриловичъ, Азыкъ Семеновичъ, „которые з Москвы пріехали“ просили о пожалованіи земель на „хлѣбокормленіе“ [3]). И Богданъ Микитичъ Колычевъ, пріѣхавшій „на господарское имя изъ Москвы“, обратился съ просьбой къ господарю „абыхмо нашу ласку господарскую уделали и хлебокормленіе именейцомъ у волости нашей Белиской пожаловали“ [4]).

Въ общемъ приходится признать, что челобитія о пожалованіи землей „на хлѣбокормленіе“ среди шляхетскихъ ходатайствъ о пожалованіи землей—занимали весьма видное мѣсто.

Далѣе идутъ челобитія о пожалованіи дворищами-волоками съ указаніемъ гдѣ именно и какія, безъ представленія мотивовъ, но съ ссылкой на обычную „господарскую ласку“. Земянка Пинскаго повѣта Людмила Бахейловна била челомъ господарю, „абыхмо ласку нашу господарскую вчинили и дали ей три дворища въ волости Пинской. Впрочемъ, вышеприведенная земянка заручилась согласіемъ со стороны Виленскаго воеводы для поддержанія своего ходатайства [5]).

Пустыя земли, измѣренныя на волоки и не размѣренныя, обыкновенно мѣстные старосты раздавали шляхтичамъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ: платежѣ чинша или отправленіи военной повинности. Такое пожалованіе имѣло условное значеніе. Его могли отнять во всякое время. Поэтому, землевладѣльцы,

---

1) К. З., XLVIII, л. 248.
2) К. З., XXXVIII, л. 523.
3) К. З., XXXVII, л. 105.
4) К. З., XXXIX, л. 525.
5) К. З., XXXVIII, л. 616.

получившіе отъ воеводы данины, спѣшатъ укрѣпленіемъ ихъ за собой, и ради этого обращаются съ челобитьемъ къ господарю. Такія челобитія чрезвычайно многочисленны, и обиліе ихъ служитъ прекраснымъ показателемъ того, что воеводамъ и старостамъ приходилось раздавать пустовскія земли—волоки довольно часто [1]).

Укрѣпивъ за собою „данину“ „до воли и ласки господарской, или леннымъ правомъ“, землевладѣльцы тогда обычно выступаютъ съ другой просьбой. Въ нихъ идетъ уже рѣчь объ укрѣпленіи „данинъ“ на вѣчность. Жмудскій земянинъ панъ Янъ Ездатый, получившій на „хлѣбокормленіе“ „6 волокъ земли оремые, лесу сеножатей кгрунту подлаго, а седьмую на выпусту у волости Кгондиньской, въ войтовстве Мишанскомъ“, подъ условіемъ военной службы, просилъ объ отдачѣ ему ихъ на вѣчность [2]). О томъ же хлопоталъ земянинъ Янъ Станиславовичъ Одаховскій, получившій отъ Жмудскаго старосты пана Яна Ходкевича сначала пожалованіе въ размѣрѣ „34 волокъ населенныхъ и лѣсныхъ пустыхъ 6 волокъ“, просилъ „абыхмо ласку господарскую вделали и тые села, прречоные з людьми въ нихъ оселыми и оные волоки лесные ему дали и листомъ господарскимъ подтвердили на вѣчность“ [3]). Вообще, ходатайства о превращеніи данинъ въ вѣчное владѣніе въ эпоху реформы—явленіе самое обыкновенное. Можетъ быть, ими шляхта хотѣла восполнить всѣ убытки и ущербы, понесенные ею, благодаря аграрнымъ мѣропріятіямъ Сигизмунда-Августа.

Если аграрная реформа Сигизмунда-Августа преслѣдовала округленіе господарскихъ имѣній и уничтоженіе черезполосицы, то она создавала множество неудобствъ для частнаго собственника, измѣняла границы, сокращала земельную площадь въ одномъ мѣстѣ и увеличивала въ другомъ, благодаря чему всѣ хозяйственные планы шляхтича могли быть совершенно разстроены.

Примирившись съ произведенной аграрной реформой, шляхта не могла, конечно, примириться съ послѣдствіями ея для интересовъ земельныхъ собственниковъ. Отсюда у шляхты является

---

[1]) К. З., XXXVIII, л. 455, XLI, л. 20, 22, 221 и 222.

[2]) К. З., XLVIII, л. 267.

[3]) К. З., XXXIX, л. 626. Также: К. З., XXXVIII, л. 494. К. З., XXXIX, л. 636. XLVI, л. 20, XLVIII, л. 213. XLI, л. 35, 103, 145, 162, 261 etc.

желаніе захватить нѣсколько сосѣднихъ волокъ, лежащихъ вблизи имѣнія и съ помощью ихъ хотя бы немного округлить свое имѣніе. Такого рода шляхетскія челобитія чрезмѣрно обильны, и обиліе послѣднихъ можетъ служить показателемъ того, какъ сильно аграрная реформа Сигизмунда-Августа задѣла матеріальные интересы шляхты.

Въ однихъ челобитіяхъ о надѣленіи волоками — шляхта оправдывала свою просьбу тѣмъ, что просимыя волоки „споручъ прилеглые къ имѣнію. Такъ панъ Станиславъ Райскій просилъ господаря „абыхмо пожаловали ему и дали два застѣнка 49 морговъ земли“, приписанныхъ къ фольварку Вороневскому при господарскомъ селѣ „Ромейкахъ“, такъ какъ они были „прилеглыми“ къ его имѣнію Бурбенискому [1]). И писарь скарбный Мановскій-Өедоровичъ, получившій нѣсколько раньше отъ господаря дворецъ въ волости Виликейской, проситъ объ отводѣ ему 10 волокъ „прилеглыхъ ку тому двору съ людьми на нихъ оселыми и съ ихъ службами и подагками“ [2]). Просьба писаря — уже болѣе основательная. Здѣсь идетъ рѣчь не объ отдачѣ безполезнаго для господарскаго хозяйства застѣнка, а о цѣломъ кускѣ доходной территоріи.

Впрочемъ, иногда просьба о пожалованіи волокъ „споручъ имѣнію прилеглыхъ“ сопровождалось просьбой взять на господаря такое же количество волокъ, благодаря чему въ общемъ происходила обоюдная сдѣлка, небезвыгодная для обѣихъ сторонъ, въ особенности для частнаго собственника, такъ какъ этимъ достигалось округленіе его имѣній. Подкоморій Ковенскій и ревизоръ дворовъ и замковъ Понѣманскихъ панъ Войтехъ Девялтовскій просилъ о пожалованіи ему 4 селъ „прилеглыхъ къ его имѣнію“, въ которыхъ было 40 волокъ, а взамѣнъ этого приписать къ господарскимъ землямъ три его села, которыя „широкостями кгрунтовъ и иными пожитками онымъ селамъ суть ровны“ [3]). И воевода Витебскій, округлявшій свое имѣніе въ Витебскомъ повѣтѣ по сосѣдству съ земяниномъ Өедоромъ Даниловичемъ просилъ объ уступкѣ села Должки вмѣсто села Козловичи, которыя были совершенно одинаковой цѣнности [4]). Такъ

---

1) К. З., XXXVIII, л. 301.
2) К. З., XXXVII, л. 105.
3) К. З., LI, л. 316.
4) К. З., XXXVIII, л. 29.

жизнь заставляла вносить нѣкоторыя и, при томъ весьма существенныя, поправки въ односторонія дѣйствія господарскихъ агентовъ, осуществлявшихъ аграрныя мѣропріятія правительства.

Сплошь и рядомъ шляхта свободныя волоки, оставшіяся не разобранными подданными, разбирала для себя въ интересахъ своего хозяйства съ уплатой опредѣленнаго чинша въ господарскую казну. Отдачей волокъ въ аренду завѣдывала мѣстная администрація, а шляхтичамъ, взявшимъ волоки подъ условіемъ опредѣленной платы „на плате врочистомъ“ оставалось обратиться къ господарю съ просьбой оставить ихъ при „тыхъ земляхъ“. Такъ державца Мостовскій далъ дворянину Прокопу Григорьевичу „две земли пустовскіе“, лежавшія при Мостовскомъ дворѣ, а послѣдній билъ чоломъ господарю „абыхмо ласку господарскую вчинили и при тыхъ земляхъ его зоставили“ [1]). Иногда лица, бравшія земли „на врочистомъ плате“ получали нѣкоторую льготу въ платежахъ, освобождались отъ уплаты послѣднихъ на нѣкоторое время.

Земянинъ Петръ Михайловъ получилъ въ Чечерской волости пустовщину и три земли куничныхъ, а потомъ, когда староста Слонимскій панъ Григоріи Воловичъ совмѣстно съ писаремъ и секретаремъ державцей Марковскимъ Михаиломъ Нарушевичемъ „тыя земли на плате врочистомъ положилъ и накладъ не малый положили, то з ласки господарской“ онъ былъ освобожденъ отъ даванія платовъ и чинша на три года [2]).

Но, съ другой стороны, тѣ же держатели волокъ „на врочистомъ плате“ забрасывали господаря челобитіями съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ платежа чинша, съ оставленіемъ волокъ въ ихъ рукахъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ, Благодаря такимъ челобитіямъ, держатели волокъ продѣлывали весьма выгодную для себя матеріальную сдѣлку: и земля оставалась въ ихъ рукахъ и чинша въ господарскій скарбъ не платили. Правда, такая земля была всего только даниной, условнымъ пожалованіемъ, но вѣдь ее то, при извѣстныхъ условіяхъ, путемъ того же челобитія можно было сдѣлать вѣчной. Освобожденіе волокъ отъ чинша и превращеніемъ ихъ въ данину — сопровождалось возложеніемъ на челобитчика обязанности военной службы, причемъ правительство въ листахъ, выданныхъ челобитчику—всегда

---

[1]) К. З., XXXVIII, л. 434.
[2]) К. З., XXXIX, л. 455.

подробно опредѣляетъ и размѣры послѣдней. Конечно, это было необходимо, такъ какъ сеймовое постановленіе 1528 года о военной службѣ было не примѣнимо къ землямъ, измѣреннымъ на волоки, и потому приходилось всякій разъ опредѣлять размѣры такой службы.

Иногда такія челобитія сопровождались ссылкой на разореніе отъ Московскаго князя, а больше ссылались на господареву ласку [1]). Такъ при производствѣ аграрной реформы въ Кременецкой волости дьякъ Андрей Ивановъ далъ земянину Матею Войтеховскому 10 волокъ, въ числѣ которыхъ было 6 волокъ среднихъ по качеству и 4 волоки „дубровы, на проробокъ годное“ за „певный“ платъ. Но земянинъ обратился съ просьбой „абыхмо ласку господарскую вчинили и здаванія плату его вызъволили и дали ему тую десять волокъ до воли и ласки нашея господарской“ [2]). И дворянинъ Григорій Ивановичъ, державшій „на врочистомъ плате“ 50 морговъ „земли оромое, форосту и сено жатей кгрунту подлого“, съ которыхъ „платъ весьма малый“ поступалъ въ господарскій скарбъ, просилъ господаря объ освобожденіи его отъ „плата“ и присоединеніи выше названнаго участка къ его „имѣньицу Козловскому“ подъ „условіемъ земской службы“ [3]). Иногда челобитчики въ ходатайствѣ объ освобожденіи ихъ отъ чинша приводили и болѣе серьезные аргументы для подкрѣпленія своей просьбы. Такъ служебникъ панъ Юрій Бобовичъ получилъ 6 волокъ „пустыхъ кгрунту лесу не разробленого з надбавками и моргами у трохъ застѣнками“ съ обязательствомъ платить „на кождый годъ съ кождое волоки по 2 золотыхъ польскихъ“. Но такъ какъ для разработки кгрунта было необходимо истратить не малыя деньги, то за Бобовича хлопоталъ староста Берестейскій и Кобринскій Остафій Воловичъ объ освобожденіи его отъ платежа чинша [4]).

Съ осуществленіемъ аграрной реформы выяснилось, что далеко не всѣ волоки были разобраны подданными. Оставалось не мало пустыхъ, въ особенности, тамъ, гдѣ была земля плохая, болотистый грунтъ, такъ что, навѣрное, никто изъ подданныхъ не согласился бы сѣсть на такой землѣ, на тяглой службѣ или осадѣ.

---

1) К. З., XXXIX л. 455.
2) К. З., XLI л. 270.
3) К. З., XLVIII л. 226.
4) К. З., LXXI л. 213.

Такая земля, какъ лежавшая „впустѣ“, не приносила господарскому скарбу никакихъ доходовъ, а между тѣмъ сплошь и рядомъ случалось, что она была не безполезна землевладѣльцу-шляхтичу. Поэтому послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что земля пустая, бездоходная, обращаются къ господарю съ просьбой объ отводѣ имъ пустыхъ никчемныхъ волокъ, прекрасно понимая, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого отказа со стороны господаря. Такъ служебникъ Янъ Двиропскій билъ господарю челомъ и просилъ его „абыхмо ему дали $1^1/_2$ волоки пустыхъ“, приписанныхъ къ Кревскому замку“. Грунтъ—этотъ плохой, никуда не годный—„болота нижъ сухого кгрунта“ [1]). Господарскій служебникъ Теофилъ Младецкій просилъ о пожалованіи 4 волокъ пустыхъ, лежавшихъ при Трабскомъ дворѣ. Получивъ послѣднія, онъ, спустя нѣкоторое время, снова билъ челомъ господарю „абыхмо ему ласку господарскую вделали, а ку тымъ чотыремъ волокамъ земли ихъ пустыхъ“, ранѣе данныхъ, „еще три волоки земли пустыхъ людьми не оселыхъ, тамъ же у волости Трабской и при селѣ Иванковичахъ ему дали“ [2]). Точно также и князь Михаилъ Оболенскій просилъ о добавочномъ вознагражденіи застѣнкомъ въ размѣрѣ 5 волокъ „съ котораго жадного пожитку“ не было, и только съ него шли дрова на господарскій дворъ [3]).

Равнымъ образомъ въ руки шляхтичей могли попасть и мѣстскія волоки. Если мѣщане не разобрали всѣхъ волокъ, и оставалось еще нѣкоторое количество свободныхъ, то послѣднія отдавались на „голомъ платѣ“ и не мѣщанамъ. Благодаря этому, не мало шляхтичей оказалось держателями мѣстскихъ волокъ. Обыкновенно, это дѣлалось самими ревизорами при первоначальной раздачѣ волокъ. Такъ земянка Катерина Приклоцкая получила отъ „ревизора замковъ и дворовъ нашихъ Подляшскихъ“ Ивана Сопѣги, „землю местскую“ застѣнокъ мѣста „Берестье“ въ которомъ было „4 морга грунту посполитого поля и сеножатей“. Съ даннаго застѣнка земянка должна была платить чиншъ въ мѣстскій скарбъ [4]). Чтобы укрѣпить ихъ за собою, необходимо было получить господарское подтвержденіе. Въ противномъ случаѣ, такое держаніе мѣстскихъ волокъ во всякое время могло быть отобрано, какъ незаконное.

1) К. З., XXXVII л. 114.
2) К. З., XXXIX л. 252.
3) К. З., XLI л. 341.
4) К. З., LXXVI л. 255.

Кромѣ того, шляхтичъ могъ стать держателемъ мѣстскихъ волокъ посредствомъ покупки ихъ у мѣщанъ, конечно, съ соотвѣтствующимъ господарскимъ утвержденіемъ. Шляхтичъ, тѣмъ или другимъ способомъ державшій въ своихъ рукахъ мѣстскія волоки, становился подъ присудъ новаго суда, наравнѣ со всѣми не шляхтичами-землевладѣльцами, и, кромѣ того, онъ былъ обязанъ принимать нѣкоторое участіе въ отправленіи мѣстскихъ повинностей и во внесеніи въ мѣстскую казну соотвѣтствующей доли расходовъ, какъ „иншие мѣщане". Наконецъ, шляхтичи и сами обращались къ господарю съ просьбой о пожалованіи мѣстскими волоками. По всей вѣроятности, это дѣлалось тогда, когда мѣстскія волоки были „прилеглыми" къ землямъ челобитчика и такимъ образомъ были для него большой хозяйственной цѣнностью. Такъ шляхтичъ Сципіонъ Кампо просилъ Сигизмунда III о пожалованіи ему подъ мѣстомъ Новодворскимъ 4 волокъ пустыхъ и застѣнка въ количествѣ 8 волокъ, такъ какъ эти волоки были прилеглыми къ его фольварку. Челобитчикъ проситъ объ отводѣ ихъ на голомъ чиншу [1]).

Шляхтичи могли также стать „мѣщанами" въ собственномъ смыслѣ этого слова. Стоило только шляхтичу пріобрѣсти какимъ-либо образомъ домъ и мѣсто въ городѣ. Большей частью это дѣлалось посредствомъ покупки у мѣщанъ дома или мѣста [2]). Шляхтичъ, пріобрѣвшій въ городѣ мѣсто или домъ, приравнивался по своему юридическому состоянію къ обыкновенному „мѣщанину" т. е. подлежалъ городскому присуду, какъ владѣлецъ недвижимаго имущества въ городѣ, и былъ обязанъ наравнѣ съ другими мѣщанами платить мѣстскіе налоги и отправлять городскія повинности.

Нельзя сказать, чтобы шляхтичи, ставшіе держателями мѣщанскихъ волокъ или собственниками недвижимаго имущества въ городахъ, вполнѣ примирились съ своимъ положеніемъ. Изученіе обильнаго, но довольно однообразнаго матеріала, позволяетъ составить опредѣленное впечатлѣніе о желаніи шляхтичей избавиться отъ тѣхъ новыхъ обязанностей и повинностей, которыя падали на ихъ голову, какъ владѣльцевъ недвижимаго городского имущества. Прежде всего шляхтичи желаютъ освободиться отъ платежа „чинша" за мѣщанскія волоки. Челобитчики, высту-

---

[1]) К. З., XLI л. 327.

[2]) К. З., LXXVI л. 169., л. 171.

ная съ ходатайствомъ о сложеніи „чинша“ съ мѣщанскихъ волокъ, не всегда аргументировали свою просьбу, а прибѣгали къ обычному въ такомъ случаѣ выраженію „вчинити господарскую ласку“. Такъ поступилъ Лавринъ Война—извѣстный дѣятель аграрной реформы, господарскій писарь, державца Олитскій—человѣкъ съ большимъ положеніемъ и политическимъ вѣсомъ. Понятно, что ему не приходилось аргументировать своей просьбы. Здѣсь главнымъ аргументомъ—была личность самого просителя [1]). Но не всѣ такъ поступали. Другіе считали цѣлесообразнымъ привести тѣ мотивы и соображенія, коими обусловливалось ихъ обращеніе съ челобитіемъ къ господарю. Одни изъ челобитчиковъ объясняютъ свое ходатайство тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ, полной невозможностью отправлять исправно всѣ мѣстскія повинности. Такъ служебникъ Якубъ Желикговскій, купившій у городенскихъ мѣщанъ нѣкоторое количество волокъ „то пакъ теперь уплаченню циньшу и въ повинностяхъ местскихъ трудности себе быти менуючи“, просилъ объ освобожденіи его „отъ платы повинностей местскихъ“ [2]). Такъ точно поступила и вдова Анна Дыбовская, владѣвшая 12 волоками въ селѣ Колбамнѣ, съ которыхъ ея мужъ исправно платилъ чиншъ въ мѣстскій скарбъ и отправлялъ всѣ мѣстскія повинности. Послѣ его смерти „немогучи повинностямъ съ тыхъ волокъ местскихъ палежачимъ досыти чинити“, обратилась къ господарю съ ходатайствомъ объ освобожденіи ея „отъ плаченія чиншовъ и иншихъ повинностей мѣстскихъ, належачихъ зъ оныхъ волокъ“ ради „заслугъ малжонка се небожчика Андрея Дыбовскаго“ [3]).

Въ другихъ челобитіяхъ высказывалось желаніе освободиться отъ присуда замковаго суда и объ отдачѣ челобитчика „подъ присудъ майборскаго права“. Съ такой просьбой обратился шляхтичъ Сципіонъ Кампо [4]). Впрочемъ, такія челобитія встрѣчаются довольно рѣдко. Вѣрнѣе, такія просьбы можно считать исключеніемъ. Шляхтичъ желалъ оставаться шляхтичемъ и даже косвеннымъ образомъ не желалъ принадлежать къ мѣщанству. Не даромъ шляхтичи, пріобрѣвшіе въ городѣ недвижимое имущество, немедленно обращались къ господарю съ просьбой о „вызволеніи ихъ отъ местскаго присуда, замковыхъ и местскихъ

[1]) К. З., XLVIII л. 379.
[2]) К. З., XLVIII л. 364.
[3]) К. З., XLVIII л. 348.
[4]) К. З., LXIXVI, л. 255.

повинностей“, которыя онѣ должны были нести наравнѣ со всѣми мѣщанами [1]). Впрочемъ не всегда просьба объ освобожденіи отъ мѣстскаго присуда непремѣнно влекла за собой ходатайство объ освобожденіи отъ мѣстскихъ повинностей. Такъ земянинъ Иванъ Ѳедоровичъ Бока, купившій въ Городнѣ мѣсто и пляцъ, проситъ объ освобожденіи его отъ „присуду местъскаго и объ освобожденіи его отъ замковыхъ повинностей, соглашаясь нести мѣстскія повинности, „которые перве з него полнены бывали“ [2]), Бока проситъ о подтвержденіи ихъ особымъ господарскимъ листомъ. Просьба объ освобожденіи отъ мѣстскаго суда сопровождалась параллельнымъ ходатайствомъ объ отдачѣ челобитчика „подъ присудъ шляхетскаго права“. По существу, такая просьба являлась нѣкоторымъ нарушеніемъ дѣйствующаго права, такъ какъ присуду шляхетскому подлежали только лица, владѣвшія въ томъ или другомъ повѣтѣ недвижимымъ имуществомъ. Но такія нарушенія уже стали обычными въ литовско-русскомъ государствѣ съ 60-хъ г. шестнадцатаго вѣка. И это вполнѣ понятно, разъ въ это время совершалась окончательная шляхетизація литовско-русскаго государственнаго строя.

Къ шляхетскимъ челобитіямъ, подававшимся литовско-русской шляхтой въ связи съ аграрными мѣропріятіями правительства, слѣдуетъ также отнести и челобитія о разрѣшеніи устраивать въ собственныхъ имѣніяхъ корчмы, торги, ярмарки, мѣстечки. До 1552 года шляхетскія челобитія о томъ же предметѣ — можно считать единицами. Съ 1552 года количество ихъ ежегодно все увеличивается. И это вполнѣ понятно. До половины XVI в. въ странѣ не было замѣтно большого торговаго оживленія. Дороги были пусты, съ половины 16 вѣка—наоборотъ, происходитъ большое оживленіе въ торговыхъ дѣлахъ. Съ ростомъ внутренней и внѣшней торговли — оживились торговыя дороги, мѣстныя ярмарки и еженедѣльные торги. Это оживленіе было учтено шляхтой, предполагавшей извлечь изъ него и для себя нѣкоторую выгоду. Устраивая на торговой дорогѣ корчму, гостинницу, получивъ право торговать спиртными напитками, шляхтичъ тѣмъ самымъ могъ существенно увеличить свои доходы. Такое же матеріальное значеніе для шляхты имѣло и устройство мѣстечекъ и открытіе въ нихъ ярмарокъ и торговъ. Учитывая всѣ эти

[1]) К. З., LXXVI, л. 169, л. 171. К. З., LXXIV, л. 244.
[2]) К. З., LXXI, л. 266.

хозяйственныя выгоды — шляхтичи и забрасываютъ господаря просьбами объ разрѣшеніи устроить корчмы и стодолы. Всѣ эти многочисленныя шляхетскія челобитія — довольно однообразны. Шляхтичи просятъ объ устройствѣ корчмы и стодолы въ собственномъ имѣніи, лежащемъ на такой то дорогѣ. Такими дорогами являлись для шляхтича пути, шедшіе изъ Вильно въ разныя стороны или соединявшія между собою какіе-нибудь мѣстные крупные хозяйственные или административные центры, или дороги, по которымъ отправлялись разнаго рода товары [1]).

Въ другихъ челобитіяхъ — просьба объ открытіи корчмы соединяется съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устроить новое мѣсто съ позволеніемъ осаживать въ немъ вольныхъ людей и имѣть въ немъ еженедѣльный торгъ. Такія мѣстечки устраиваются около господарскихъ замковъ, большихъ дорогъ, рѣчныхъ пристаней, на границѣ съ Польшей [2]).

Въ третьихъ челобитіяхъ просьба объ устройствѣ мѣстечка соединяется съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устраивать въ данномъ мѣстечкѣ ежегодную ярмарку [3]). Иногда въ челобитіяхъ просьба объ осадѣ мѣстечка соединялась и съ просьбой разрѣшеніи открыть въ немъ корчму и завести еженедѣльный торгъ и, наконецъ, ярмарку [4]). Въ нѣкоторыхъ челобитіяхъ просители ради подкрѣпленія своей просьбы указывали правительству „ижъ дей тая корчма его не будетъ на жадной шкоде и переказе местомъ, торгомъ и ярмаркомъ нашимъ господарскимъ“ [5]). Наконецъ, къ числу челобитій, тѣсно связанныхъ съ аграрной реформой, слѣдуетъ отнести и ходатайства объ устройствѣ мостовъ черезъ рѣки, протекавшія среди частно-владѣльческой земли. Устраивая мостъ и получивъ разрѣшеніе собирать „мостовое“ въ свою пользу, владѣлецъ моста пріобрѣталъ довольно большую матеріальную выгоду. Вполнѣ естественно, почему онъ былъ заинтересованъ въ устройствѣ моста. Иногда отсутствіе моста черезъ рѣку причиняло частному землевладѣльцу не мало убытка. Такъ одинъ изъ нихъ нѣкто панъ Лукашъ Ленскій, ходатайствуя

[1]) К. З., LXXVIII, лл. 19, 22, 71, 108, 143, 223, 293, 300, 333, 343, 399, 400, 424, 484, 507, 635, XXXIX, л. 139, 173, 199. К. З., XLIII, лл. 16, 34, XXIII, л. 38 etc.

[2]) К. З., XXXVIII, л. 52, 84, 175, 178, 203, 342.

[3]) К. З., XXXVIII, л. 225, 221, 424.

[4]) К. З., XXXVIII, л. 226, 230 etc.

[5]) К. З., XXXVIII, л. 635.

о разрѣшеніи устроить мостъ черезъ рѣку Жижму, ссылался на то, что отсутствіе послѣдняго приноситъ ему большой убытокъ, въ особенности во время половодья, такъ какъ ѣздоки „не могучи подчасъ за великимъ половодьемъ черезъ рѣку Жижъму подъ дворомъ его Кюйцупишени есть переежъдчати“ направляютъ свой путь къ его греблѣ, черезъ которую и переѣзжаютъ рѣку, но при этомъ, переѣзжая „новые дороги сеножатьми и польми его собе покладаютъ“. Помимо этого, отъ частыхъ переѣздовъ и самая гребля портится. Это обстоятельство заставило челобитчика просить о разрѣшеніи устройства моста черезъ рѣку Жижму [1]).

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создавала для литовско-русской шляхты цѣлый рядъ весьма существенныхъ неудобствъ. Сплошь и рядомъ шляхтѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что хозяйственная политика литовско-русскаго правительства ставила частновладѣльческое хозяйство въ совершенно невозможныя условія, съ которыми, конечно, мириться было нельзя, но, съ другой стороны, и измѣнить пріемы хозяйственной дѣятельности господарскихъ агентовъ было, конечно, невозможно.

Въ такихъ случаяхъ, и для правительства и для частнаго собственника—оставался одинъ выходъ—помѣняться имѣніями. Отъ такой мѣны выигрывало только правительство. Шляхтичъ, согласившійся мѣной имѣніями разрубить возникавшіяся недоразумѣнія, матеріально очень страдалъ. Вѣдь ему приходилось бросать свое заведенное и налаженное хозяйство и устраиваться на новомъ мѣстѣ. Такого неудобства литовско-русское правительство совершенно не испытывало.

Вопросъ о мѣнѣ имѣніями подымается или правительствомъ, или по иниціативѣ частнаго лица. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мотивы были разнообразны. Иногда правительство, уже при самомъ волочномъ измѣреніи, видѣло необходимость „привлащенія“ всего имѣнія къ господарскимъ землямъ. Сдѣлать это—безъ согласія собственника было совершенно невозможно. Вотъ, почему правительству оставалось предложить тому или другому лицу отдать свои земли господарю, получивъ взамѣнъ соотвѣтствующую компенсацію. Когда шло измѣреніе на волоки Волкинской пущи, то выяснилось, что для „лепшей сторожи“ необходимо привернуть къ господарскому двору дворъ, села и людей Шимона Грабовскаго, за что послѣдній, конечно, получилъ соотвѣтствующую

---

1) К. З., XLIII, л. 16.

отмѣну, благодаря которой увеличилось его имѣніе „Сперское“ въ Городенскомъ повѣтѣ. Нельзя не считать такую мѣну выгодной для шляхтича, такъ какъ расширеніе его имѣнія за счетъ „споручныхъ“ господарскихъ земель давало ему возможность расширить на одномъ мѣстѣ поле своей хозяйственной дѣятельности [1]). И земельные собственники въ своихъ заботахъ объ улучшеніи своего хозяйства приходили къ мысли о цѣлесообразности округленія своего имѣнія за счетъ господарскихъ земель и, съ своей стороны, предлагали правительству совершить сдѣлку—мѣну одного имѣнія другимъ. Когда Виленскій воевода убѣдился, что господарскія села двора Волкенискаго: Белевичи и Мелечики и, въ особенности, село Пацевичи, приписанныя къ Мстибоговскому замку, „споручны и потребны“ для его Супрасалькаго замка, такъ какъ тогда онъ можетъ устроить „ставъ“ на рѣкѣ Супраслѣ, то онъ просилъ взять на господаря его село Корапульское, а ему дать въ замѣну вышеупомянутыя села. Такъ какъ количество волокъ было одинаково въ трехъ господарскихъ селахъ и въ селѣ Виленскаго воеводы, то Сигизмундъ-Августъ счелъ возможнымъ произвести такую замѣну тѣмъ болѣе, что село Карапульское лежало по близости господарскаго мѣста Васильковъ и было ему „весьма споручно“ [2]). Конечно, такая мѣна имѣніями была не безвыгодна для Виленскаго пана, но въ ней не было крайней необходимости. Не будь челобитчикомъ самъ Виленскій панъ, едва ли правительство удовлетворило такого рода челобитіе.

Но въ практикѣ правительства бывали и другіе случаи, когда замѣна вызывалась необходимостью, когда безъ нея не могли обойтись ни правительство; ни землевладѣлецъ, въ особенности послѣдній. Правительство Сигизмунда - Августа, озабоченное улучшеніемъ своего хозяйства, поставило на рѣкѣ Лососенцѣ „ставъ“, который совершенно залилъ большую часть земель земянина Тимофея Григорьевича Олизаровича, такъ какъ онѣ были расположены на берегу той же рѣки.

Тогда Олизаровичъ обратился съ челобитіемъ къ господарю—взять у него „остатокъ земель отчизныхъ ку добрамъ нашимъ приверпувши“, а ему за это дать отмѣну на какомъ-нибудь „иншомъ“ мѣстѣ [3]). Иногда земянину приходилось просить о замѣнѣ,

---

1) К. З., XLVIII. л. 70.
2) К. З., XLVIII. л. 58.
3) К. З., LXXIV, л. 155.

такъ какъ создавались между собственникомъ и господарскимъ населеніемъ совершенно невозможныя отношенія. Господарскій агентъ при производствѣ аграрной реформы въ Городенскомъ староствѣ разрѣшилъ городенскимъ подданнымъ не возить своего хлѣба на мельницы въ имѣніе Остафія Воловича. Съ этимъ не могъ помириться послѣдній, видя въ этомъ „уближене собе пожитковъ", и продолжалъ отбирать отъ тамошнихъ мѣщанъ „мѣру отъ млына". Послѣдніе, естественно, не имѣли ни малѣйшаго желанія платить и протестовали какъ могли. Съ своей стороны, Остафій Воловичъ обратился къ господарю съ просьбой „заховать его водле старыхъ листовъ", но господарь предпочелъ дать ему замѣну мозырскими новоселами, а его имѣніе приписать къ господарскимъ землямъ. Замѣна была дана въ другомъ повѣтѣ, такъ какъ въ Городенскомъ староствѣ совершенно не оказалось подходящей земли [1]).

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа взволновала и задѣла довольно сильно шляхетство. Не успокоилось оно и послѣ проведенія въ жизнь волочнаго измѣренія. Шляхтичи насильно захватывали земли подданныхъ, считая себя обезземеленными господарскими агентами, и правительство для разрѣшенія этихъ уже сильно надоѣвшихъ несогласій, посылало особыхъ комиссаровъ для производства судебнаго слѣдствія, разбора дѣла на мѣстѣ и опредѣленія спорныхъ границъ. Земянинъ Троцкаго повѣта Николай Кгурскій „своволне" и „безъ жаднаго права" забралъ господарскія земли, прилегавшія къ Сомилишскому дворцу, присоединилъ къ своимъ землямъ и дворъ на нихъ устроилъ. Посланы были комиссары. Разсмотрѣвъ дѣло, они отдали распоряженіе вернуть земли обратно къ господарскому двору, а возведенный домъ Кгурскій долженъ былъ совсѣмъ снести. Впослѣдствіи, передъ господаремъ онъ старался оправдать свой проступокъ тѣмъ, что ему эти земли были даны въ качествѣ отмѣны за земли, отошедшія подъ господарскіе грунты, и представилъ листъ ревизора, котораго комиссары не видѣли, и, не имѣя никакихъ основаній для оставленія у него земли, отобрали ее. Господарь принялъ во вниманіе заявленіе Кгурскаго и поручилъ Лаврину Войнѣ и ревизору двора Сомилишскаго произвести соотвѣтствующее разслѣдованіе. Но когда послѣдніе пріѣхали на мѣсто, то мѣстнаго державцы не оказалось, и они не могли выѣхать на спорныя

[1]) К. З., LXXIII, л. 529.

земли. Такъ какъ Кгурскій „поравненіе“ волокъ считалъ для себя „кривдой и шкодой“, то Сигизмундъ-Августъ „постерегаючи, абы никто на властности своей не шкодовалъ“, и чтобы Кгурскій „управу оныхъ комиссаровъ не поносилъ“, рѣшилъ послать новыхъ комиссаровъ, которые должны были сызнова пересмотрѣть дѣло. Если же оказалось бы, что земли забраны имъ „свовольне“, то необходимо привернуть ихъ къ господарскому двору. Если же выяснится, что ему эти земли даны въ качествѣ отмѣны, то надо немедленно дать ему „слушную“ отмѣну [1]). Если данный захватъ земли имѣлъ хотя бы нѣкоторое подобіе законности, то, съ другой стороны, часты были случаи, когда разслѣдованіе показывало полное отсутствіе у землевладѣльца правъ на тотъ или другой земельный участокъ. Тогда послѣдній отбирался на господаря.

Подкоморій земскій панъ Лавринъ Война получилъ въ отмѣну 20 волокъ въ Бѣловѣжской пущѣ, а потомъ „гвалтомъ“ захватилъ еще 20 волокъ. Для провѣрки правъ на землю были посланы комиссары, которые должны были незаконно захваченныя волоки „привернуть“ къ господарскимъ пущамъ. Документы, представленные опекунами дѣтей Лаврина Войны, дали возможность комиссарамъ „для успокоенія“ оставить 40 волокъ земли за женою и дѣтьми [2]).

Иногда на почвѣ захвата господарскихъ земель возникли серьезныя недоразумѣнія съ населеніемъ, которое, считая ту или другую землю своей, не могло помириться съ состоявшимся захватомъ и обращалось къ господарю съ просьбой о разслѣдованіи, для чего обыкновенно посылалась спеціальная комиссія. Земянинъ Янъ Курошъ забралъ себѣ не мало господарскихъ земель въ Борисовской волости, а между тѣмъ по утвержденію жителей Борисовской волости, они „спокойне з давныхъ часовъ отъ колико десять лѣтъ они спокойне держачи уживали, и тотъ кгрунтъ здавна належалъ и прислухалъ къ ихъ землямъ“. Были высланы комиссары, которые и рѣшили дѣло въ пользу подданныхъ Борисовской волости [3]).

Забрасываемый челобитіями со стороны шляхты, Сигизмундъ-Августъ, какъ и его ближайшіе преемники, въ общемъ отнеслись довольно внимательно къ нимъ, если только основывать свое впе-

---

[1]) К. Пуб. Д. X, л. 46.
[2]) К. З., LXVIII, л. 17.
[3]) К. Суд. Д. XLIV, л. 196.

чатлѣніе на документахъ литовской метрики. Впрочемъ, другого отношенія и не могло быть. Не говоря уже о томъ, что начавшійся процессъ шляхетизаціи литовско-русскаго государственнаго строя и сложные вопросы внѣшней политики, выдвинутые войной съ московскимъ государствомъ, заставляли правительство считаться съ желаніями и настроеніями шляхты, Сигизмундъ-Августъ не могъ, конечно, не знать того, что, при осуществленіи аграрныхъ мѣропріятій, было допущено не мало вольныхъ и невольныхъ злоупотребленій со стороны правительственныхъ агентовъ, злоупотребленій, которыя нужно было поскорѣе исправить для „успокоенія" шляхетскаго народа. Уже этимъ можно объяснить полное вниманія отношеніе Сигизмунда-Августа къ челобитіямъ шляхты, въ которыхъ затрагивается вопросъ объ отмѣнѣ. Среди послѣднихъ, конечно, первое мѣсто занимали челобитія, въ которыхъ указывалось на не полученіе отмѣны. Это—не только злоупотребленіе со стороны правительственнаго агента, это—нарушеніе правъ шляхетскаго народа, это—посягательство на права и привилегіи, фиксированныя въ Статутѣ 1529 г. Такого рода просьбы подлежали немедленному удовлетворенію, такъ какъ правительственные агенты дѣйствительно допустили злоупотребленія первостепенной важности. Но, признавая необходимымъ удовлетвореніе такихъ челобитій, правительство считало нужнымъ убѣдиться въ правильности поданнаго челобитія. Назначалось предварительно разслѣдованіе. Оно поручалось мѣстному державцѣ. Такъ Каменецкій державца Мартинъ Туръ долженъ былъ провѣрить „сколько" властности Сопѣги взято подъ волоки, и только послѣ соотвѣтствующаго донесенія Тура—Сопѣга могъ получить слѣдуемую ему отмѣну [1]). Если же правильность челобитія была для правительства внѣ сомнѣнія, то отвѣтомъ на поданное челобитіе было господарское распоряженіе о производствѣ отмѣны.

Въ отвѣтъ на просьбу пана Ивана Кортевича и его брата о неполученіи отмѣны Сигизмундъ далъ немедленное распоряженіе Берестейскому старостѣ „росказать за тые земли ихъ у волоки нашп помененные отмѣну такъ много и такъ доброе земли дати, где бы споручъ было [2]). Эта же обязанность возлагается на мѣстнаго державцу и господарскаго правительственнаго агента, находившагося въ данной мѣстности. Остафію Воловичу и земянамъ

[1]) К. З., XXXVIII, л. 39.
[2]) К. З., XIII, л. 24.

была дана отмѣна „державцей Трабскимъ паномъ Станиславомъ Миколаевичемъ Пацомъ и дворяниномъ паномъ Яномъ Стелецкимъ“. Они должны были дать имъ отмѣну „также добрыми землями и также много, яко въ нихъ взято и дать тамъ“, „где бы имъ было споручъ“. Для того, чтобы „ровная и слушная отмѣна“ была дѣйствительно „споручъ лежачая“, пану Пацу и Яну Стелецкому господарскимъ листомъ разрѣшалось широко пользоваться землями дворовъ Трабскаго, Кревскаго, Ошменскаго, которые также „близко прилегли“ къ ихъ имѣніямъ [1]).

Такъ поступало правительство Сигизмунда-Августа тогда, когда права челобитчика на отмѣну были внѣ сомнѣнія и не вызывали никакихъ возраженій со стороны правительственной власти. Если же права тѣхъ или другихъ лицъ на отмѣну не были доказаны, то порядокъ удовлетворенія шляхетскихъ челобитій былъ нѣсколько иной. Если отмѣна не давалась только потому, что шляхетство самого челобитчика находилось подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, то назначеніе отмѣны дѣлалось уже послѣ вывода шляхетства. Въ такомъ случаѣ дѣлалась справка по листамъ, дѣйствительно ли земли были отобраны; потомъ производился „выводъ“ шляхетства, и уже затѣмъ дѣлалось распоряженіе о возстановленіи нарушеннаго права. Такъ Сигизмундъ III только тогда разрѣшилъ группѣ жмудскихъ земянъ дать соотвѣтствующую отмѣну, когда они соотвѣтствующимъ образомъ доказали свое шляхетство [2]).

Что же касается тѣхъ просьбъ, съ которыми просители обращались къ господарю о новой данинѣ—отмѣнѣ, когда просители не имѣли „вѣчности“ на имѣніе, то большею частью такія просьбы удовлетворялись и Сигизмундомъ II, и его преемниками, но при этомъ въ новомъ листѣ сильнѣе подчеркивалось право господаря отобрать такія земли безъ всякой отмѣны, а новое пожалованіе квалифицировалось, какъ актъ господарской милости въ силу тѣхъ или другихъ основаній [3]).

Многочисленныя шляхетскія челобитія о дополнительной или новой отмѣнѣ заставляли правительство быть очень внимательнымъ къ такимъ просьбамъ и тщательно провѣрять каждое челобитіе, чтобы, съ одной стороны, поспѣшное рѣшеніе не при-

---

[1]) К. З., XXXVIII, 218, К. З. XXIX, л. 596.
[2]) К. З., LXXVI, л. 207.
[3]) К. З., XLI, л. 319.

несло сильнаго матеріальнаго ущерба господарскому скарбу, а, съ другой стороны, разслѣдованіемъ ходатайствъ шляхтича исправить вольные и невольные пробѣлы и даже злоупотребленія со стороны дѣятелей самой реформы. Если жалоба шляхтича на неполученіе отмѣны была совершенно справедлива, то обыкновенно возвращалась уже „размѣренная на волоки земля", [1]) а если выяснялось, что безъ данной шляхетской земли невозможно „поравненіе" господарскихъ земель, то эта отобранная земля оставалась въ составѣ господарскихъ земель, а ея собственнику давалась соотвѣтственная „слушная и ровная отмѣна" [2]). Конечно, предварительно до отвода отмѣны господарскимъ агентомъ вычисляется, какое количество земли отобрано подъ господарскія волоки. И только тогда давалась опредѣленая отмѣна [3]).

Само собой разумѣется, и просьбы о дополнительной или новой отмѣнѣ приходилось удовлетворять литовско-русскому господарю, когда выяснялась законность жалобы того или другого шляхтича. Такъ господарь призналъ, что земянину Виленскаго повѣта Матвѣю Филипповичу была дана „неровная" отмѣна, а потому дается распоряженіе дать ему въ отмѣну за его дворецъ, равное количество земли, и при этомъ непремѣнно на одномъ мѣстѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что Филипповичъ владѣетъ отчизной землей не одинъ, а совмѣстно съ шестью братьями. Имѣніе ихъ небольшое и другого „поживенія слушного" они имѣть не могутъ [4]). Впрочемъ, не всегда господарская резолюція была такъ категорична, какъ вышеназванная. Такъ господарь соглашался только въ томъ случаѣ дать земянину Алексѣю Новицкому съ его братьями „слушную и ровную отмѣну, споручъ къ двору ихъ прилеглую", если дѣйствительно окажется, что ему „по справедливости" дано мало, т.-е. другими словами окончательное рѣшеніе вопроса господарь передавалъ на разсмотрѣніе или мѣстнаго старосты-державцы или господарскаго ревизора [5]). Вообще, Сигизмундъ-Августъ удовлетворялъ всѣ челобитія о новой или до-

---

[1]) К. З., XXXVII л. 123.

[2]) К. З., XXXVII л. 364.

[3]) К. З., XXXVII л. 339.

[4]) К. З., XXXVII, л. 399. Въ отвѣтъ на челобитіе господарнаго слуги Юрія Миколаевича о томъ, что онъ считаетъ данную ему отмѣну „себѣ кривдою" Сигизмундъ послалъ ревизорамъ распоряженіе дать ему отмѣну на „иншомъ мѣстѣ" (К. З. XXXVIII, л. 182).

[5]) К. З. XXXVIII л. 182.

полнительной отмѣнѣ, если только они имѣли хоть какое-нибудь основаніе. Конечно, другого отношенія къ шляхетскимъ челобитіямъ быть не могло. Во-первыхъ, шляхта была крупной политической силой, съ которой литовско-русское правительство не могло не считаться, во вторыхъ, разрѣшеніями на дополнительную или новую отмѣну литовско-русское правительство стремилось исправить нѣкоторые недостатки проведенной аграрной реформы, и ихъ исправленіемъ успокоить взволнованную и раздраженную литовско-русскую шляхту.

Точно также обстояло дѣло и съ шляхетскими челобитіями о подтвержденіи отмѣны. Великій князь долженъ былъ удовлетворить всѣ шляхетскія челобитія или ходатайства отдѣльныхъ чиновъ администраціи. Къ тому же самъ господарь на сеймѣ 1564 г. обѣщалъ подтверждать отведенныя отмѣны. Слѣдовательно не было никакихъ основаній задерживать ихъ утвержденіе. Такъ поступали и Сигизмундъ-Августъ, и Стефанъ-Баторій, и Сигизмундъ III, разъ самая отмѣна не возбуждала сомнѣнія. Они выдавали господарскіе листы, укрѣплявшіе за ними господарскую отмѣну на „вѣчные часы“.

И къ другимъ шляхетскимъ челобитіямъ правительство Сигизмунда-Августа относилось не менѣе внимательно. Въ отвѣтъ на многочисленныя челобитія бояръ—шляхты, „абыхмо ихъ именей мерить не казали“, правительство давало отвѣтъ на него въ особомъ листѣ ревизору той или иной волости, въ которомъ подчеркивалось желаніе правительства оставить мѣстную шляхту на правахъ военно-служилаго класса. Этимъ самымъ у бояръ—шляхты отпадала боязнь превратиться въ разрядъ путныхъ людей. Что же касается ходатайства „не мерить земель“, то ревизору отдавалось распоряженіе, чтобы онъ „достаточъне и справедъливе выведавши—...которые зъ нихъ служъбу земъскую шляхетъскую служивали и именей своихъ подъ шляхетъской волностью уживали“, таковыя земли измѣрилъ „гонеными волоками“, гдѣ послѣднее возможно осуществить. Если же гдѣ-нибудь „гоненые волоки“ не могутъ быть измѣрены, то все-таки оставшаяся земля должна быть записана въ особомъ реестрѣ. Измѣренное и записанное въ реестрѣ имѣніе, однако, только въ томъ случаѣ можетъ быть присоединено къ господарскимъ землямъ, если „поравненіе“ господарскихъ земель не возможно безъ присоединенія ихъ земель. Однако, за тѣ земли, которыя отойдутъ „ку выполненю“ господарскихъ волокъ, необходимо дать „слушную“

отмѣну [1]). Если шляхетское челобитіе содержало въ себѣ жалобу на неправильныя дѣйствія провинціальной администраціи, то литовско-русское правительство тщательно провѣряло жалобы и за тѣмъ давало соотвѣтствующій отвѣтъ. Такъ, когда выяснилось, что староста Мозырскій панъ Альбрехтъ Гаштольдъ не имѣлъ никакихъ основаній на владѣніе „данниками", приписанными къ имѣнію „Саковъщина", то эти данники были возвращены земянамъ Скиндерямъ „яко властность и дедизна ихъ". Такъ какъ Скиндери жаловались на то, что у нихъ отобрали много земель, а отмѣны имъ не дали, то „господарскимъ выромъ" имъ была дана соотвѣтствующая отмѣна [2]). Этотъ юридическій случай былъ тѣмъ любопытенъ, что лицомъ, завладѣвшимъ шляхетской маетностью, являлся весьма видный и крупный магнатъ, которому все-таки пришлось отказаться отъ захваченной земли.

Что же касается шляхетскихъ челобитій о земельныхъ пожалованіяхъ „ради разоренія" „на хлѣбокормленіе" то, конечно, всѣ они удовлетворялись литовско-русскимъ господаремъ. Дѣйствительно, иначе не могъ поступить Сигизмундъ-Августъ, разъ въ литовско-русскомъ государствѣ земля являлась по-прежнему главнымъ источникомъ содержанія военно-служилаго класса. Но эта раздача господарскихъ земель, измѣренныхъ на волоки или положенныхъ на „платы", имѣла большое значеніе для господарскаго скарба. Изъ его вѣденія ушло не малое количество „волокъ и службъ",— а это уже, въ значительной степени, подрывало и самую аграрную реформу, которая все-таки, въ конечномъ счетѣ, преслѣдовала увеличеніе „господарскихъ платовъ и повинностей".

Земли, разданныя господаремъ литовско-русской шляхтѣ, пострадавшей прямо или косвенно отъ непріятельскаго нашествія, жаловались на разныхъ условіяхъ и на основаніи различныхъ мотивовъ. Такъ господарская земля раздавалась челобитчикамъ „ради послугъ учъстивыхъ и потребныхъ з залещанія а посветчанья пана гетъманова и нашое ведомости" „для служба цнотливыхъ" [3]). Но едва ли не главнымъ основаніемъ было ходатайство и свидѣтельство пана гетмана наивысшаго, дававшаго правительству вполнѣ достаточныя свѣдѣнія о служебной годности того или другого челобитчика. Такія земли давались обыкновенно „на пра-

---

1) К. З., XLII, л. 45, 49, 50 и 51.

2) К. З., XLII, л. 133.

3) К. З., XXXVIII, л. 544, 511, 333.

вахъ данины“ съ соотвѣтствующимъ обязательствомъ нести военную службу. Раздавая такія данины, правительство большею частью не указывало срока, на который давалась жалованная данина, такъ что, по всей вѣроятности, такія данины были пожизненными. Но иногда, въ господарскихъ листахъ точно обозначалось время, на которое давалось „хлѣбокормленіе“. Такъ послѣдніе давались до „очищенія имѣнія изъ руки непрятельскія“. Волоки раздавались какъ пустыя, такъ и населенныя. Впрочемъ, послѣднія несомнѣнно доминируютъ. Раздавались „хлѣбокормленія“ и на вѣчность [1]).

Нѣсколько затруднительнѣе было положеніе правительства при разборѣ тѣхъ челобитій, въ которыхъ просители, ходатайствуя о пожалованіи, однако, ни чѣмъ не обосновывали своего ходатайства, за исключеніемъ только обычной ссылки на „господарскую ласку“. Правда, въ такихъ случаяхъ челобитчики заручались содѣйствіемъ кого-нибудь изъ видныхъ административныхъ лицъ, и, кажется, такое содѣйствіе-ходатайство имѣло для господаря рѣшающее значеніе въ смыслѣ удовлетворенія просьбы челобитчика. По крайней мѣрѣ, правительство, выдавая листъ на вводъ во владѣніе, обыкновенно объясняло выдачу такого листа „причиной и жеданіемъ пана воеводы виленскаго“, пана гетмана [2]). Въ отвѣтъ на такія ходатайства давались пожалованія „ради службъ верныхъ и пильныхъ“ челобитчика [3]). Точно также обыкновенно господаремъ укрѣплялись пожалованія, произведенныя старостами и воеводами. Такія земли давались „до воли и ласки господарское“. Держатели ихъ освобождались отъ всякихъ службъ и повинностей по отношенію къ господарскому двору [4]).

Не менѣе затруднительно было положеніе правительства при разсмотрѣніи челобитій о превращеніи данинъ въ „вѣчность“. Въ общемъ, и въ данномъ случаѣ челобитчики не получали отказа. Господарь по разнымъ соображеніямъ счелъ возможнымъ ихъ удовлетворить. Дѣлалось это „з ласки господарское на причину пана старосты Жомоитскаго и на челобитіе“... [5]), „з ласки нашое господарское и для его намъ службы“ „маючи ласкавый взглядъ на службы его... которыми онъ намъ господару пану

---

[1]) К. З., XLVIII, л. 267.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 616.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 449.
[4]) К. З., XXXIX, л. 636.
[5]) К. З., XXXIX, л. 626, К. З., XXXVIII, л. 494.

своему прирожоному обецне на дворе нашому будучи, пильне и верне ласку нашу заслущуеть и напередъ его ку службамъ нашимъ охотънейшаго делаючи“ [1]).

При разсмотрѣніи шляхетскаго челобитія о присоединеніи господарскихъ волокъ „споручъ прилеглыхъ“ къ частновладѣльческимъ землямъ, литовско-русское правительство, по всей вѣроятности, только тогда давало положительный отвѣтъ, когда убѣждалось, что отъ таковой сдѣлки не будетъ „никакой шкоды“ господарскимъ землямъ. Такъ ревизору „дворовъ понѣманскихъ“ пану Григорію Дельницкому было разрѣшено удовлетворить просьбу державцы Олитскаго пана Станислава Райскаго о предоставленіи ему двухъ застѣнковъ, когда выяснилось, на основаніи донесенія того же ревизора, что отъ такой сдѣлки господарскимъ землямъ не будетъ никакой шкоды. [2]) Конечно, если присоединяемая земля была „заселенная“, то и населеніе данныхъ застѣнковъ или волокъ перемѣняло владѣльца. Господарь передавалъ въ руки частнаго владѣльца „службы и подданныхъ“ „со всимъ тымъ яко на насъ господаря держано было“ [3]).

Если же челобитчикъ въ своихъ хлопотахъ объ округленіи своего имѣнія предлагалъ господарю часть своего имѣнія взамѣнъ господарскаго, то, въ данномъ случаѣ, господарское хозяйство, не терпѣло никакихъ убытковъ, и правительству оставалось до совершенія мѣновой сдѣлки убѣдиться въ томъ, что предлагаемыя шляхтичемъ земли „широкостями кгрунтовъ и иными пожитками онымъ селамъ суть ровны“ [4]).

Точно также не бывало отказа въ просьбахъ о подтвержденіи раздачи волокъ на чиншѣ. Разъ волоки оставались неразобранными, то принятіе волокъ шляхтичемъ подъ условіемъ уплаты чинша, конечно, соотвѣтствовало вполнѣ хозяйственнымъ планамъ правительства. Но дѣло въ томъ, что тѣ же шляхтичи торопились освободиться отъ стѣснительнаго чинша и хлопотали объ его сложеніи. Сохранившіеся господарскіе листы, указываютъ, что и въ данномъ случаѣ челобитчикъ не получалъ отказа. Волоки, принятыя на чиншъ, становились „данинами“. Впрочемъ, такъ бывало не всегда. Иногда челобитчикъ просилъ о полномъ освобожденіи отъ всякихъ платовъ и повинностей, а ему два-

[1]) К. З., XLI, л. 103.
[2]) К. З., XXXVIII л. 301.
[3]) К. З., XXXVII, л. 105.
[4]) К. З., XLI, л. 316.

лась только льгота—освобожденіе отъ платежа нхъ только на точно опредѣленное время“ [1]). Держатель данины былъ обязанъ нести военную службу, а размѣры послѣдней всегда опредѣлялись въ господарскомъ листѣ. Земянинъ Матей Войтеховскій, добившійся превращенія 10 чиншевыхъ волокъ въ данину „до воли и ласки господарской“ былъ обязанъ ставить съ нихъ „двухъ пахолоковъ конно и збройно“ [2]). Но такая господарская „данина“ могла стать и наслѣдственной, фактически превратившись въ потомственное владѣніе, если только въ господарскомъ листѣ право пользованія такой даниной передается „женѣ, дѣтямъ и потомкамъ“ челобитчика. Дворянинъ Григорій Ивановичъ, освободившійся отъ платежа денегъ за находившіеся въ его пользованіи 50 морговъ, съ которыхъ поступалъ въ господарскій скарбъ „платъ вельми малый“, получилъ данину на правахъ потомственнаго пользованія [3]). Наконецъ, что касается шляхетскихъ челобитій о присоединеніи къ частно-владѣльческимъ землямъ господарскихъ волокъ, не приносившихъ господарскому скарбу никакихъ доходовъ, то какъ только правительство тѣмъ или другимъ способомъ убѣждалось въ этомъ, сейчасъ же давалось соотвѣтствующее разрѣшеніе; точно также удовлетворялись шляхетскія просьбы объ освобожденіи отъ мѣстскихъ повинностей и суда по магдебургскому праву, и отъ платежа чинша за пользованіе мѣстскими волоками, и объ отдачѣ просителя изъ подъ замковаго присуда подъ присудъ магдебургскаго права. Такого рода челобитія свободно могли быть удовлетворены правительствомъ, такъ какъ они существеннымъ образомъ не затрогивали интересовъ господарскаго скарба [4]). И къ шляхетскимъ челобитьямъ о корчмахъ, мѣстечкахъ, еженедѣльныхъ торгахъ, ярмаркахъ литовско-русское правительство относилось весьма благожелательно, такъ какъ само было заинтересовано въ оживленіи торговыхъ путей и торговыхъ сношеній. Но выдача соотвѣтствующаго разрѣшенія на удовлетвореніе той или другой просьбы челобитчика могла сопрождаться нанесеніемъ весьма существеннаго убытка господарскимъ интересамъ. Поэтому, вполнѣ понятно, что такія просьбы сопровождались разслѣдованіемъ со стороны правительства, не будетъ ли

[1]) К. З., XXXIX, л. 455.
[2]) К. З., XLI, л. 270.
[3]) К. З., XLVIII, л. 226.
[4]) К. З., XXXVII, л. 114, К. З., XXXIX, л. 252, К. З. XLI, л. 341, К. З., LXXVI, л. 169, 171, LXXIV, л. 244.

выдача того или другого разрѣшенія въ отвѣтъ на ходатайство частнаго лица убыточна для господарскаго хозяйства. И только, по предварительномъ разслѣдованіи, удовлетворялась часть владѣльческихъ просьбъ. Выдавая разрѣшеніе, правительство объясняло мотивъ даннаго разрѣшенія. Собственно во всѣхъ господарскихъ листахъ—одинъ и тотъ же мотивъ. Удовлетвореніе просьбы того или другого челобитчика не можетъ быть убыточно для господарскаго хозяйства. Такъ какъ имѣнія челобитчиковъ лежатъ „поодаль мѣстъ нашихъ господарскихъ". Поэтому, если челобитчикъ на своемъ „властномъ кгрунтѣ" устроитъ корчму, то „тая корчма его безъ шкоды корчмамъ нашимъ будетъ", или „тая корчма его на жадной переказе не будетъ [1]).

И разрѣшенія на устройство мѣстечка, открытія ярмарки или еженедѣльнаго торга сопровождались также указаніемъ, что данное правительственное разрѣшеніе не повлечетъ никакихъ убытковъ для государственнаго хозяйства, такъ какъ указанное челобитчикомъ мѣсто лежитъ „далеко отъ местечкомъ торгу нашимъ", а потому и не можетъ нанести имъ никакого убытка [2]). Господарскія разрѣшенія, выдаваемыя на устройство стодолъ и корчемъ „на гостинъцу" были далеко не всѣ одинаковыми по своему объему. Прежде всего, разрѣшенія на устройство корчмы и права въ ней продавать „вольно медъ, пиво, горелку и иные стравные речи" выдавались подъ условіемъ платежа въ господарскій скарбъ соотвѣтствующей капщизны и другихъ податей, поступавшихъ въ господарскій скарбъ [3]).

Другіе господарскіе листы уступали въ пользу челобитчиковъ капщизну и иные господарскіе доходы, такъ что челобитчикъ не платилъ никакого „жадного плату намъ господару, воеводамъ, старостамъ и врадникамъ нашимъ" [4]). Накопецъ, встрѣчается не мало челобитій, въ которыхъ на челобитчиковъ, освобожденныхъ отъ платежа „господарскихъ платовъ" возлагается своего рода полицейскія обязанности. Устроители корчмы должны были озаботиться и принять всѣ мѣры къ тому, „ижъ бы з оные корчмы ихъ злодействъ не множилися" или чтобы „никакого злодейства въ тое корчмахъ не делали" [5]). Разрѣшеніе на устрой-

1) К. З., XLIII, л. 15, 16, 25, 34.
2) К. З., XXXVIII л. 84, 178 etc.
3) К. З., XXXVIII, л. 55, 56.
4) К. З., XXXVIII, л. 71, 76, 89, 173, 283, 300 etc.
5) К. З., XLIII, л. 15, 37, 71.

ство корчмы и стодолъ выдавалось обыкновенно на имя просителя, его жены, дѣтей и потомковъ ихъ, и такимъ образомъ пріобрѣтало характеръ потомственной привилегіи [1]). Впрочемъ, не всѣ господарскіе листы имѣли потомственное значеніе. Среди нихъ встрѣчалось не мало такихъ, гдѣ выдача разрѣшенія производилась только на имя самого челобитчика безъ передачи этой привилегіи наслѣдникамъ челобитчика [2]).

Выдача разрѣшенія на устройство „мѣстечка" на заранѣе опредѣленномъ просителемъ мѣстѣ сопровождалась господарскимъ распоряженіемъ „засаживати местечко людьми вольными и похожими, а не отчичами и невольниками нашими, а не князьскими, панскими, земянскими добровольно садити". Затѣмъ челобитчикъ получалъ право имѣть торгъ одинъ разъ въ недѣлю [3]).

Разрѣшая осаживать мѣстечко и имѣть въ немъ еженедѣльный торгъ и ярмарку разъ или два въ году, господарскій листъ передавалъ въ руки владѣльца мѣстечка и судебную юрисдикцію „въ дни торговые и ярморочные" „яко и иншие панове въ панстве нашомъ отчизномъ". Конечно, и судебныя пошлины переходили въ руки владѣльца мѣстечка. Но „судъ" по такъ называемымъ „старостинскимъ артикуламъ" оставался во время торговъ и ярмарокъ въ рукахъ провинціальной администраціи [4]). Также внимательно и благосклонно относился литовско-русскій господарь къ шляхетскимъ просьбамъ о разрѣшеніи устроить „мостъ" черезъ ту или другую рѣку. Господарь не отказывалъ шляхтѣ въ такихъ просьбахъ. Съ постройкой моста владѣлецъ его получалъ право собирать въ свою пользу пошлины за переѣздъ черезъ новопостроенный мостъ. Уплата пошлины разсматривалась господаремъ „какъ накладъ", вознагражденіе за расходы по постройкѣ моста. Обыкновенно, въ господарскомъ листѣ отмѣчались и размѣры самого мостового. Большею частью, эта пошлина равнялась—двумъ пенязямъ съ воза, запряженнаго двумя конями и одному пенязю отъ воза „одънымъ конемъ". Платежу такой пошлинѣ „на вѣчныя времена" подвергались „за працу и накладъ" всѣ тѣ, „кто тыми дорогами" будетъ ѣхать, и,

---

1) К. З., XXXVIII, л. 635, XLIII, л. 15.
2) К. З., XXXVIII, л. 218 и passim.
3) К. З., XXXVIII, л. 84, 203.
4) К. З., XXXVIII, л. 203, 342.

слѣдовательно, будетъ проѣзжать черезъ ново-выстроенный мостъ [1]).

Таково было отношеніе литовско-русскаго правительства къ шляхетскимъ челобитіямъ.

Все вышеизложенное можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа была встрѣчена литовско-русской шляхтой въ высшей степени враждебно, такъ какъ она задѣвала ея матеріальные интересы. Свое недовольство шляхта выражала въ челобитіяхъ, подаваемыхъ Сигизмунду-Августу на великихъ вальныхъ сеймахъ 1554—1569 г. Въ своихъ просьбахъ шляхта просила о непредъявленіи листовъ на землю, жаловалась на недобросовѣстныя дѣйствія господарской администраціи, жаловалась на нарушеніе мѣстныхъ правъ и вольностей, просила о томъ, чтобы отмѣна непремѣнно давалась, ходатайствовала о томъ, чтобы въ Жмуди-староста давалъ отмѣну, если господарскіе ревизоры уѣдутъ, не давъ отмѣны. Кромѣ того, шляхта просила, чтобы отмѣна не давалась тогда, когда она занята военною службой, ходатайствовала объ ускореніи процедуры отвода отмѣны. Сигизмундъ II-Августъ отнесся къ шляхетскимъ челобитіямъ отрицательно. Основныя просьбы шляхетства остались неудовлетворенными. Правительство считало, что шляхта не имѣла никакого основанія вмѣшиваться въ его аграрныя распоряженія. Уступки, сдѣланныя шляхтѣ правительствомъ, были ничтожными по своему характеру и нисколько не измѣнили основныхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ осуществлялись аграрныя мѣропріятія правительства. Опредѣленный курсъ политики правительства заставилъ шляхту дать иной характеръ своимъ просьбамъ. Въ основѣ шляхетскихъ правъ на землю лежали шляхетскіе привилеи, начиная съ 1447 года. Законность шляхетскаго землевладѣнія достигалась при наличности тѣхъ или другихъ письменныхъ документовъ. Захватное землевладѣніе было довольно распространеннымъ явленіемъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Косвеннымъ показателемъ этого можетъ служить Волынская ревизія 1547 г. и „Ревизія пущъ и переходовъ“, произведенная Воловичемъ. Осуществленіе аграрной реформы сопровождалось провѣркой правъ на шляхетство. Многіе поэтому лишились шляхетства. Лишившіеся шляхетства добивались

[1]) К. З., XLIII, л. 17.

„вывода“ шляхетства. Это достигалось на основании дѣйствующихъ узаконеній 1522 и 1529 г. Кромѣ того, практика „вывода“ значительно расширила содержаніе вышеназванныхъ узаконеній. Возстановленные въ своихъ шляхетскихъ правахъ немедленно возстановлялись и въ своихъ земельныхъ правахъ. Условія производства отмѣны были довольно неопредѣленнаго и даже противорѣчиваго характера. Шляхтичъ не могъ отказываться отъ предложенной отмѣны, но ему предоставлялось право ходатайствовать передъ господаремъ о возстановленіи нарушеннаго права. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа была проведена довольно односторонне, исключительно имѣя въ виду только одни интересы господарскаго скарба. „Поравненіе кгрунтовъ“ было очень разорительно для землевладѣльцевъ, такъ какъ подъ волоки обыкновенно отбирались земли „лучшаго качества“ въ сравненіи съ тѣмъ, какой была почва отмѣны. Отмѣну получали только тѣ изъ землевладѣльцевъ, права которыхъ были неоспоримы. Не получившіе отмѣны по тѣмъ или другимъ соображеніямъ должны были ходатайствовать передъ господаремъ о ея назначеніи. Въ эпоху аграрной реформы литовско-русское правительство забрасывалось шляхетскими челобитіями. Шляхта просила о надѣленіи отмѣной, о новой или дополнительной отмѣнѣ, о подтвержденіи уже данной отмѣны. Въ ту же эпоху шляхта обращалась къ господарю съ многочисленными ходатайствами о земельныхъ пожалованіяхъ. Мотивы ходатайствъ были чрезмѣрно разнообразны. Озабоченная округленіемъ своихъ земель и улучшеніемъ своего хозяйства шляхта хлопотала о пожалованіи земель—пустыхъ „спoручъ прилеглыхъ“, на чиншѣ, такъ какъ не всѣ волоки были разобраны господарскими подданными. Взявъ волоки подъ условіемъ уплаты чинша, шляхтичи по разнымъ соображеніямъ хлопотали объ освобожденіи ихъ отъ платежа чинша. Разбирая мѣстскія волоки шляхта становилась подсудной Магдебурскому суду и обязывалась платить мѣщанскія подати и нести соотвѣтствующія повинности. Поэтому, она хлопотала объ освобожденіи отъ послѣднихъ. Однако нѣкоторые ходатайствуютъ о присудѣ по магдебургскому праву; впрочемъ, большинство шляхтичей, ставшихъ „мѣщанами“, владѣльцами недвижимыхъ имуществъ, просили объ освобожденіи отъ городского суда и мѣщанскихъ повинностей, съ отдачей ихъ подъ присудъ шляхетскій. Учитывая торговое оживленіе въ странѣ, шляхта подаетъ Сигизмунду-Августу челобитіе о разрѣшеніи устраивать въ имѣніи „на властномъ кгрунте“

„корчмы и стодолы“, осаживать мѣстечки, открывать въ мѣстахъ и мѣстечкахъ еженедѣльные торги и ярмарки. Различныя хозяйственныя условія иногда заставляли правительство, уже послѣ волочнаго измѣренія, производить мѣну имѣніями: господарскихъ на частновладѣльческія и наоборотъ. Осуществленіе аграрной реформы создавало для частныхъ владѣльцевъ не мало недоразумѣній съ населеніемъ господарскихъ земель и волостей, на почвѣ чего возникали судебные процессы. Отношеніе господаря ко всѣмъ шляхетскимъ челобитіямъ было самое благожелательное. Господарь, по возможности, старался удовлетворить всѣ шляхетскія просьбы и тѣмъ успокоить шляхту, взволнованную и раздраженную аграрной политикой Сигизмунда-Августа.

II.

Аграрная реформа и волостное населенiе.

Боярская отмѣна. Землевладѣльческiя права бояръ. Просьбы бояръ объ отмѣнѣ, о сложенiи чинша, о надѣленiи землей, о подтвержденiи земельнаго владѣнiя, объ оставленiи въ боярскомъ званiи. Недоразумѣнiя бояръ съ сосѣдями. Господарь и боярскiя ходатайства. Ходатайства подданныхъ, несшихъ спецiальныя службы и отправлявшихъ спецiальныя повинности. Отношенiе господаря къ челобитiямъ привилегированнаго крестьянства. Ходатайства тяглыхъ и осадныхъ подданныхъ и отвѣты на нихъ господаря. Итоги.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа должна была существеннымъ образомъ задѣть интересы бояръ, земли которыхъ измѣрялись на волоки, и которымъ также давалась отмѣна, какъ и привилегированнымъ духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ.

Среди бояръ, весьма близко примыкавшихъ къ шляхтѣ, такъ что разница между ними почти не была замѣтна, былъ особый разрядъ, владѣвшiй землями и могущiй подкрѣпить свое право на землю соотвѣтствующими документами. Это, конечно, не были полные собственники своихъ земель. Это были большею частью наслѣдственные держатели земель, обязанные наравнѣ „съ иншей шляхтой“ нести военную повинность. Въ такомъ случаѣ, владѣлъ ли бояринъ землей потомственно или пожизненно на основанiи такъ называемаго „леннаго права“, „по уставѣ“ при производствѣ аграрной реформы ему должна была отводиться полагавшаяся отмѣна. Впрочемъ, послѣдняя не всегда давалась. Господарскiе агенты и въ данномъ случаѣ оказывались довольно забывчивыми, и самимъ боярамъ приходилось возстанавливать нарушенное право. Но это было своего рода злоупотребленiемъ властью, нарушенiемъ принятаго закона.

Важно принципiальное мнѣнiе правительства о необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ давать отмѣну боярамъ. Пози-

ція же, занятая правительствомъ въ данномъ вопросѣ, настолько опредѣлена, что не вызываетъ никакихъ возраженій. Въ этомъ можно убѣдиться на основаніи слѣдующихъ господарскихъ распоряженій. Когда правительство выяснило себѣ, что Мстиславскій бояринъ Михаилъ Константиновичъ Викгура владѣлъ землею „леннымъ правомъ" въ Кричевскомъ повѣтѣ и имѣлъ на него листъ—данину, и что, „при поравненіи кгрунтовъ въ волостяхъ русскихъ", у него была отнята ранѣе пожалованная земля и привернута къ Кричевскому замку „для того ижъ онъ на тую землю вечности на листе нашомъ не мелъ"; то ему была возвращена прежняя земля „со всими пожитками" на условіи нести военную службу наравнѣ съ прочей мстиславской шляхтой. Правда, здѣсь не была дана отмѣна въ прямомъ смыслѣ этого слова [1]). Тутъ шла рѣчь о возвращеніи боярину приписаннаго участка къ господарскому замку. Но въ самомъ актѣ возвращенія земли прежнему владѣльцу содержится принципіальное признаніе необходимости давать въ такихъ случаяхъ отмѣну. Что отмѣны давались боярамъ, и что полученіе ея было ихъ неотъемлемымъ правомъ—это призналъ и самъ Сигизмундъ-Августъ въ слѣдующемъ господарскомъ листѣ. Онъ констатируетъ, что бояринъ Городенскаго повѣта Каменскій владѣлъ отцовскими землями, полученными имъ за службу при князѣ бискупѣ Виленскомъ-Радивиллѣ. Эти земли были отобраны „въ померю и на пашню оберено", за что онъ получилъ отмѣну „волокъ, або трое больше". Если же въ данное время онъ ею не владѣлъ, то только потому, что до сихъ поръ не получилъ господарскаго листа. Особымъ листомъ на имя справцы старосты Городенскаго господарь подтверждаетъ право Каменскаго на шесть волокъ съ освобожденіемъ его отъ всякихъ повинностей, за исключеніемъ, конечно, только военной службы [2]). И такъ правительство признаетъ, что за отчизныя земли необходимо давать отмѣну. Во всякомъ случаѣ, бояре могли получить отмѣну только въ томъ случаѣ, если они могли господарскимъ агентамъ представить великокняжескіе привилеи на право владѣнія землей. Если этого не было, то такая земля отбиралась, какъ незаконно захваченная, и приписывалась къ господарскимъ землямъ. Когда бояринъ Мстиславскій Яковъ Өедоровичъ Левтокъ съ сыномъ не представилъ

---

[1]) К. З., XXXVIII, л. 418.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 389.

документовъ на право владѣнія землей, то земля ихъ была привернута къ Мстиславскому замку [1]). Это — общій порядокъ. Но иногда, и при отсутствіи документовъ, бояре получали отмѣну, если могли объяснить отсутствіе у нихъ документовъ и могли показаніями свидѣтелей доказать свое право владѣнія. Могилевскіе бояре—Гаврило Кононовичъ и Иванъ Ѳедоровичъ получили отмѣну за свои земли, приписанныя къ Могилевскому замку, хотя не имѣли домументовъ, которые, по ихъ словамъ, забралъ у нихъ непріятель, но за то могли сослаться на показанія сосѣдей бояръ [2]).

Если въ сознаніи правительства окрѣпло убѣжденіе, что и бояре въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаютъ отмѣну, то сами бояре неполученіе отмѣны считаютъ рѣзкимъ нарушеніемъ ихъ правъ и требуютъ отъ правительства немедленнаго ихъ возстановленія, такъ какъ ихъ земли, какъ родовыя, не подлежатъ измѣренію на волоки. У боярина Троцкаго повѣта Зеника Грынковича было отобрано подъ господарскія волоки его имѣніе и раздано подданнымъ. Проситель считаетъ это совершенно незаконнымъ распоряженіемъ, такъ какъ его предки владѣли этой землей и несли военную службу еще со временъ Витовта. Поэтому онъ хлопочетъ о возвращеніи незаконно отнятой у него земли [3]).

При производствѣ аграрной реформы Сигизмунда-Августа,—господарскіе агенты провѣряли права на землю тѣхъ или другихъ бояръ. Если фактическое владѣніе землей не соотвѣтствовало тому, что было записано въ господарской данинѣ, то какъ бы ни минимальна была разница—таковой участокъ отбирался у боярина и приписывался къ господарскому замку: боярское владѣніе считалось незаконнымъ. Когда при производствѣ аграрной реформы въ Кричевской волости—ревизоры замѣтили, что бояринъ Протасъ Константиновичъ Ярцовъ владѣетъ нѣсколькими дымами, тогда какъ согласно данинѣ онъ можетъ владѣть только „пустовщиной“, то ревизоры, замѣтивъ противорѣчіе между фактическимъ владѣніемъ и пожалованіемъ, отобрали у боярина землю и присоединили её къ Кричевскому замку. Такія мѣро-

[1]) К. З., XLI, л. 156.
[2]) К. З., XLI, л. 126.
[3]) К. З., XXXVII, л. 214. Жмудскіе бояре Амброжей и Миколай Станиславовичи, Щепанъ и Матей Пацевичи также жалуются на ревизоровъ, отнявшихъ у нихъ ихъ отчизныя земли, которыя они просятъ либо имъ вернуть, либо дать отмѣну (А. В. К. XXIV. № 163).

пріятія—господарскихъ агентовъ—явленіе обыкновенное въ эпоху волочного измѣренія [1]).

Отмѣна принципіально давалась боярамъ лишь въ случаѣ представленія документовъ на право владѣнія землей. Такъ группа бояръ Ясвонской волости не представила ревизору Кунцевичу „жадныхъ твердостей на отчизны свои", ограничившись лишь указаніемъ, что они „съ давнихъ часовъ с предковъ своихъ шляхтою быти менили". Но съ такимъ доказательствомъ права на землю ревизоръ не согласился, и всѣ ихъ земли были „достаточно выморгованы" [2]). Точно также и помѣрчій Скирстомонскаго двора Войтехъ Недаринскій не далъ никакой отмѣны боярину Бартоломею Станевичу, такъ какъ послѣдній „не указывалъ жадныхъ листовъ на именіе его королевской милости менечися здавна власнымъ отчичемъ тыхъ земель" [3]). И ревизоръ такъ Войтехъ Тальвинскій имѣлъ полное основаніе не дать отмѣны двумъ боярамъ Грустевской волости, считавшими себя „стародавнеми боярами", но, однако, не представившими никакихъ твердостей на земли [4]). Разумѣется, въ такихъ случаяхъ такимъ образомъ поступали всѣ господарскіе ревизоры, и дѣйствія ихъ слѣдуетъ признать совершенно законными.

Но принципіальное признаніе недопустимости отмѣны въ опредѣленныхъ случаяхъ на практикѣ въ значительной степени смягчалось. Ревизоры иногда давали отмѣну, но только съ оговоркой „до ласки и воли господарской". Тотъ же Тальвинскій, отобравъ земли около 3 волокъ, далъ боярамъ въ отмѣну 4 волоки „подлѣйшимъ групромъ" „съ правомъ держать и уживать до воли и ласки господарской". Правда, это было сдѣлано „съ ведомости подстаросты Жмудскаго пана Абрама Гавриловича Внучка" [5]). Аналогичными были распоряженія и другихъ дѣятелей реформы. Панъ Войтехъ Надаринскій, убѣдившись въ невозможности дать боярину Станкевичу по формальнымъ соображеніямъ „слушную отмѣну", однако далъ ему листъ ревизорскій „до воли и ласки господарской", въ которомъ была помѣчена возможная въ будущемъ отмѣна [6]). Ревизоръ не зналъ, какъ поступить въ дан-

[1]) К. З. XXXVII, л. 430.
[2]) А. В. К. XXIV, № 82.
[3]) А. В. К. XXIV, № 89.
[4]) А. В. К. XXIV, № 108.
[5]) А. В. К. XXIV, № 108.
[6]) А. В. К. XXIV, № 89.

номъ случаѣ, такъ какъ не успѣлъ увидѣться „с правцой дворовъ господарскихъ“, паномъ Рудницкимъ, и поступилъ такъ на свой собственный страхъ и рискъ. И помѣрчій Валентъ Залѣсскій далъ боярину Козаковичу отмѣну „до воли и власти его королевской милости и до расправы справъ всякихъ“ [1]). Ревизоры, дававшіе боярамъ условную отмѣну, имѣли полное основаніе такъ поступить. Не могли же они оставить безъ земли цѣлыя группы бояръ, владѣвшихъ раньше землей и имѣвшихъ свое собственное хозяйство, но за то они и были вправѣ не дать отмѣны, предоставивъ боярину право подачей челобитья хлопотать объ отводѣ ему „слушной и ровной отмѣны“.

Однако, въ практикѣ аграрной реформы возможны были случаи неполученія боярами отмѣна несмотря на то, что ихъ права на землю не вызывали никакихъ сомнѣній со стороны ревизора. Такъ Иванъ Андреевичъ Ильковскій ни въ чемъ не заподозрилъ правъ бояръ Корклевской волости, однако „слушной отмѣны“ имъ не далъ, выдавъ имъ свой „квитъ“ для ея полученія [2]).

Отмѣна не давалась боярамъ и въ томъ случаѣ, если самое боярство подданныхъ вызывало со стороны ревизора нѣкоторыя сомнѣнія. Ревизоръ Градовскій отобралъ земли у бояръ Станиславовичей и Пацевичей „менуючи ихъ быти не шляхтою“ и роздалъ ихъ крестьянамъ, а самихъ бояръ посадилъ на волоки [3]).

Тотъ же ревизоръ отобралъ земли у боярина Станислава Юзайтиса и посадилъ его на волоки, хотя, по словамъ потерпѣвшаго боярина, онъ издавна „конемъ служилъ“ [4]).

Отмѣна боярамъ давалась ревизоромъ, который немедленно выдавалъ соотвѣтствующій листъ за своею подписью и печатью. Кажется, такой ревизорскій листъ не нуждался въ господарскомъ подтвержденіи.

Характеръ боярскихъ отмѣнъ зависѣлъ отъ наличныхъ хозяйственныхъ условій и обстоятельствъ. Такъ иногда количество земли, данной боярину въ видѣ отмѣны, и по размѣрамъ, и по качеству почвы вполнѣ равнялось отобранному грунту.

---

1) А. В. К. XXIV, № 96, 128.
2) А. В. К., XXIV, № 110.
3) А. В. К., XXIV, № 163.
4) А. В. К., XXIV, л. 183.

Боярамъ Ойракгольской волости было дано въ видѣ отмѣны 4 в. 29 м. 25 пр. — столько же, сколько у нихъ было отобрано на господаря [1]). Иногда, отведенная отмѣна по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ оказывалась худшей по качеству. Въ этомъ случаѣ происходило обычное „уравненіе кгрунтовъ“. У бояръ Вилкійскихъ было отобрано на господаря 5 волокъ „добраго грунту“, а въ отмѣну они получили 8 лѣсныхъ волокъ [2]). Грустевскіе бояре получили въ отмѣну 4 в. 8 м. 10 пр. вмѣсто 3 в. 28 м. 10 пр. Надбавка на 10 морговъ была вызвана тѣмъ „ижъ ся имъ подлейшимъ грунтомъ оддало, а въ нихъ лепшимъ се взяло до волокъ подданныхъ кроля его милости [3]).

Иногда ухудшеніе отмѣны по качеству почвы могло серьезно задѣть хозяйственные интересы боярина. Такъ у боярина Михаила Давсиновича было взято на господаря 6 в. 3 м. 18 пр. средней по качеству земли; отмѣна же была дана исключительно подлымъ грунтомъ въ количествѣ 13 волокъ [4]). Бывали случаи, когда отмѣна была по качеству земли лучше отшедшей на господаря земли.

У боярина Бурнейкова было отобрано 146 м. 24 пр. „добрыхъ, среднихъ и подлыхъ“, въ числѣ которыхъ было первоarазрядныхъ 8 морговъ и 21 пр; среднихъ—11 м. 25 пр. и подлыхъ 126 м. 7 пр. Въ отмѣну было дано только 140 м. 20 пр.; при этомъ въ виду того, что въ отведенномъ порубѣ было не мало „грунту ничомного“ песковъ, то ему были даны въ большемъ количествѣ „добрые и средніе морги [5]). Бояре Жоранской волости лишились 409 м. $17^1/_2$ прутовъ, а получили въ отмѣну 390 мор., послѣ уравненія земель по качеству съ отобранными грунтами [6]).

Иногда ревизоры, отводя отмѣну, сознавали, что послѣдняя хуже земли, отошедшей на господаря. Тогда ревизоръ прибавлялъ нѣкоторое количество прутовъ земли для того, чтобы уравнять отмѣну съ отошедшей на господаря землей. Такъ бояринъ Мартинъ Юрьевичъ лишился 4 м. $12^1/_2$ пр. получивъ въ отмѣну только 3 м. 18 пр. Впослѣдствіи ревизоръ счелъ необходимымъ прибавить 19 пр. и $^1/_2$ коп. „для тое причины, ижъ въ него

[1]) А. В. К., XXIV, № 114, иные случаи №№ 120, 128.
[2]) А. В. К., XXIV, № 96.
[3]) А. В. К., XXIV, № 100, а также № 129, 131.
[4]) А. В. К., XXIV, № 109.
[5]) А. В. К., XXIV, № 111.
[6]) А. В. К., XXIV, № 112.

большъ групту взято нежели ему дано“ [1]). У группы бояръ Медыпглянской волости было отписано на господаря 99 м. 22 пр. 6 коп. пр., отмѣпа же равнялась только 95 м. 21 пр., такъ какъ оказалось, что у бояръ взято „лепшимъ грунтомъ“ то ревизоръ далъ имъ еще 3 м. 15 пр. $3^1/_2$ коп. пр. [2]).

Иногда бояринъ оказывался держателемъ земли въ двухъ мѣстахъ, и въ обоихъ случаяхъ часть земли отходила на господаря. Отмѣна же отводилась обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Бояринъ Вкдуклеевской волости Миколай Хрщановичъ владѣлъ землями въ двухъ селахъ Молнянъ и Сонулькахъ. Часть ихъ въ обоихъ селахъ была измѣрена на волоки. Отмѣна же была дана въ селѣ Молнянъ [3]). Получали отмѣну такую и боярки, если ихъ права на землю не вызывали никакихъ сомнѣній. Боярка Россіенской волости Екатерина Мартинкова, владѣя „вѣчностью“, получила отмѣну въ замѣнъ ея земель, отошедшихъ на господаря [4]).

Измѣреніе боярскихъ земель на волоки и замѣна ихъ участками господарскихъ земель производились все время въ теченіе XVI вѣка, при производствѣ дополнительныхъ и контролирующихъ ревизій [5]).

Права бояръ на землю были неодинаковы и въ пореформенное время. По существу, они ни въ чемъ не отличались отъ ихъ правъ на землю въ дореформенное время. Въ зависимости отъ характера правъ на землю того или другого боярина опредѣлялись условія, на которыхъ давалась отмѣна. Бояре могли держать землю, какъ господарскую данину, съ обязательствомъ оправлять службу „якъ и перво сего здавна служивали“ [6]). По всей вѣроятности, такая данина была лишь пожизненнымъ владѣніемъ, и держатели ея могли её эксплуатировать для своихъ собственныхъ нуждъ. Затѣмъ, бояре могли оказаться держателями земли по распоряженію провинціальной администраціи „до воли и ласки господарской“ съ обязательствомъ несенія военной земской службы [7]). Такое владѣніе все время сохраняло свою услов-

[1]) А. В. К., XXIV, № 121.
[2]) А. В. К., XXIV, № 122, а также № 134.
[3]) А. В. К., XXIV, № 147.
[4]) А. В. К., XXIV, № 159, а также № 170.
[5]) А. В. К., XXIV, №№ 215, 222, 223.
[6]) А. В. К., XXIV, № 138.
[7]) А. В. К., XXIV, № 158, 179, 2?3.

ность, и въ любой моментъ могло быть отобрано на господаря. Наконецъ, бояре были собственниками земель, на которыхъ они сидѣли. Въ этомъ случаѣ они получали право „уживати и держати и всякіе пожитки собѣ тамъ розмножити и тимъ, яко власностью своею шафовати вечны часы [1]). Такія земли переходили по наслѣдству, къ женѣ и дѣтямъ и потомкамъ боярина, но онѣ не могли быть отчуждаемы, такъ какъ все-таки эти земли не были собственностью. Но такое владѣніе, будучи наслѣдственнымъ и обусловливаемое отправленіемъ земской службы, по существу можно назвать владѣніемъ „на ленномъ правѣ". Но бояре могли оказаться и полными собственниками своихъ земель. Въ такомъ случаѣ господарская грамота давала право — боярину, его женѣ и предкамъ распоряжаться маетностью своею „яко власностями своими" съ правомъ „дать, даровать, продать и заменять и на вечные часы свои пожитки ку найлепшему оборочати" [2]).

Права бояръ на отмѣны зависѣли—вообще отъ ихъ землевладѣльческихъ правъ. Такъ бояре, не представившіе документовъ на право владѣнія землей, получали отмѣну условно „до воли и ласки господарской", „до воли и выроку его королевской милости" [3]). Затѣмъ, бояре могли получить отмѣну на ленномъ правѣ, что давало имъ полную возможность „вечне и спокойне держати", „держати и ихъ уживати вечными часы" [4]).

Затѣмъ бояре получали отмѣну на правахъ вѣчнаго владѣнія, которое они „мають яко власные отчизны свое спокойне на вечные часы держати и ихъ уживати" [5]). Наконецъ, въ рукахъ бояръ могли оказаться дополнительные участки земли, которые они держали на правахъ аренды. Ея условность обыкновенно опредѣлялась терминомъ „до воли и ласки господарской" [6]).

Что же касается права распоряженія землей, то бояре пользовались послѣднимъ правомъ только по отношенію къ землямъ, которой они владѣли на правахъ „власной отчизны". Такія земли прежде всего могли быть проданы. Проданная земля становилась вѣчнымъ владѣніемъ покупщика, которую послѣдній могъ „продати, отдати и даровати, гдѣ хотечи ку своему найлепшему, а

[1]) А. В. К., XXIV, № 168.
[2]) А. В. К., XXIV, № 169.
[3]) А. В. К., XXIV, №№ 103, 108, 112, 128, 129.
[4]) А. В. К., XXIV, №№ 101, 121, 122.
[5]) А. В. К., XXIV, №№ 111, 112, 127.
[6]) А. В. К., XXIV, № 123.

вжиточному обернути". Такая продажная сдѣлка могла быть совершена только съ согласія родственниковъ продавца. Поэтому, въ купчей крѣпости въ отказѣ отъ права собственности на проданную землю упоминались не только имена боярина, но и его наслѣдниковъ: жены, дѣтей и близкихъ, которые всѣ отказывались отъ права владѣнія продаваемымъ участкомъ земли. Для укрѣпленія прочности купчей крѣпости, обыкновенно въ ней вписывалось условіе объ уплатѣ всѣхъ убытковъ, понесенныхъ покупателемъ, а также и штрафа, поступавшаго въ распоряженіе провинціальной администраціи, если только заключенная сдѣлка будетъ нарушена кѣмъ либо со стороны семьи продавца [1]).

Затѣмъ, боярскія земли могли подлежать раздѣлу, если онѣ находились въ совладѣніи нѣсколькихъ братьевъ. Въ такомъ случаѣ, каждый изъ выдѣлившихся братьевъ продолжалъ владѣть землей на правахъ полной собственности „отчизны" [2]). Раздѣлъ отчизнаго боярскаго имѣнія могъ имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, когда у боярина оказывался взрослый сынъ, которому отецъ добровольно, въ присутствіи околичныхъ бояръ, отдавалъ часть своей отчизной земли [3]).

Бояре имѣли право мѣнять свои земли на земли другихъ бояръ; при этомъ отъ имени владѣльца земли и его семьи составлялась „мѣновая запись", служившая гарантіей ненарушимости заключенной сдѣлки и въ будущемъ. Уступленная земля передавалась обѣими сторонами на правахъ полной собственности, что обыкновенно подчеркивалось въ составляемой при этомъ мѣновой записи [4]).

Бояре имѣли возможность отдавать свои земли въ заставу. Обыкновенно, бояре, отдававшіе въ заставу землю, подчеркивали, что это они дѣлаютъ „на з чьего намовеня, а ни з жаднаго принуженя, одно по своей доброй воли, потребуючи въ свою пильную потребу". Земля, предназначенная для отдачи въ заставу, должна была быть „никому ничемъ не пенная, а ни въ долзу заведенная". Конечно, въ заставной записи опредѣлялось время, на которое боярская земля отдавалась въ заставу, а также усло-

---

1) А. В. К., XXIV, №№ 124, 231, 234, 225, 227, 241.
2) А. В. К., XXIV, № 125.
3) А. В. К., XXIV, № 230.
4) А. В. К., XXIV, №№ 174, 195, 234.

вія, на основаніи которыхъ она снова могла быть возвращена своему первоначальному владѣльцу [1]).

Какъ собственники земель, бояре имѣли право распоряжаться ими по духовнымъ завѣщаніямъ: при этомъ наслѣдователь совмѣстно съ своей „малжонкой и дѣтьми" получаетъ право полнаго распоряженія таковой землей. Они могутъ её „отдати, продати, записати и где хотячы розумеючи кусвоему налецьному пожитку оборочати" [2]).

Наконецъ, бояре могли при жизни выдавать дарственныя записи. Онѣ выдавались родственникамъ—дѣтямъ, когда бояринъ, по разнымъ соображеніямъ, желалъ передать имъ часть своей земли. Такъ бояринъ Мацко Венцковичъ „дознавши повольныя послуги сыновъ своихъ, далъ, даровалъ и на вечность имъ записалъ, отдаляючи отъ иньшихъ близкихъ и детей своихъ—именейцо свое власное отчизное". Земля по дарственной записи переходила къ новымъ владѣльцамъ на правахъ полной собственности [3]).

Если бояринъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ право на отмѣну, и если послѣдняя все-таки не давалась, то ему оставалось обратиться къ верховной власти за возстановленіемъ нарушеннаго права. Въ этомъ отношеніи пріемы его возстановленія были совершенно тѣ же, къ какимъ прибѣгала и шляхта. Боярскихъ челобитій объ отмѣнѣ много. Ихъ обиліе также служитъ показателемъ, что забывчивость агентовъ относительно отмѣны боярамъ далеко не была случайна, и что это былъ своеобразный хозяйственный пріемъ „привлащанія господарскихъ земель и кгрунтовъ". По всей вѣроятности, съ боярами господарскіе агенты церемонились еще менѣе, такъ какъ они были „не шляхтичи", земля—не шляхетская, да и вообще для нихъ былъ спорнъ вопросъ, давать ли отмѣну или нѣтъ боярамъ, владѣвшимъ землями на основаніи листовъ. Но для боярства этотъ вопросъ былъ совершенно ясенъ. Земли, на которыхъ сидѣли ихъ отцы; и на которыя они могли представить опредѣленные документы они считали своими, отчизными. Неполученіе же отмѣны—нарушеніемъ ихъ права. Вопросъ же о томъ, кто являлся верховнымъ собственникомъ ихъ земель, кто они—наслѣдственные ли держатели или

---

1) А. В. К., XXIV, № 181.
2) А. В. К., XXIV, № 242.
3) А. В. К., XXIV, № 258.

собственники—этотъ вопросъ бояръ не интересовалъ. Впрочемъ, если допустить, что господарскіе агенты всѣхъ бояръ считали временными держателями земли, а собственникомъ ихъ земель—господаря, то образъ ихъ дѣйствій можетъ найти юридическое оправданіе. Но мы не располагаемъ данными, подтверждающими вышеназванное соображеніе. Скорѣе можно допустить здѣсь небрежность, одностороннюю защиту господарскихъ интересовъ. Вѣдь въ однихъ случаяхъ отмѣна давалась—въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ она почему-то не давалась. Что руководило агентомъ—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, бояре не желали помириться съ потерей отчизной земли. Потеря ея имѣла для нихъ и большое принципіальное значеніе, такъ какъ, получивъ землю на „платѣ", бояринъ становился тяглымъ человѣкомъ и терялъ свое привилегированное служебное положеніе. Поэтому, полученіе отмѣны—для боярина вопросъ первостепенной важности. Полученіемъ ея не только укрѣплялась „его отчизна", укрѣплялось и его юридическое положеніе, какъ боярина, не тяглаго человѣка, лица, обязаннаго только отправлять преимущественно военную службу съ своего земельнаго участка. Бояре Городенскіе волости Фараловской Павелъ и Степанъ Пелокотовичи совмѣстно съ своею братью подали господарю челобитіе о томъ, что во время производства волочной помѣры въ Городенскомъ староствѣ „земли ихъ не мало" взяли подъ господарскія волоки, а отмѣны имъ за то не дали. Между тѣмъ, на основаніи привилея Сигизмунда I, они этими землями издавна владѣли и службу земскую военную служивали. При челобитьи былъ приложенъ и привилей, на который ссылались челобитчики [1]). Если бояре Пелокотовичи, требовавшіе соотвѣтственной отмѣны, почему то не называли своей земли „отчизной", то бояре Городенскаго повѣта Ярмола Андреевичъ и Семенъ Федоровичъ совмѣстно съ обруснымъ Лукашемъ Гостиловичемъ настаивали на отмѣнѣ за землю ихъ „отчизную", отошедшую подъ господарскія волоки. Основаніе просьбы—привилей Сигизмунда I, выданный ихъ отцу [2]). И бояре волости Шовленской жалуются также на неполученіе отмѣны въ замѣнъ отобранныхъ земель [3]). Если одни изъ бояръ настаивали на отмѣнѣ, такъ какъ считали себя владѣльцами „отчизнъ", что оправдывали

---

1) К. З., XXXVII, л. 356.
2) К. З., XXXVII, л. 341.
3) Кн. Пуб. Д., IX, л. 191.

ссылкой на господарскіе листы Сигизмунда I, то другіе бояре владѣли землей на нѣсколько иномъ основаніи, такъ что послѣдняя въ полномъ смыслѣ была ихъ собственностью. Встрѣчались бояре, получившіе отъ частныхъ землевладѣльцевъ земли въ вѣчное владѣніе, въ удостовѣреніе чего имъ выдавался и соотвѣтствующій листъ. Конечно, за такую землю, которая съ полнымъ правомъ могла считаться ихъ „властностью", они должны были получить отмѣну. А на дѣлѣ они ея не получали. Поэтому и они били чоломъ господарю. Такъ лысковскій бояринъ Матей Котовичъ представилъ листъ—данину, выданный паной Катериной Станиславовной, „старостиной Жомоитской", по которому земля давалась на вѣчность ему самому и его дѣтямъ. Между тѣмъ, вся эта земля была раздѣлена на волоки, а отмѣны никакой не было дано. Поэтому, челобитчикъ, считая свои имущественныя права нарушенными, хлопочетъ объ ихъ возстановленіи передъ господарской властью [1]). Случалось, что, во время производства аграрныхъ мѣропріятій правительства, бояре не могли представить оправдательныхъ на землю документовъ просто потому, что ихъ въ данный моментъ не было на рукахъ. Разумѣется, какъ только данные документы попадали въ руки владѣльца, немедленно вчинялось челобитіе объ отмѣнѣ. Бояринъ Мстиславскій Яковъ Федоровичъ Обакумовичъ Левтикъ отъ своего имени и имени сына хлопоталъ о возвращеніи земель, отобранныхъ у нихъ во время „постановленія платовъ и пожитковъ" въ Мстиславлѣ. Въ моментъ прибытія ревизоровъ—пановъ Григорія Воловича и Михаила Нарушевича дома оставался только одинъ сынъ. Документы были на рукахъ отца. Поэтому земли были отобраны и привернуты къ Мстиславскому замку. Конечно, бояринъ, вернувшись домой и убѣдившись въ постигшемъ его несчастіи, немедленно обратился къ господарю съ просьбой о возстановленіи нарушеннаго права и о возвращеніи неправильно отчисленной къ господарскому замку земли [2]).

Во время производства аграрной реформы — господарскія земли, данныя боярамъ „до воли и ласки" господарской, отбирались на господаря и отъ милости послѣдняго зависѣло, дать ли такому боярину отмѣну или нѣтъ. Однако пострадавшіе при этомъ бояре все же обращаются къ господарю съ просьбой объ

---

1) К. З., XXXVII, л. 377.
2) К. З., XLI, л. 156.

отмѣнѣ, хотя на это не имѣли никакого права. Бояринъ Городенскаго повѣта Андрей Ольшевскій получилъ „на проживенне, до воли и ласки господарское—одну службу людей и пять земель пустовскихъ“, которыя у него были отобраны ревизоромъ и на волоки помѣрены. Поэтому, вышеназванный бояринъ хлопочетъ „чтобы отъ тыхъ земель его отдалять не велѣли“, и все ему вернуть обратно, или дать ему за это отмѣну, при этомъ челобитчикъ ссылается на листъ Сигизмунда, выданный его отцу. Но данный листъ едва ли могъ служить подкрѣпленіемъ просьбы челобитчика. Въ немъ шла рѣчь о временномъ, условномъ пожалованіи. Земля была не „отчизная“, „не вѣчная“, а потому за нее отмѣны можно было и не давать [1]).

Послѣ производства аграрной реформы многіе изъ бояръ оказались держателями господарскихъ земель подъ условіемъ платежа чинша. Однако, по разнымъ соображеніямъ они ходатайствуютъ о его сложеніи. Мотивы боярскихъ челобитій довольно различны. Одни отказываются платить потому, что они издавна были бояре-шляхта, и на основаніи этого ходатайствуютъ о сложеніи чинша. На этомъ основаніи просилъ объ освобожденіи отъ чинша героинскій бояринъ Гришко Комоевичъ [2]). Другіе изъ бояръ, признавая наложеніе на нихъ чинша принципіально правильнымъ, все же хлопотали о его сложеніи и при этомъ ссылались на свое тяжелое имущественное положеніе и отсутствіе средствъ. На основаніи послѣдняго соображенія выступилъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ чинша—бояринъ Петръ Пацевичъ [3]). Третьи изъ челобитчиковъ считаютъ наложеніе на нихъ чинша актомъ неправомѣрнымъ, при этомъ они могли сослаться на то, что они издавна отправляли „военную службу“. Но слабость ихъ челобитій заключалась въ томъ, что они не могли представить никакихъ господарскихъ листовъ, подтверждавшихъ ихъ военную службу, за исключеніемъ только листовъ „врядниковъ“. Естественно, что такого рода челобитія могли имѣть весьма слабое значеніе въ глазахъ господаря [4]). Четвертые изъ челобитчиковъ могли сослаться на привилеи матери великаго князя королевы Боны, освободившей того или другого боярина отъ платежа чинша въ собственныхъ имѣніяхъ. Такъ бояринъ Шасный Степановичъ

[1]) К. З., XXXVIII, л. 254.
[2]) К. З., XXXVII, л. 386.
[3]) К. З., XXXVII, л. 146.
[4]) К. З., XXXVII, л. 428—429.

Ейсимонтовичъ сослался на листъ королевы Боны, которая дала ему сначала земли „на плате урочистомъ“, а затѣмъ, совсемъ отпустила тотъ платъ и ку службе никакой принуждати не казала“ [1]). Пятые изъ челобитчиковъ въ подкрѣпленіе своей просьбы не ссылаются ни на какіе листы, и освобожденіе отъ платежа чинша склонны считать проявленіемъ „господарской ласки“. Такъ Кричевскіе бояре Белпчи владѣли пустовщинами, которыя у нихъ были отобраны при волочной померѣ. Ревизоры заставили ихъ платить съ тѣхъ пустовщинъ „на кождый годъ по 4 копы грошей и по 52 гроша“. Въ свою очередь, они били „чоломъ господарю“, чтобы „ихъ помереные земли дали имъ на службу земскую“ [2]). Шестые изъ челобитчиковъ считаютъ платежъ чинша большимъ для себя „накладомъ“, а потому хлопочутъ о его сложеніи. Бояринъ Чичерскаго повѣта Антонъ Валентиновичъ Кгаталинскій владѣлъ въ Чичерской волости селищемъ—пустовщиной и двумя купичными землями подъ условіемъ несенія боярской службы. При установленіи платовъ въ Чичерской волости паномъ Григоріемъ Воловичемъ, эти земли были положены „на плате урочистомъ“. Считая для себя послѣднее распоряженіе накладомъ, челобитчикъ проситъ объ освобожденіи отъ чинша [3]). Если иногда случалось боярамъ получить небольшіе земельные участки среди „мѣстскихъ волокъ“, благодаря чему они также становились подъ мѣстскій присудъ то они должны были наравнѣ съ прочимъ мѣщанскимъ населеніемъ нести городскія повинности и вносить въ городскую казну соотвѣтствующіе платы. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ бояре пытались освободиться отъ городскихъ повинностей и спѣшили обзавестись господарскимъ листомъ, по которому они „вызволялись отъ оныхъ повинностей и послушенства местского“. Такъ Мозырскій бояринъ Томила Шиметичъ получилъ отъ ревизоровъ „въ месте мозырскомъ два огорода и волоку земли“ среди мѣщанскихъ волокъ и кромѣ того онъ владѣлъ 18 моргами земли „на плате певномъ“. Поэтому, онъ просилъ Сигизмунда I объ освобожденіи отъ чинша и мѣстскихъ повинностей [4]). Точно также Мозырскій бояринъ Федоръ Ходыка, отецъ котораго владѣлъ въ Мозырскомъ мѣстѣ огородами и двумя участками земли,—

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 111.
[2]) К. З., XXXVII л. 424.
[3]) К. З., XXXIX, л. 452.
[4]) К. З., XXXVIII, л. 339.

Пашковщиной и Чертковщиной—платилъ чиншъ и несъ повинности „посполъ зъ иншими мѣщаны“. А теперь онъ просилъ его перевести на боярскую службу [1]).

И боярская масса набрасывается съ такой же жадностью на землю, какъ и шляхта. И тутъ замѣтно стремленіе округлить свои земли въ интересахъ своего маленькаго хозяйства. Боярскія челобитія о надѣленіи землей также многочисленны, какъ и шляхетскія, что указываетъ на единство настроенія, охватившаго боярство въ эпоху аграрной реформы. Обращаясь съ просьбами къ господарю, просители выставляли разные мотивы для подкрѣпленія своей просьбы. Въ однихъ челобитіяхъ въ качествѣ мотива лежитъ просьба о наградѣ „за земскую службу“. Рѣчь идетъ почти исключительно о пустовщинахъ, которые „съ давнихъ часовъ впусте лежали“, но зато были „прилеглыми“ къ боярской пашнѣ. Таковы были мотивы боярина Льва Григорьевича Волка [2]). Въ другихъ ходатайствахъ мотивы еще проще. Челобитчики просятъ объ учиненіи господарской ласки и „землю пустовщины“... „которая де имъ къ дому и къ землямъ прилегла, а есть на волоки не померена и лежитъ въ пусте, а жадного пожитку нѣтъ“, отдать имъ [3]). Въ третьихъ ходатайствахъ заключалась просьба о надѣленіи землей-волоками для несенія военной службы. Такъ бояринъ Новгородскаго повѣта Петръ Григорьевичъ билъ челомъ „абыхъмо ему въ повете Новъгородскомъ въ селе Городечна дали три волоки на службе конъной“ [4]).

Въ четвертыхъ челобитіяхъ просьба о возвращеніи отнятой земли соединяется съ жалобой на неправильныя дѣйствія господарскихъ агентовъ. Бояринъ Гомельскаго повѣта—Иванъ Хомаровичъ державъ „на службѣ конной“ пашню-пустовщину, полученную имъ отъ Гомельскаго старосты и скрѣпленную господарскимъ листомъ. Тѣмъ не менѣе господарскіе ревизоры панъ Григорій Воловичъ и панъ Михаилъ Нарушевичъ отобрали эту пашню и привернули ее къ Гомельскому замку „на фольваркъ“, а впослѣдствіи отдали ее „поручнику Яну Ѳащу“. Тогда бояринъ, представивъ господарскіе листы, обратился съ просьбой о возвращеніи ему неправильно отнятой земли для несенія той же

---

[1]) К. З., XXXXVIII, л. 340.
[2]) К. З., XXXVII л. 390.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 284.
[4]) К. З., XLIV, л. 81.

службы конной [1]). Въ пятыхъ челобитіяхъ заключается просьба о возвращеніи боярамъ земель, неправильно отнятыхъ, такъ какъ въ свое время не были представлены соотвѣтствующіе документы. У Мстиславскаго боярина Якова Федоровича Обакумовича Левтика отобрали село „Стецково" въ Мстиславской волости, которымъ владѣлъ еще его прадѣдъ. Когда въ Мстиславль пріѣхали господарскіе ревизоры — Григорій Воловичъ и Михаилъ Нарушевичъ „для постановленія платовъ и пожитковъ", то сынъ его не показалъ листовъ на землю, а отецъ былъ въ отсутствіи [2]). Поэтому эти земли были у него отняты и „ку замъку нашому Мстиславскому привернены". Но такъ какъ листы на право владѣнія въ дѣйствительности имѣлись у отца, то послѣдній по пріѣздѣ сталъ хлопотать о возвращеніи неправильно отнятой у него земли. Въ шестыхъ боярскихъ ходатайствахъ заключается просьба объ отдачѣ свободныхъ волокъ лѣсныхъ „на разъробки поли и сеножати" подъ условіемъ платежа чинша, но съ льготой въ платежѣ послѣдняго. Такъ бояринъ Могилевскій Ермола Федоровичъ Стародубцевичъ взялъ на „осаженіе" нѣкоторое количество неразработаннаго лѣса и просилъ о волѣ въ платежѣ чинша [3]). Въ седьмыхъ челобитіяхъ — ходатайство о пожалованіи волокъ объясняется тѣмъ, что проситель имѣетъ „отчизну малу", какъ выразился Жмудскій бояринъ Кгибрилла Руковичъ и, слѣдовательно, не можетъ нести взятую на себя военную повинность [4]).

И боярская масса, подобно шляхетской, забрасывала господаря челобитіями о подтвержденіи земельныхъ участковъ, бывшихъ въ ихъ владѣніи. Эти земельные участки могли очутиться въ ихъ рукахъ въ силу разныхъ условій. Прежде всего провинціальная администрація раздавала этимъ боярамъ господарскія волоки, подъ условіемъ несенія военной службы. Если припомнить, что осуществленіе аграрныхъ мѣропріятій правительства совпало съ войной съ Москвой, то такія многочисленныя раздачи не на чиншъ, а подъ условіемъ военной службы вполнѣ понятны. Правительство нуждалось въ увеличеніи боевыхъ силъ арміи, и это достигалось съ помощью всѣхъ средствъ, которыми располагало тогда правительство. Для боярина было, конечно,

---

1) К. З., XLIV, л. 95.
2) К. З., XLI л. 156.
3) К. З., XLIV, л. 27.
4) К. З., L, л. 58.

важно упрочить за собой свое земельное владѣніе и оставить за собой и за своимъ потомствомъ право нести военную земскую службу на тѣхъ правахъ, на какихъ ее отправляли сосѣди-шляхта. Направляя свои челобитія господарю, челобитчики представляли ему и документы, на основаніи которыхъ они хлопотали объ оставленіи за ними волокъ. Бояринъ Рѣчицкій Федоръ Борисовичъ получилъ отъ тамошняго державцы князя Ал. Мих. Вишневецкаго около Рѣчицкаго замка—куничную землю и островокъ, за что былъ обязанъ нести военную службу „конемъ" и въ удостовѣреніе чего „покладалъ" передъ господаремъ [1]) листъ державцы князя Вишневецкаго. На тѣхъ же основаніяхъ отъ старосты Чечерскаго и Пропойскаго пана Юрія Миколаевича Зиновьевича получилъ землю пустую и волоку на пашнѣ бояринъ чечерскій Иванъ Ивановичъ, такъ какъ съ той пустовщины не было „жадного пожитку" до господарскаго скарба. Конечно, такое пожалованіе имѣло условный характеръ „до воли и ласки господарской". Поэтому, челобитчикъ проситъ его оставить „при той пустовщине и волоце на пашъню" [2]).

Впрочемъ, не всегда челобитчики о подтвержденіи земли могли сослаться на листъ—данину господарскаго агента. Нѣкоторые не имѣли никакихъ документовъ и могли только сослаться на 10-лѣтнюю давность. Такъ поступили бояре Троцкаго повѣта Петръ и Мартинъ Яновичи, сообщившіе, что „земли пустовскія" въ волости Лепунской они получили отъ отца и притомъ „на себе

---

[1]) К. З. XXXVII, л. 329.

[2]) К. З., XXXVIII, л. 539. Вотъ еще аналогичные примѣры. Бояринъ Бѣлоцерковскаго замка хлопочетъ о подтвержденіи пожалованія Кіевскаго воеводы „на службе земской боярской". (К. З., XXXIX л. 14). Бояринъ Кричевскаго повѣта Иванъ Богдановичъ Корунова ходатайствуетъ о подтвержденіи двухъ пустовскихъ селищъ въ Кричевскомъ повѣтѣ. К. З., XXXIX л. 129. О томъ же хлопотала и группа Чичерскихъ бояръ, владѣвшихъ „на службѣ конной" нѣсколькими пустовщинами. (К. З., XXXIX л. 453). Съ такимъ же челобитіемъ обратился и Рогачевскій бояринъ Матоей Мартиновичъ, получившій отъ Рогачевскаго державцы „до воли и ласки господарское" двѣ земли пустовскія (К. З., XLI л. 244). Мстиславскій бояринъ хлопочетъ объ укрѣпленіи за нимъ „на службе земской" четырехъ пустовщинъ, съ которыхъ не было до сихъ поръ никакихъ доходовъ въ господарскій скарбъ, и „которые здавна въ пусте лежатъ" (К. З., XLI л. 115). О томъ же хлопочетъ и бояринъ Кричевскій Михаилъ Ивицкій, получившій до воли и ласки" отъ тамошняго державцы дворецъ и землю другого боярина, убѣжавшаго въ Москву и уже „привернутый" къ замку. (К. З., XLI л. 272). Еще К. З., XLI л. 114, XLI л. 140. XXXIX л. 503.

держать" 10 лѣтъ. Поэтому, они просятъ „не превлащать" пустовщины къ Лепунскому двору и оставить ихъ за ними [1]).

Земельныя пожалованія бояръ были большею частью пожизненными. Но, конечно, среди нихъ всегда было стремленіе передать свои земли дѣтямъ еще при своей жизни, и такимъ образомъ и боярское званіе и самое владѣніе землей сдѣлать наслѣдственными. Конечно, это заставляло бояръ обращаться къ господарю съ новымъ челобитіемъ. Бояринъ Пропойскій Андрей Клевецъ держалъ „до живота" пустовскую землю „на службе бояръской конной", но такъ какъ „онъ вже есть человѣкъ летьнiй, для чого службе бояръской коньной досыти вчинити не можетъ", то его три сына обратились къ господарю съ челобитіемъ, „абыхмо на ихъ особы тую земълю потвердили" [2]). Такимъ образомъ, основаніемъ такой передачи дѣтямъ своего боярскаго званія и земли, бывшей во владѣніи боярина, являлась старость боярина, какъ условіе, недававшее ему возможности правильно и своевременно отправлять взятыя на себя повинности. Съ такимъ же аналогичнымъ ходатайствомъ обратился и сынъ боярина Хомы Наумовича [3]). Но не всегда удавалось боярское званіе передать еще при жизни своимъ дѣтямъ. Бояринъ умиралъ, а его дѣти не успѣли выхлопотать себѣ соотвѣтствующаго подтвержденія. Тогда дѣти выступали челобитчиками о передачѣ имъ земли, уже послѣ смерти ихъ отца. Къ господарю пріѣзжали сыновья Чечерскаго боярина—Богдана Дмитровича—Гришка, Иванъ и Васько и просили его „при тое землѣ ихъ оставити". Земля эта—совершенно свободна. На нее никто не заявлялъ притязанія, но все таки она должна была „быти привернена къ замъку" [4]). Съ аналогичнымъ ходатайствомъ выступили также сыновья умершаго Чечерскаго боярина Конъши Ивановича [5]).

Хлопоталъ также объ неотнятіи земли отца и Мстиславскій бояринъ Остафъ Левоновичъ [6]). Если земля находилась въ совладѣніи братьевъ, и послѣдніе умирали, то остававшійся въ живыхъ хлопоталъ объ оставленіи за нимъ всей земли. Такъ бояринъ Кричевскаго повѣта Степанъ Коботовичъ хлопоталъ объ

[1]) К. З., XXXIX, л. 20.
[2]) К. З., XLI л. 140
[3]) К З., XLI л., 141.
[4]) К. З., XLI, л. 141.
[5]) К. З., XLI, л. 143.
[6]) К. З., XLIX, л. 36.

оставленіи за нимъ пустовщины, которая была дана паномъ Андреемъ Шелухой, какъ Кричевскимъ державцей—ему и его двумъ братьямъ—Семену и Остапу, которые теперь умерли [1]. Такія челобитія, конечно, были необходимы, такъ какъ послѣ смерти боярина имѣніе послѣдняго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ „привращалось“ къ господарскому замку [2]. Иногда вымороченное имущество могло быть справлено за бояриномъ, женившимся на вдовѣ владѣльца земли. Бояринъ Троцкаго повѣта Петръ Массальскій женился на вдовѣ боярина Богдана Петровича Лысаго, владѣвшаго землей около Мерецкаго двора. Эту землю послѣдній получилъ отъ своего отца. Умеръ онъ бездѣтнымъ. Вдова вышла замужъ за Массальскаго, принеся ему въ приданое имѣніе умершаго мужа, которое онъ безпрепятственно на себя держалъ, хотя и не было документовъ на право владѣнія. Ихъ потерялъ еще Богданъ Лысый. Тѣмъ не менѣе бояринъ Массальскій просилъ господаря „абыхмо ласку нашу господарскую уделали а его при томъ именьице заставили и листъ на то дати и утвердити ему казали“ [3].

Иногда въ руки бояръ переходили земли, которыми они владѣли по пожалованію частныхъ владѣльцевъ. Чтобы укрѣпить ихъ за собой, бояре обращаются къ господарю съ челобитіемъ. Довольно часто раздавала такіе листы королева Бона. Такъ бояринъ Бержиницкій Лавринъ Зарупа получилъ привилей на право владѣнія въ Бержиницкой волости—тремя волоками [4]. Бояре Васильевскіе изъ Кремянецкаго повѣта получили „селицо Молодковское на сыромъ корню“ съ разрѣшеніемъ „ставъ ссыпати“ [5]. Послѣднее пожалованіе Боны было совершенно незаконнымъ. Въ Кременецкомъ повѣтѣ она никакой своей „власности“ не имѣла, а потому и выдавать какихъ бы то ни было привилеевъ не имѣла никакого права. Иногда въ рукахъ господарскихъ бояръ оказывались выслуженныя земли у частныхъ лицъ. Такъ бояре геронинскіе „выслужили“ земли подъ панами Гаштольдами и потому просили объ оставленіи этихъ земель за ними [6].

---

1) К. З., XLIX, л. 37.
2) К. З., XLI, л. 161.
3) К. З., XXXIX, л., 468.
4) К. З., XXXVII, л. 226.
5) К. З., XXXVIII, л. 438.
6) К. З., XXXVII, л. 326.

атѣмъ, встрѣчается не мало челобитій о подтвержденіи уже данныхъ отмѣнъ. Бояре Троцкаго повѣта Кгирдовичи совмѣстно съ зятемъ и сестрою хлопотали о подтвержденіи отмѣны, данной имъ „господарскимъ помѣрчимъ“ вмѣсто части ихъ земель, отчизныхъ, „которые у померу волокъ нашихъ ку двору Лепуньскому приняты были“. Челобитчики представили при этомъ листъ „мѣрчаго“, дававшаго отмѣну, и затѣмъ привилей Казимира ихъ дѣду и Сигизмунда I, выданный ихъ отцу съ братьями на право владѣнія указанными землями [1]). Но иногда, по независящимъ отъ челобитчиковъ обстоятельствъ, они, хлопоча о подтвержденіи отмѣны, могли представить только листъ правительственнаго агента, который счелъ, несмотря на отсутствіе документовъ возможнымъ дать имъ отмѣну. Это бывало обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда документы пропадали, но мѣстное населеніе не только не предъявляло никакихъ претензій на землю, бывшую въ ихъ держаніи, но своими показаніями укрѣпляло право на владѣніе землей тѣхъ бояръ, которые не имѣли на лицо документовъ. Господарскую отмѣну получили два могилевскихъ боярина Гаврило Кононовичъ и Иванъ Ѳедоровичъ, не имѣвшіе листовъ, которые были увезены непріятелемъ, но зато нашедшіе себѣ свидѣтелей въ лицѣ другихъ могилевскихъ бояръ, на основаніи чего Могилевскій намѣстникъ панъ Корсакъ и далъ имъ отмѣну за земли, привернутыя къ Могилевскому замку [2]).

Господарскіе державцы также раздавали боярамъ земли на чиншѣ. Чтобы оставить за собой эту раздачу — бояре хлопотали о подтвержденіи ея господарскими листами. Бояринъ Добошевскій получилъ отъ державцы Гнушскаго и Быховскаго князя Ивана Соломерецкаго „землицу пустовскую“ съ зарослями съ уплатой ежегоднаго чинша въ размѣрѣ 12 грошей. Но, хотя дѣйствія державцы были правильны, бояринъ всетаки билъ господарю челомъ „абыхмо при той землѣ его зоставили“ [3]).

Боярамъ приходилось обращаться къ господарю съ просьбой о подтвержденіи ихъ земельнаго владѣнія даже въ томъ случаѣ, когда эти права не вызывали никакихъ сомнѣній. Вѣроятно, это дѣлалось только въ крайнихъ случаяхъ, когда сосѣдніе паны пытались захватить или въ дѣйствительности захватывали

1) К. З., XLI, л. 121.
2) К. З., XLI, л. 126.
3) К. З., XXXIX, л. 26.

боярскую землю. Обращеніе съ просьбой о подтвержденіи было въ тоже время поводомъ для господаря разобрать дѣло и выдать новый листъ, который разъ навсегда положилъ бы конецъ недоразумѣніямъ изъ-за земли между боярами и панами-земянами. Группа бояръ Виленскаго повѣта владѣла землей, которая была пожалована ихъ предкамъ еще великимъ княземъ Казиміромъ. Тѣмъ не менѣе сосѣдъ ихъ—панъ Янъ Кучуновичъ „землю отъчизную в них отънялъ и ку именью своему Жировуньскому привернулъ“, впрочемъ предполагая дать имъ въ отмѣну пустовщину. Нежелая ее получать, они обратились къ господарю съ просьбой объ укрѣпленіи за ними отчизной земли, въ подкрѣпленіе чего ими былъ представленъ листъ Казиміра, согласно которому предки съ этихъ земель „завъжды до животовъ своихъ службу боярскую военную, а по нихъ деи сынове ихъ... служивали“. При королѣ Александрѣ намѣстникъ Ожскій и Переломскій панъ Андрей Алехновичъ, считая эту землю „волостной“ хотѣлъ ее „ку службѣ правити“. Но послѣ разслѣдованія, произведеннаго по порученію великаго князя Александра, листъ Казиміра былъ подтвержденъ. Поэтому, они представили и этотъ судовый листъ в. к. Александра. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, бояре просили утвердить за ними землю, пожалованную ихъ предкамъ еще при Казимірѣ [1]).

Земли бояръ могли переходить къ другу при посредствѣ разнаго рода сдѣлокъ, напримѣръ, купли. Бояре продавали другъ другу земли и невольную челядь, сидѣвшую на этихъ земляхъ, а затѣмъ хлопотали объ утвержденіи уже совершившейся сдѣлки. Жмудскій бояринъ Петръ Павловичъ купилъ у жмудскихъ же бояръ у Яна и Матвѣя Пацевичей ихъ отчизную землю—пашную съ пятью невольниками. Сдѣлка была записана передъ Жмудскимъ старостою паномъ Іеронимомъ Ходкевичемъ, и послѣ этого они вступили во владѣніе купленной землей. Затѣмъ, представивъ господарю имѣвшіеся у нихъ документы, „били чоломъ, абыхъмо при оныхъ земляхъ купъли его власьной его зоставили и то листомъ ему нашими потвердили“ [2]). Впрочемъ, количество такихъ сдѣлокъ въ общемъ было небольшое, да это и вполнѣ понятно, откуда могли найтись у боярской массы свободные капиталы для покупки шляхетскихъ и не шляхетскихъ земель.

---

[1]) К. З., XLI, л. 69.
[2]) К. З., XLI, л. 139.

Положеніе бояриua было въ общемъ мало устойчивымъ общественнымъ состояніемъ. Превращеніе его въ тяглаго человѣка съ проведеніемъ аграрной реформы стало явленіемъ обыкновеннымъ. И многимъ изъ бояръ пришлось опуститься до положенія тяглаго человѣка. Но не всѣ легко мирились съ потерей боярскаго званія и соотвѣтствующими челобитіями старались вернуть себѣ прежнее званіе. Когда ревизоръ Ильковскій измѣрялъ на волоки земли Троцкаго воеводства, то земли бояръ Пацевичей были измѣрены на волоки, а сами они были назначены къ несенію путной службѣ. Между тѣмъ на основаніи листовъ в. к. Александра они были освобождены отъ „работъ тяглыхъ“ и только были обязаны нести одну только военную земскую службу. Поэтому, они просили, чтобы съ нихъ „чиншовъ не брали и ку службѣ путной не припущали“ [1]). Ходатайство Пацевичей имѣло серьезное основаніе, такъ какъ они могли сослаться на господарскій листъ, а это уже былъ достаточный поводъ рѣшенія дѣла въ желательномъ для Пацевичей смыслѣ.

Положеніе другихъ бояръ съ осуществленіемъ аграрной реформы могло стать еще хуже. Они могли превратиться прямо въ тяглыхъ людей. Такъ ревизоры стали „примучать“ къ тяглой службѣ группу лепунскихъ бояръ. Считая ихъ „тяглыми“, они не позволили имъ даже убирать ихъ хлѣбъ, а земли ихъ собирались раздать подданнымъ. Такія дѣйствія ревизоровъ, по мнѣнію бояръ, были совершенно незаконны, такъ какъ они издавна были боярами-шляхтой и никакой другой службы, кромѣ земской, они „не служивали“, въ удостовѣреніе чего представили листъ Сигизмунда I [2]). О томъ же хлопотали и слонимскіе бояре, ссылавшіеся на листъ Витовта, по которому они освобождались отъ всякой службы. Это давало основаніе слонимскимъ боярамъ причислять себя къ разряду бояръ-шляхты [3]). Съ своей стороны, и межирецкіе бояре били челомъ на своего державцу, что онъ имъ „кривды и тиски чинитъ“ и „циншъ“ на нихъ правитъ, тогда какъ они „съ предковъ своихъ неповинны“ были это дѣлать, въ удостовѣреніе чего они представили листъ „старосты Жомоитскаго“ [4]).

Поэтому, неудивительно, что многіе изъ бояръ, какъ только начиналось въ ихъ мѣстности измѣреніе земель на волоки, обра-

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 433.
[2]) К. З., XXXVII, л. 376.
[3]) К. З., XXXVII, л. 352.
[4]) К. З., XXXVIII, л. 24

щались къ господарю съ просьбой „абыхмо ихъ заховали при такой же службе и повинностей боярской“, какую они несли раньше. Такъ съ такой просьбой обратились къ господарю группы вымороченныхъ бояръ трабскихъ, несшихъ боярскую службу съ очень давнихъ временъ, еще при панѣ Гаштольдѣ [1]). Такая предусмотрительность, какъ показываютъ распоряженія господарскихъ агентствъ, имѣла полное основаніе. Этою же боязнью объясняется, почему бояре, несшіе военныя повинности наравнѣ со шляхтой, хлопочутъ о неизмѣреніи ихъ земель на волоки, видя въ этомъ угрозу своему положенію [2]).

Иногда бояре, отстаивавшіе свою боярскую службу, не могли представить господарскихъ листовъ, подтверждавшихъ ихъ положеніе. Вмѣсто юридическаго документа они могли сослаться только на „стародавнюю службу“, что, конечно, само по себѣ имѣло нѣкоторую юридическую силу. Ссылка на старину, по всей вѣроятности, только тогда принимала характеръ неоспоримаго документа, если ее можно было подтвердить какими либо косвенными данными, имѣвшимися въ распоряженіи велико-княжескаго правительства. Бояре Пенянской волости били челомъ и жаловались на господарскаго ревизора дворянина пана Авраамія Кунцевича за то, что ихъ земли „в платы положены“, а между тѣмъ они никогда никакихъ платовъ не платили, и всѣ ихъ повинности заключались только въ отправленіи военной повинности „конно и збройно“. Никакихъ другихъ основаній бояре не приводили и господарскому правительству приходилось самому озаботиться провѣркой заявленій пенянскихъ бояръ. Справка со скарбовыми реестрами подтвердила показаніе, и боярское званіе было за ними сохранено [3]).

На почвѣ боярскаго землевладѣнія между боярами и подданными происходили часто недоразумѣнія: подданные заявляли притязанія на право владѣнія тѣмъ земельнымъ участкомъ, который согласно господарскому листу—долженъ былъ находиться въ боярскомъ владѣніи. Большею частью это происходило тогда, когда бояринъ получалъ не пустовщину, а землю, тоже находившуюся во владѣніи, и съ которой при этомъ въ господарскій скарбъ поступалъ ежегодный платъ. Такія ошибки въ раздачѣ

[1]) К. З., XXXVIII, л. 8—9.
[2]) К. З., XLIII, л. 49—51.
[3]) К. З., XXXVII, л. 442.

могли произойти отъ неосвѣдомленности администраціи, быть можетъ, ея небрежности. Разъ на одну и ту же землю выступало два претендента, то дѣло переносилось въ господарскій судъ, который и выносилъ окончательную резолюцію. Бояринъ Гомельскій Сава Богдановичъ получилъ „до воли и ласки господарской“ двѣ пустовщины, которыя считали своими „властными землями“ господарскіе гомельскіе подданные, и съ нихъ они давали въ господарскій скарбъ, по выраженію господарскаго листа „дани медовую и платы грошевые и выполняли всякіи повинности ку замку посполъ зъ иншими подъданными нашими тамошними“. Доискиваясь возвращенія своей властности подданный Тишко Полуяновичъ представилъ и соотвѣтствующіе документы, подтверждавшіе его право на держаніе землей. Конечно, принципіально для господаря такіе документы не имѣли никакого значенія. Земля могла быть отнята и отдана другому, то на дѣлѣ, вѣроятно, это имѣло большое значеніе. Отдавая „тяглую“ землю вмѣсто пустовщины, господарь тѣмъ самымъ уменьшалъ податныя поступленія въ свой скарбъ, а это, несомнѣнно, не могло не оказать вліяніе на господарское рѣшеніе [1]). Возникали недоразумѣнія и по другой причинѣ: господарскіе подданные просто не желали признавать фактъ раздачи и считали, что та земля захвачена „своволье, и поэтому мѣшали держателю земли пользоваться своими правами.

Естественно, что дѣло въ такихъ случаяхъ поступало также на разсмотрѣніе господаря. Кричевскій бояринъ Протасъ Константиновичъ получилъ еще отъ Сигизмунда I „селище пустовское“ въ Кричевской волости „на хлѣбокормленіе“, въ доказательство чего онъ представилъ и господарскій листъ. Когда же онъ вступилъ во владѣніе землей, то группа кричевскихъ бояръ, сами отъ себя и отъ своихъ потужниковъ, стали дѣлать ему „трудности“, „менечи, ижъ бы онъ тое своволие подъ себе забрати мелъ“. Поэтому бояринъ-держатель просилъ господаря оставить въ его пользованіи данное ему селище и, въ удостовѣреніе этого выдать ему соотвѣтствующій листъ [2]).

Всевозможнаго рода недоразумѣнія происходили у бояръ не только съ господарскими подданными и своею братью-боярами, но и съ сосѣдями-шляхтою. Сплошь и рядомъ шляхтичи нахо-

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 355.
[2]) К. З., XXXIX, л. 25.

дили боярскія земли, выгодными для нихъ самихъ. Поэтому они своевольно отнимали у бояръ эти земли и выдавали имъ соотвѣтствующую отмѣну. Бояре же съ такой сдѣлкой не могли никоимъ образомъ примириться и хлопотали передъ господаремъ о возстановленіи нарушеннаго права. Такъ группа родственныхъ бояръ Виленскаго повѣта — владѣла землями, которыя предки ихъ получили еще отъ великаго князя Казимира. Между тѣмъ сосѣдъ ихъ Янъ Кущловичъ отнялъ у нихъ эту отчизную землю, а „имъ дати рачилъ землю пустовъскую на имя Кирклевъщину въ волости Бортъской-Бродецъкой". Поэтому, они просятъ господаря вернуть имъ захваченную землю [1]).

Изученіе господарскихъ резолюцій въ отвѣтъ на боярскія челобитія даетъ право вынести опредѣленное сужденіе объ отношеніи господаря къ боярскимъ челобитіямъ вообще. Въ общемъ, отношеніе къ нимъ весьма благожелательное. Боярскія челобитія обыкновенно удовлетворялись, если только челобитчикъ имѣлъ хотя какое-нибудь право на удовлетвореніе своей просьбы. Такое благожелательное отношеніе вполнѣ понятно. Удовлетвореніемъ боярскихъ челобитій восполнялись нѣкоторые существенные пробѣлы и дефекты аграрной реформы, а, съ другой стороны, укрѣплялось положеніе бояръ, обязанныхъ нести военную службу „конно и збройно", и нужду въ которой правительство особенно чувствовало въ эпоху реформы въ связи съ внѣшнимъ положеніемъ Литовско-Русскаго государства.

Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, правительство съ отмѣннымъ вниманіемъ относилось къ боярскимъ челобитіямъ объ отмѣнѣ и обыкновенно ихъ удовлетворяло, если челобитчикъ имѣлъ право на отмѣну, въ результатѣ чего или мѣстный державца-староста или справца господарскихъ дворовъ или ревизоры—получали приказаніе „за тую землю их у волоки через васъ взятую, за штобы слушно належало отмену вчинити кгрунтомъ нашимъ такъже равнымъ и такъ много яко въ нихъ взято, отмену дали, нехай тую землю держать"; конечно при условіи отправленія „конно и збройно" военной повинности [2]). Иногда содержаніе резолюціи было другое. Господарь предписывалъ ревизору возвратить отобранную боярскую землю и только въ случаѣ, если боярская отчизная земля была уже отдана кому-нибудь

[1]) К. З., XLI, л. 69.
[2]) К. З., XXXVII, 355.

другому, то дать отмѣну гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, „где бы споручъ имъ ку домомъ ихъ было [1]). Точно также, если подъ волоки была забрана земля, которую владѣлецъ получилъ отъ частныхъ лицъ, то послѣ удостовѣренія этого факта земля возвращалась обратно ихъ собственнику или давалась отмѣна [2]). Правительство иногда удовлетворяло просьбы бояръ объ отмѣнѣ даже тогда, когда челобитчики прямого права на нее не имѣли. Мстиславскій бояринъ Ходко Андреевичъ владѣлъ 2 пустовщинами „до воли и ласки господарской", на которыхъ онъ выстроилъ себѣ домъ, распахалъ пашню. Однако, когда паны Григорій Воловичъ и Миколай Нарушевичъ устанавливали „платы" въ русскихъ волостяхъ, то земли были у него отобраны и розданы подданнымъ. И на такое распоряженіе они имѣли полное юридическое основаніе. Тѣмъ не менѣе, Сигизмундъ II отдалъ приказъ возвратить ему отобранныя земли, очевидно имѣя въ виду матеріальныя и трудовыя затраты, потраченныя челобитчиками на приведеніе своего участка въ культурное состояніе [3]). Если же возвращеніе земель было невозможно, то челобитчику давалась отмѣна, хотя бы онъ „вѣчности" не имѣлъ. Такое распоряженіе господаря мотивировалось нежеланіемъ отдалить „челобитчика отъ хлѣбокормленія", то-есть сдѣлать его не годнымъ для отправленія военной повинности. Такія отмѣны давались только въ держаніе, во временное пользованіе. Что же касается челобитій о сложеніи чиншa, то эти просьбы обыкновенно удовлетворялись, если челобитчиками представлялись доводы, заслуживающіе вниманія со стороны правительства. Безусловному и немедленному удовлетворенію подлежали челобитія, гдѣ бояре считались шляхтой, а потому за владѣніе землей они несли военную повинность, а не платили чиншъ. Какъ только правительство въ этомъ убѣждалось, господарскому старостѣ посылалось распоряженіе, чтобы онъ „съ тыхъ волокъ примучати не велелъ и въ реестре своемъ за шляхту ихъ описалъ, нехай они съ того службу земскую служать" [4]).

Для правительства Сигизмунда-Августа, конечно, имѣли большое значеніе тѣ челобитія, въ которыхъ бояре, владѣв-

---

1) К. З., XXXVII, л. 361.
2) К. З., XXXVII, , л. 377.
3) К. З., XXXVII, л. 455.
4) К. З., XXXVII, л. 386.

шіе волоками, просили о снятіи чинша. Въ этомъ отношеніи, надо полагать, правительство примѣнялось къ каждому случаю въ отдѣльности, и въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ удовлетворяло и отклоняло просьбу челобитчика. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что мы не встрѣчали отрицательныхъ резолюцій государя. Это и понятно: едва ли какой либо бояринъ рѣшился бы обратиться къ господарю съ просьбой о снятіи съ него чинша, не имѣя на это серьезныхъ основаній. Когда бояринъ Пацевичъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ чинша „за недостаткомъ средствъ и старостью“, то правительство удовлетворило просьбу Пацевича и, упомянувъ съ своей стороны, что онъ „въ рукахъ непріятельскихъ на Москве у везенье сиделъ“, освободило его отъ чинша и отъ всякихъ службъ, то-есть пошло гораздо дальше, чѣмъ просилъ самъ бояринъ [1]... Поэтому, вполнѣ естественно, что если правительство находило просьбы челобитчиковъ необоснованными, то оно имъ отказывало. Такъ пропойскіе бояре получили принципіальный отказъ на свою просьбу объ освобожденіи отъ чинша съ земель, данныхъ имъ мѣстнымъ старостой, такъ какъ бояре не имѣли господарскаго подтвердительнаго привилея. Однако, принимая во вниманіе, что бояре эти земли распахали, правительство разрѣшило имъ временно владѣть ими подъ условіемъ несенія военной службы, но безъ всякихъ „платъ“. Спустя три года, имъ будутъ отведены участки въ господарской пущѣ [2]. Очевидно, правительство нашло возможнымъ удовлетворить незаконную просьбу бояръ только потому, что послѣдніе вложили не мало труда въ бывшую въ ихъ пользованіи землю, а потому наложеніе на нихъ чинша было бы большой несправедливостью и „накладомъ“. Точно также удовлетворялись челобитія съ представленіемъ листовъ королевы Боны, хотя она не могла распоряжаться на господарскихъ земляхъ. Но удовлетвореніе просьбъ челобитчика, по всей вѣроятности, дѣлалось по родственнымъ симпатіямъ и чувствамъ. Неудобно же было сыну признать неправомѣрными пожалованія матери [3].

Гораздо затруднительнѣе было положеніе тѣхъ челобитчиковъ, которые не могли представить никакихъ основаній для своей просьбы и только ссылались на „господарскую ласку“ для

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 146.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 428—429.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 111.

освобожденія ихъ отъ чинша и возложенія на нихъ военной службы. Правительство удовлетворяло и такія челобитія, такъ какъ было весьма заинтересовано въ возможно большемъ увеличеніи боярскаго класса [1]). Но не всегда все таки всѣ челобитія удовлетворялись. Такъ челобитіе одного боярина Чичерской волости объ освобожденіи отъ чинша не было удовлетворено, но принимая во вниманіе, что наложеніе платовъ явилось бы для него „накладомъ великимъ" правительство освободило его отъ платежа чинша на три года [2]). Сохранившіеся господарскіе отвѣты также говорятъ, что правительство не находило никакихъ препятствій для освобожденія боярина отъ мѣстскихъ повинностей, мѣстскаго присуда, если бояринъ несъ военную службу. И опять таки—главное соображеніе здѣсь было—увеличеніе кадра арміи [3]).

Вопросъ о надѣленіи бояръ землями не имѣлъ большого значенія. Челобитчики большою частью просили о надѣленіи ихъ пустовщинами, съ которыхъ никакихъ платовъ не поступало въ господарскій скарбъ. Слѣдовательно, отдавая пустовщину по просьбѣ того или другого челобитчика, правительство въ финансовомъ отношеніи ничего не теряло, но за то въ военномъ отношеніи только выигрывало, такъ какъ при этомъ или увеличивались кадры боярскаго класса, обязаннаго нести службу „конно и збройно", или улучшалась служебная и боевая готовность уже наличныхъ бояръ. Если принять еще во вниманіе затруднительное внѣшнее положеніе Литовско-Русскаго государства, земельная политика литовско-русскаго правительства въ эпоху аграрной реформы по отношенію къ боярскому классу станетъ совершенно понятной.

Когда правительство убѣждалось, что та или другая просимая земля лежитъ „впусте", и съ нея „жадныхъ платовъ не бывало", то правительство обыкновенно спѣшило удовлетворить ходатайства своихъ челобитчиковъ, не обращая вниманія на тѣ мотивы, которые выставляли челобитчики [4]). Точно также, если челобитчикъ просилъ отдать ему землю „на службе конъной", или то или другое количество волокъ, то просьба удовлетворялась, если „тые волоки въ пусте лежать" и „будетъ то безъ шкоды нашое

---

1) К. З., XXXVII, л. 424.
2) К. З., XXXIX, л. 452.
3) К. З., XXXVIII, л. 339—340.
4) К. З., XXXVII, л. 390, л. 284.

господарское“ [1]). Конечно, староста или державца той волости, въ которой челобитчику отводились земля или волоки, получалъ немедленное увѣдомленіе о состоявшемся господарскомъ рѣшеніи. Точно также удовлетворялись просьбы о возвращеніи незаконно-отнятой боярской земли. Представленный при этомъ господарскій листъ являлся лучшимъ доказательствомъ справедливости просьбы челобитчика. Если при этомъ земля была „отчизная“, то она подтверждалась самому челобитчику, его женѣ и дѣтямъ „мужчизъного роду“, разумѣется, при условіи несенія военной службы „яко и иные бояре-шляхта“ [2]), а мѣстный державца или староста получалъ распоряженіе „ту землю зъ сеножатьми къ нему прислухаючими“ отдать немедленно челобитчику. Съ неменьшей благосклонностью и вниманіемъ господарь долженъ былъ отнестись къ тѣмъ изъ челобитчиковъ, которые просили объ уступкѣ имъ лѣса для разработки подъ условіемъ уплаты чинша, но съ льготой на нѣкоторое количество лѣтъ. Въ данномъ случаѣ, это прямо было выгодно господарскому скарбу, и правительство, весьма заинтересованное въ разработкѣ лѣса подъ пашни, давало на просьбы челобитчиковъ положительный отвѣтъ [3]). Съ такимъ же отмѣннымъ вниманіемъ правительство относилось къ тѣмъ челобитчикамъ, которые просили о добавочномъ вознагражденіи вслѣдствіе того, что у нихъ была „отчизная“ земля слишкомъ малой. Въ ея увеличеніи было заинтересовано и само правительство, такъ какъ при большемъ обезпеченіи землей, и боярская военная служба отправлялась бы болѣе исправно [4]).

Ходатайства бояръ о подтвержденіи полученныхъ земель не встрѣчали отрицательнаго отношенія со стороны господаря. Всѣ ходатайства бояръ о подтвержденіи имъ земель—пустовщинъ, отведенныхъ старостами и державцами—обыкновенно утверждались. Листъ, представленный челобитчикомъ, являлся вполнѣ достаточностью гарантіею того, что челобитчикъ бояринъ проситъ о землѣ пустой, ненаселенной, съ которой уже давно не было никакихъ поступленій въ господарскій скарбъ. Оставляло также правительство за челобитчиками земли и въ томъ случаѣ, когда просители вмѣсто представленія листа отъ провинціальнаго агента, ссылались

[1]) К. З., XLIV, л. 81.
[2]) К З., XLIV, л. 95.
[3]) К. З., XLIV, л. 27.
[4]) К. З., L, л. 58.

на право давности. Конечно, такое подтвержденіе было дѣйствительно „лаской господарской", и, если господарь находилъ возможнымъ удовлетворить просьбу челобитчика, то, очевидно, имѣлъ въ виду, какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, ту затрату труда и капитала, которая была вложена въ данную землю, вслѣдствіе чего господарь находилъ, надо полагать, невозможнымъ отдалять боярина отъ его земли. По существу, правительство отъ этого ничего не теряло. Отобравъ такую землю и припустивъ ее къ господарскому замку, правительство все равно должно было дать боярамъ-просителямъ землю въ другомъ мѣстѣ. Отдача же той земли, которой они владѣли, съ точки зрѣнія боевой готовности бояръ, была даже предпочтительнѣе [1]). Точно также, съ точки зрѣнія финансовой и военной правительство не могло ничего имѣть противъ боярскихъ просьбъ о передачѣ земель при жизни отца дѣтямъ, или имъ же послѣ его смерти, или брату— послѣ смерти другихъ совладѣльцевъ-братьевъ. Разъ дѣти получали во владѣніе уже землю, бывшую въ пользованіи отца, слѣдовательно, болѣе или менѣе культурную, то правильное отбываніе боярской военной службы было фактически гарантировано. Естественно, что челобитчики не встрѣчали отказа. Земли, по просьбѣ отца, справлялись за сыновьями [2]). По просьбѣ сыновей земли умершаго отца оставались за ними, „потому яко и отецъ ихъ то на себе держалъ", при условіи, конечно, отправленія военной повинности „конъно и збройно" „до достаточънейшого выведенія и постановленія [3]). Также относился господарь къ просьбамъ объ оставленіи за просителемъ имѣнія, принесеннаго женой въ качествѣ приданнаго. При удовлетвореніи всѣхъ этихъ ходатайствъ правительство, разумѣется, имѣло въ виду государственные интересы, да къ тому же всѣ просьбы бояръ имѣли вполнѣ законныя основанія. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находилось правительство, разбирая ходатайства о подтвержденіи земель на основаніи листовъ, выданныхъ королевой Боной. Такихъ пожалованій не встрѣчается особенно много. Тѣмъ не менѣе они существуютъ и назвать ихъ законными нельзя. Мать короля—Бона не занимала никакого офиціальнаго положенія, а потому и дѣлать какія бы то ни было раздачи не имѣла права. Это прекрасно сознавалъ самъ

[1]) К. З., XXXIX, л. 20.
[2]) К. З., XLI, л. 140.
[3]) К. З., XLI, л. 141—143.

господарь, когда писалъ въ своихъ листахъ, что „королевая ее милости и великая княгиня Бона пани матка наша не мела жадное моцы никому властности нашое отъдавати“. Однако, находя неудобнымъ „на сторону отъкладывати“ ея листы, Сигизмундъ II, въ концѣ концовъ, находилъ возможнымъ утвердить пожалованіе Боны, хотя бы послѣднее было произведено незаконно. Но это былъ актъ милости, это была „ласка господарева“ [1]).

Утверждались также и всѣ отмѣны, отведенныя боярамъ. Разъ правительство принципіально признавало необходимымъ дать боярамъ отмѣну за ихъ „отчизныя земли“, то, естественно, что всѣ челобитія объ отмѣнѣ должны были быть утверждены господаремъ. Въ сущности, въ данномъ вопросѣ господарю принадлежала только региструющая роль. Онъ долженъ былъ во всемъ положиться на дѣйствія своихъ агентовъ. Точно также не могло встрѣтить возраженій со стороны господаря и ходатайство объ оставленіи за бояриномъ земли подъ условіемъ платежа чинша, такъ какъ правительство было весьма заинтересовано въ томъ, чтобы возможно больше земель было разобрано на чиншъ. При подтвержденіи всѣхъ видовъ вышеназванныхъ челобитій, правительство не проявляло особенной активности, смотрѣло лишь за тѣмъ, чтобы всѣ представленные документы были въ исправности. Но иногда приходилось выполнять и болѣе активную роль. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда на одну и ту же землю заявляли притязанія два лица. Въ данномъ случаѣ приходилось произвести судебное слѣдствіе—провѣрить представленные документы и потомъ вынести соотвѣтствующую резолюцію. Когда господарь убѣдился, что у группы бояръ Виленскаго повѣта паномъ Кучуновичемъ была отнята незаконно земля, на которую послѣдній заявлялъ притязаніе, онъ немедленно выдалъ новый подтвердительный привилей [2]). Наконецъ, господарь находилъ возможнымъ утверждать разнаго рода земельныя сдѣлки, совершавшія между боярами.

Что же касается боярскихъ челобитій объ оставленіи ихъ въ боярскомъ званіи, то безусловно въ положительномъ смыслѣ удовлетворялись тѣ изъ челобитій, въ которыхъ просители могли сослаться на какіе-нибудь документы, которые оправдывали бы ихъ челобитія объ оставленіи за ними боярскаго званія. Конечно, такой документъ долженъ былъ относиться ко времени пред-

---

1) К. З., XXXVIII, л. 438.
2) К. З., XLI, л. 69.

шественниковъ господаря. Когда бояре Пацевичи хлопотали объ оставленіи за ними боярскаго званія, они имѣли полное основаніе добиваться удовлетворительнаго выполненія ихъ просьбы, ибо могли сослаться на привилей великаго князя Александра. И, конечно, господарь, ознакомившись съ челобитіемъ Пацевичей, не могъ не вынести никакой иной резолюціи кромѣ той, согласно которой упомянутые бояре получали обратно свою землю, уже измѣренную на волоки, а также были оставлены въ прежнемъ боярскомъ званіи подъ условіемъ несенія соотвѣтствующей военной службы [1]). И группа жмудскихъ бояръ—Озахаревичей выиграла дѣло только потому, что положила передъ господаремъ „листъ короля его милости Жигимонта" и кромѣ того доказала, что еще раньше державцы пытались ихъ примучить къ тяглой службѣ, но довольно скоро отказались отъ своего намѣренія, убѣдившись, что они несутъ боярскую службу наравнѣ со шляхтой [2]).

Иногда господарю приходилось разбираться въ довольно большомъ количествѣ документовъ прежде, чѣмъ вынести соотвѣтствующее рѣшеніе.

Также бояре Виленскаго повѣта Лидской волости — Якубъ Блежный, Миколай Лавриновичъ, Болтромей Радивоновичъ, Миколай Венцуковичъ, Томко Томтвиловичъ „з братіею своею" рѣшительно настаивали на своемъ боярскомъ званіи, ссылаясь на листъ великаго князя Казимира, выданный ихъ предкамъ и закрѣпившій за ними ихъ отчизную землю. Однако, не смотря на это панъ Янъ Кучуновичъ отнялъ у нихъ отчизныя земли и присоединилъ ихъ къ своему имѣнію, отдавъ имъ за это „Кирклеевщину" пустовщину. При королѣ Александрѣ, отцовъ ихъ постигла новая непріятность. Намѣстникъ Ожскій и Переломскій панъ Андрей Алехновичъ сталъ ихъ привлекать „ку службѣ", ссылаясь на то, что данная земля „Кирклеевщина" — волостная. Было подано челобитіе королю Александру. Разборъ дѣла былъ порученъ господарскому маршалку пану Войтеху Яновичу, который призналъ ихъ требованіе справедливымъ „пашолъ есьми тыхъ бояръ отъ тяглое службы и отъ дякла правыхъ и казалъ есьми имъ во всемъ дати покой, не казалъ есьми ихъ на службу тяглую гнати, и дякла на нихъ правити, ни иньшихъ поплатовъ, яко у себи они

[1]) К. З., XXXVII, л. 433.
[2]) К. З., XXXVII, л. 376.

служивали подлугъ милости и данины господаря короля Казимера". Ссылаясь на документы, на листъ короля Казимира и судовый листъ господарскаго маршалка—господарскіе бояре просили объ оставленіи ихъ при боярской службѣ подобно тому, какъ ее раньше несли ихъ предки [1]).

Однако, не всегда бояре, отправлявшіе земскую службу, выигрывали дѣло, даже если представляли соотвѣтствующіе документы. Слонимскіе бояре, Марко Дорофеевичъ и Тимофей Нестеровичъ, хлопотавшіе отъ своего имени и своей братіи, хотя и ссылались на листы великаго князя Витовта, который приказалъ имъ никакой иной службы, кромѣ земской, не нести, добились только одного: господарь сообщилъ старостѣ Слонимскому пану Григорію Воловичу и ревизору пану Андрею Ильковскому „абы есте ихъ и братию ихъ ку службе тяглой не примучали, але осадили есте ихъ и братию ихъ на плате, яко путныхъ людей заховываючися въ томъ подлугъ уставы волочное и водле розсказанія нашого". [2])

Въ практикѣ аграрной реформы попадалось не мало случаевъ, когда лица, хлопотавшія объ оставленіи ихъ въ боярскомъ званіи, получали удовлетворительный отвѣтъ на ихъ просьбу, хотя могли представить не листы великаго князя, а только листы крупнаго администратора, не подтвержденные господаремъ. Конечно, для послѣдняго такіе листы не имѣли никакого значенія и ничѣмъ не могли стѣснить его волю, и, если господарь соглашался „вчинить ласку" и удовлетворялъ челобитчиковъ, то, по всей вѣроятности, исключительно въ силу значенія и вѣса того лица, который выдалъ соотвѣтствующій боярамъ листъ. Такъ бояре межирицкіе были оставлены при своихъ земляхъ и вольностяхъ, а между тѣмъ они могли сослаться только на листы пана Матвѣя Войтеховича Яновича, старосты Жмудскаго. Несомнѣнно, вчиненіе ласки—результатъ вниманія господаря къ политическому вѣсу и значенію старосты Жмудскаго [3]). Точно также бояре Трабскіе „втекли до господаря", чтобы ихъ оставили „при такой же службе и повинностяхъ", какія они несли при покойномъ Гаштольдѣ. Господарь удовлетворилъ ихъ просьбу и приказалъ имъ „службу боярскую ку двору Трабскому слу-

---

1) К. З.. XLI, л. 69.
2) К. З., XXXVII л. 352.
3) К. З., XXXVIII л. 24.

жити“. Основаніемъ для такой резолюціи могло быть то, что Гаштольдъ—крупная фигура на политическомъ горизонтѣ великаго княжества. Затѣмъ, дворъ „Трабы“ только недавно перешелъ въ руки господаря. Естественно, послѣдній хотѣлъ оставить все такъ, какъ было при Гаштольдѣ. Это дѣлалось въ цѣляхъ успокоенія населенія [1]).

Центральное правительство очень внимательно разбирало всѣ недоразумѣнія между боярами и сосѣдями-подданными, но стремилось при этомъ къ тому, чтобы не пострадали господарскіе интересы, вѣрнѣе, интересы скарба. Когда при разборѣ дѣла между гомельскимъ бояриномъ Саввой Богдановичемъ и господарскимъ подданнымъ Тишко Полуяновичемъ выяснилось, что первый хлопоталъ о данинѣ-пустовщинѣ, а получилъ землю населенную, и такъ какъ въ господарскомъ листѣ даны „тые две земли пустовскіе, неоселые“, то эти же двѣ земли оказались за поддаными, въ удостовѣреніе чего они представили господарскіе листы. Такъ какъ подданные съ этихъ земель должны „платъ до скарбу нашого платити и повинности замковые полнити“, то земли были оставлены за подданными, пока онѣ не потребуются господарю [2]). Разумѣется, другой резолюціи быть не могло, разъ правительство, раздавая земли, старалось обезпечить и интересы своего скарба. Если же подданные, заявившіе претензіи на боярскія земли, на самомъ дѣлѣ никакихъ правъ на нихъ не имѣли, а права боярина были внѣ всякаго сомнѣнія, то, дѣло выигрывалъ бояринъ. Такъ, господарь потвердилъ право владѣнія „селищемъ“ Кричевскаго боярина, такъ какъ выяснилось, что онъ имѣлъ на него законныя права. Слѣдовательно, поступалъ „своеволне“ не бояринъ, а господарскіе подданные, не желавшіе имѣть сосѣдомъ боярина Константиновича и косвеннымъ образомъ пытавшіеся захватить свободную пустовщину [3]).

Когда господарю приходилось разрѣшать недоразумѣнія между боярами и шляхтой, то права бояръ всегда находили въ господарѣ защитника, если только бояре могли представить какіе бы то ни было документы, подтверждавшіе ихъ право владѣнія. Когда выяснилось, что шляхтичъ Янъ Кучуновичъ совершенно незаконно отнялъ земли у группы бояръ Виленскаго повѣта, то господарь подтвердилъ представленные ими листы своихъ

---

1) К. З., XXXVIII л. 8—9.
2) К. З., XXXVII л. 355.
3) К. З., XXXIX л. 25.

предковъ—„им самим, жонам, детем и потомъком“. И, конечно, пану пришлось отказаться отъ своей экспропріаціи [1]).

Проведеніе въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій правительства, нарушившихъ извѣка сложившіяся отношенія, создавало не мало недоразумѣній среди господарскихъ подданныхъ. Кажется, ревизоры неособенно считались съ тяглымъ населеніемъ и были исключительно заняты точнымъ выполненіемъ возложеннаго на нихъ порученія, для чего устава о волокахъ давала правительственнымъ агентамъ самыя широкія полномочія. Занятые „умноженіемъ пожитковъ“ велико-княжескаго скарба, ревизоры мало считались съ отдѣльными разрядами сельскаго населенія, произвольно переводили изъ одного разряда въ другой, чѣмъ, конечно, сильно задѣвали заинтересованныхъ лицъ, нежелавшихъ опуститься до положенія обыкновеннаго тяглаго человѣка. Конечно, активно противодѣйствовать воли ревизора пострадавшія лица не могли. Поэтому, у нихъ оставалось только единственно законное средство—выступить съ протестомъ противъ дѣйствій агентовъ въ видѣ подачи соотвѣтствующаго челобитія господарю. Обиліе господарскихъ отвѣтовъ на такія челобитія служитъ прекраснымъ доказательствомъ того волненія и недовольства, которое охватило господарскихъ подданныхъ изъ числа несшихъ особыя службы и отправлявшихъ спеціальныя повинности.

Устава о волокахъ, указывая на необходимость увеличенія „господарскихъ пожитковъ“, рекомендовала увеличеніе разрядовъ тяглаго населенія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это обстоятельство заставило ревизоровъ посадить на чиншъ и тягло такіе разряды сельскаго населенія, которые до послѣдняго времени были совершенно свободны отъ тяглой службы. Ревизоры имѣли полное основаніе такъ поступать, такъ какъ устава о волокахъ предоставляла имъ право опредѣлить, сколько лицъ, не несшихъ тяглой службы, необходимо оставить для нуждъ двора. Несомнѣнно, ревизоры были очень усердны. Они заботились о томъ, чтобы возможно большее количество земли было разобрано, и потому сажали на волоки всѣхъ, кто для этого подходилъ, не считаясь съ его прошлымъ юридическимъ состояніемъ и даже не пытаясь разобраться въ вопросѣ, на какомъ правѣ тотъ или другой крестьянинъ несъ особую службу и отправлялъ спеціальныя повинности. Между тѣмъ, дѣло обстояло далеко не такъ про-

[1]) К. З. XLI л. 69.

сто. Среди лицъ, отправлявшихъ особую службу, попадались элементы, посаженные на эту службу старостой, державцами, исключительно имѣвшими въ виду удовлетвореніе потребностей господарскаго двора. Положеніе такого разряда населенія было юридически неустойчиво, и ревизоръ имѣлъ полное основаніе обратить его въ положеніе тяглаго человѣка и заставить платить чиншъ. Но иногда ревизоры совершали прямо таки нарушеніе законнаго права. Это бывало въ томъ случаѣ, когда они привертывали населеніе къ тяглой службѣ, а между тѣмъ пострадавшія лица имѣли подъ руками документы, которые имѣли обязательную силу и дѣлали ихъ положеніе юридически устойчивымъ. Въ этомъ случаѣ, заинтересованныя лица могли сослаться на привилеи литовско-русскихъ господарей, выданные ихъ предкамъ и удостовѣрявшіе старинность ихъ службы, на что ревизоры все-таки не обратили вниманіе. Когда ревизоръ Авраамъ Кунцевичъ „повернулъ въ тяглую службу“ подданныхъ Неменчипкой волости, „селъ Трошкуны, Кемешили, Локшинискп“, то послѣдніе, считая себя „боярами путными стародавными“ и ссылаясь на „листы королей Казимира и Александра“ и не желая быть „не въ путныхъ боярахъ“, просили великаго князя Сигизмунда „заховать ихъ водле уставы“. оставить за ними волости, „которые подъ собою маютъ“, освободить отъ тяглой службы и „безъ росказанія господарскаго никогда не посылать ихъ въ дорогу“. Челобитіе подданныхъ-путныхъ бояръ отличается довольно категорическимъ и рѣшительнымъ тономъ, и это вполнѣ понятно: путные бояре прекрасно понимали, что на ихъ сторонѣ право, а потому естественно не желали смягчать своего тона и переносить вопросъ изъ области права въ область господарскаго усмотрѣнія, господарской ласки [1]).

Среди челобитій, подданныхъ путными боярами, не мало найдется такихъ, въ которыхъ челобитчики просятъ о подтвержденіи путной службы даже, если послѣдняя была оставлена ревизоромъ за челобитчикомъ и не вызывала съ его стороны никакихъ возраженій. Такая осторожность вполнѣ понятна: господарское подтвержденіе ревизорскаго распоряженія превратитъ состояніе путнаго боярина въ наслѣдственное и въ тоже время на будущее время обезпечитъ его отъ всякаго рода поползновеній со стороны ревизоровъ. Такъ поступилъ путный бояринъ двора Вилькейскаго

[1]) К. З., XXXVII л. 376.

„Спонявазки“ Янъ Мацковичъ Болесъ, котораго ревизоръ Войтехъ Девялтовскій оставилъ въ „путныхъ боярахъ“. Ревизоръ имѣлъ полное основаніе для такого рода распоряженія. Упомянутый путный бояринъ купилъ землю „за свои властные пенези“ у бояръ-шляхты, что было потверждено сосѣдями-шляхтичами. Понятно, что ревизоръ былъ обязанъ оставить Яна Мацковича въ боярскомъ званіи, обложивъ его только чиншемъ „за вси повинности“ съ тѣхъ господарскихъ земель, которыя находились въ державіи Яна, но при этомъ освободилъ его отъ всякихъ иныхъ повинностей—„ку двору Вилькейскому чинити и полнити, ку подводы ходити“, за исключеніемъ только одной военной службы. [1]) Челобитія объ оставленіи въ путныхъ и панцырныхъ боярахъ подавались и при преемникахъ Сигизмунда II, когда провѣрялись итоги произведенной реформы и исправлялись разнаго рода недостатки. Эта провѣрка и исправленіе недочетовъ реформы были также опасны для путныхъ и панцырныхъ бояръ, какъ и самая реформа. Подачей же челобитія и полученіемъ господарскаго листа, если таковаго у боярина не было, путный бояринъ укрѣплялъ свое положеніе и дѣлалъ его забронированнымъ по отношенію къ господарскимъ агентамъ. Бояринъ Мстиславскаго повѣта Андрей Рогословскій хлопоталъ о подтвержденіи своей панцырной службы, которую несъ его отецъ, и которая согласно пожалованію Мстиславскаго воеводы, должна была быть наслѣдственной въ его семьѣ. Съ этой цѣлью онъ представилъ выпись изъ градскихъ книгъ „подъ печатью его милости пана Павла Паца, воеводы Мстиславскаго, выданную подъ датой 1580 года [2]). Другіе бояре, — напр. Пропойскіе бояре, Иванъ Омельяновичъ съ сыномъ ограничились предъявленіемъ листовъ старосты, ссылаясь на который они хлопотали объ оставленіи за ними земли и несенія службы конемъ „съ иншими боярами“ [3]).

Иногда путные бояре хлопотали передъ господаремъ о дарованіи имъ отмѣны или о возвращеніи имъ земель, отобранныхъ подъ господарскія волоки. Трудно установить, въ какихъ случаяхъ путный бояринъ могъ требовать отмѣны, въ какихъ случаяхъ нѣтъ. По всей вѣроятности, отмѣна давалась только въ томъ случаѣ, когда путный бояринъ располагалъ какимъ-либо

[1]) К. З., XXXIX, л. 492.
[2]) К. З., LXXVI, л. 190.
[3]) К. З., LXXVI, л. 154.

документомъ, удостовѣрявшимъ его право на владѣніе землей, когда присоединеніе „путной земли“ къ господарскимъ землямъ безъ отмѣны могло считаться нарушеніемъ права земельной собственности. Такъ у путныхъ бояръ Ейшишской волости отобрали селища „Строчевичи и Яхневичи“ и дали ихъ въ отмѣну маршалку и господарскому писарю, старостѣ Тыкотинскому пану Яну Шимковичу. Поэтому, путные бояре били чоломъ, чтобы имъ была дана отмѣна землями въ томъ же размѣрѣ „якъ взяли“ [1]).

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создавала не мало безпокойствъ и для другихъ разрядовъ населенія, отправлявшихъ спеціальныя повинности. Имъ тоже грозило обращеніе въ тяглое состояніе. Поэтому, заинтересованныя лица спѣшили съ подачей господарю челобитія объ оставленіи ихъ въ прежнемъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было прямо необходимо, такъ какъ возложеніе на подданнаго той или другой спеціальной повинности дѣлалось по частному распоряженію и, слѣдовательно, для укрѣпленія положенія нуждалось въ господарскомъ подтвержденіи. Старосты пограничныхъ замковъ, озабоченные приведеніемъ замковъ въ должную боевую готовность, раздали не мало земель на пушкарской службѣ. Также поступала и королева Бона въ Пинскомъ старостѣ. Насколько такія пожалованія были неустойчивыми, показателемъ этого можетъ служить слѣдующій примѣръ. Королева Бона посадила на службу пушкарскую въ замкѣ Пинскомъ Васька Бакуновича съ выдачей ему ежегодно опредѣленнаго юркгельта, состоявшаго „изъ двѣнадцати копъ литовское личъбы, а по двадцати бочокъ жита“, „и безъ меръки жита ему молоти дозволила“, „тысечу соли, две бочъки солоду, бочъку крупъ, бочъку гороху, бочъку рыбъ“. За этотъ юркгельтъ пушкарь былъ обязанъ ежегодно „до замку робити по шести гаркабузовъ зъ железа нашого, а два гаръкабузы зъ железа своего доброго ку стрельбе зовъсимъ готовые, а камень пороху доброго дельного давати, а уголье з замку нашого“. Наконецъ, пушкарь получалъ еще плацъ для дома. Пока Бона была жива, все шло благополучно: пушкарь получалъ юркгельтъ и отправлялъ свою пушкарскую службу. Когда же во главѣ Пинскаго Староства сталъ панъ Станиславъ Фальчевскій, то пушкарскія повинности были возложены на другое лицо. Естественно, что прежнему пострадавшему пушкарю оставалось только ходатайствовать передъ

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 347.

господаремъ „абыхъмо его водле того листу королевое ее милости Боны заставили на той службе пушъкарской“ [1]). Конечно, ничего подобнаго съ пушкаремъ не случилось бы, если у него подъ руками находился бы соотвѣтствующій господарскій листъ. Не мало, конечно, пушкарей стало тяглыми во время производства аграрной реформы, когда во всѣхъ замкахъ было оставлено минимальное количество разнаго рода слугъ. Обиліе пушкарскихъ челобитій является прекраснымъ доказательствомъ того, какъ аграрная реформа задѣвала интересы этого разряда населенія. Особенно это было непріятно для тѣхъ пушкарей, которые считали свое состояніе наслѣдственнымъ. Конечно, эти перемѣны стали возможны только потому, что пушкари не пріобрѣли своевременно господарскаго подтвердительнаго листа. Господарскіе подданные Войтехъ Криштофъ и Янъ Станиславовичъ жаловались господарю на дѣйствія писаря пана Лаврина Войны и на справцу староства Городенскаго пана Себастіана Дыбовскаго, производившихъ аграрную реформу въ Городенскомъ староствѣ и отобравшихъ у нихъ три земли—одну отчизную, а двѣ другія, полученныя отъ королевы Боны, которыя спокойно держалъ ихъ отецъ „небожчикъ Станиславъ“ и которыя описаны на господаря при производствѣ волочной помѣры. Господарскіе агенты заставляли ихъ нести стрѣлецкую службу и платить чиншъ, а между тѣмъ, по словамъ челобитчиковъ, они не несли до сихъ поръ никакой службы—„одно службу пушкарскую“. Поэтому, представивъ листы королевы Боны, два пушкаря просили господаря оставить ихъ „подъ повинность ихъ стародавную“ и не велѣть „ку службамъ стрелецкимъ примучати и чиншу на нихъ брати“, но оставить „ихъ при службѣ звыклой пушкарской“ [2]).

Господарскіе подданные, ставшіе пушкарями, стремились свое состояніе сдѣлать наслѣдственнымъ, съ каковой цѣлью хлопотали передъ господаремъ о передачѣ дѣтямъ при жизни своихъ пушкарскихъ обязанностей. Обыкновенно, мотивомъ для такого ходатайства была фактическая невозможность выполнять пушкарскія повинности. Одновременно съ ходатайствомъ о передачѣ пушкарскаго званія сыну пушкарь возбуждалъ ходатайство и объ оставленіи за его сыномъ и тѣхъ селищъ, на которыхъ онъ сидѣлъ для исправнаго выполненія пушкарской службы. Такъ пушкарь

---

1) К. З., XLI, л. 200

2) К. З., XLVIII, л. 56.

замка Кричевскаго Иванъ Герцыкъ, будучи не въ силахъ „службы пушкарской чинити", просилъ объ оставленіи службы за его сыномъ Семеномъ, а также и селища, на которомъ онъ „домомъ въ месте Кричовскомъ промышляетъ з двумя огородами", и кромѣ того и принадлежавшей ему около города пашенной земли [1]). Точно также и братья какого-нибудь пушкаря неоднократно хлопотали о передачѣ имъ послѣ его смерти „пушкарской службы и селищъ". По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ покойный пушкарь не оставилъ дѣтей „мужскаго рожаю", и это обстоятельство открывало свободный путь для ходатайства братьевъ объ оставленіи за ними и пушкарскаго званія, и земли, бывшей во владѣніи брата [2]).

Не оставались покойными и пушкари, получившіе на пушкарство волоки, записанныя въ волочные реестры. Для нихъ было очень важно точное опредѣленіе пушкарскихъ повинностей, чтобы впослѣдствіи было немыслимо произвольное ихъ увеличеніе, благодаря одностороннимъ дѣйствіямъ старосты или державцы. Поэтому, у пушкарей является желаніе закрѣпить господарскимъ листомъ тѣ повинности, которыя онъ долженъ былъ нести.

Конечно, не всѣ пушкари были такъ предусмотрительны, но все же такая подача челобитія не можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто экстроординарное, выходящее за предѣлы установившихся традицій и обычаевъ.

Такъ пушкари Могилевскаго замка, сообщая господарю, что Могилевскіи намѣстники панъ Беркулабъ Ивановичъ Корсакъ и дьякъ Андрей Ивановичъ „помераючи земли на волоки въ месте Могилевскомъ", дали имъ 8 волокъ земли, то-есть на каждаго по 2 волоки вольныхъ. Кромѣ того, ими же было постановлено давать изъ господарскаго скарба ежегодно по 12 копъ грошей, за что они были обязаны „стрельбу тамошнего замка справовати и на замокъ по 60 фунтовъ пороху каждый годъ давати, и порохъ робити". Кромѣ того, для выдѣлки селитры староста долженъ былъ давать все необходимое, а также и нужное количество рабочихъ рукъ въ зависимости отъ работы и потребностей въ ней. Поэтому, пушкари просили господаря выдать имъ соотвѣтствующій подтвердительный листъ, который закрѣпилъ бы за ними ихъ пушкарскія повинности [3]). Если же даже, при производствѣ аграрной

---

1) К. З., LXXIII, 81; LXXIV, л. 99.
2) К. З., LXXIV, л. 112.
3) К. З., XXXVII л. 420.

реформы, положеніе пушкарей оставалось безъ измѣненія, и ревизоры осаживали ихъ на пушкарской службѣ, то имъ грозила другая опасность—быть посаженными на иныхъ земельныхъ участкахъ, что, конечно, не могло не нанести удара ихъ хозяйственному положенію. Для своего укрѣпленія пострадавшіе пушкари обращались къ господарю съ просьбой объ оставленіи за ними земельныхъ участковъ, на которыхъ они сидѣли. Такъ Городенскіе пушкари жаловались господарю на то „ижъ што они здавна за предъковъ нашихъ и за годное памяти королевое ее милости и великое кнегини Боны—пушкаръми были и на тую службу пушкарское землли подъ собою мели". Однако, во время производства аграрной реформы, эти земли были отписаны на господаря, и имъ дано было по двѣ волоки земли, которыми они безпрепятственно до сихъ поръ пользовались. Но вотъ стряслась надъ ними бѣда: справцы дворовъ городенскихъ панъ Лавринъ Война и панъ Станиславъ Дыбовскій стали гнать ихъ и съ этихъ волокъ. Поэтому они ходатайствовали передъ господаремъ „абыхмо имъ ласку нашу учинили и при тѣхъ волокахъ на той же службе пушкарской зоставили" [1]).

Впрочемъ, не всегда пушкари довольствовались полученіемъ волокъ вмѣсто наслѣдственной земли. Тогда они возбуждали особое ходатайство передъ господаремъ объ оставленіи за ними старыхъ земель, если новыя по какой либо причинѣ были имъ мало удобны. Такъ пушкари Городенскаго замка Андрей Яновичъ и Петръ Балтромеевичъ „зъ братьею своею", заявляли, что они двумя волоками земли, лежавшими въ Ивасовской волости, владѣли „стародавне". Эти волоки составляли ихъ „отчизную землю", съ которой они сами и ихъ предки „службу пушкарскую служили". Кромѣ того, по распоряженію Боны, отцу ихъ были даны двѣ волоки въ качествѣ отмѣны за тѣ земли, которыя панъ гетманъ, наивысшій, маршалокъ дворный панъ Юрій Миколаевичъ Радивиллъ далъ ихъ предкамъ для службы пушкарской. Благодаря же волочной помѣрѣ, теперь эти земли у нихъ отбираются, и они должны съ тѣхъ селищъ, на которыхъ „предъки отцы ихъ и они сами домами своими седели прочь зноситися", такъ какъ этими землями „старожитными" собираются дать отмѣну городенскому боярину Курчу. Поэтому, они просятъ господаря „абыхъмо ихъ съ тыхъ земель садибъ и земль стародавъ-

[1]) К. З., XLII л. 20.

ныхъ рушати не казали". Они даже готовы перейти на стрѣлецкую службу, лишь бы только остаться держателями отчизныхъ земель [1]).

Иногда пушкарямъ удавалось купить немного земли у сосѣдей земянъ. Сдѣлка обыкновенно записывалась въ книги уряда замка или двора. Покупщикъ бралъ изъ нихъ выпись, представлялъ ее господарю и ходатайствовалъ о подтвержденіи за нимъ его купли. Когда пушкарь Кричевскаго замка Митко Ивановичъ Корыпачъ купилъ землю у Кричевскихъ земянъ Пчелодъ, продавшихъ ему часть своего имѣнія, бывшаго выслугой ихъ отца и предоставленной Сигизмундомъ II ихъ отцу на вѣчность, то съ представленіемъ выписи изъ книгъ замковаго уряда пушкарь хлопоталъ передъ господаремъ объ оставленіи за нимъ купленной земли [2]).

Не мало безпокоили господаря своими челобитіями и „кухари". Среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить два разряда кухарей—одни несли кухарскую повинность еще до производства аграрной реформы; другіе стали кухарями только послѣ волочного измѣренія, будучи раньше просто тяглыми людьми. Принципіально кухари сидѣли на волокахъ, вольныхъ отъ всякихъ повинностей. Это было общее положеніе волочной уставы. Но въ рукахъ кухаря могла какъ-нибудь очутиться волока или двѣ волоки земли, съ которой онъ былъ обязанъ нести тяглую службу, такъ какъ волока могла быть „тяглой". Иногда въ такихъ случаяхъ кухарь подавалъ господарю челобитіе и просилъ его объ освобожденіи его отъ тяглой службы съ той волоки, которая попадала въ его руки. Такъ въ рукахъ кухаря Щастнаго Богдановича Курембича очутилась одна волока земли, которую его отецъ Богданъ Куремба купилъ у господарскаго подданнаго волости Скидельской. Отецъ кухаря платилъ съ нея чиншъ и „служъбу тяглую посполъ съ иньшими подданными нашими служивалъ". Сынъ, ставъ кухаремъ, сталъ хлопотать передъ господаремъ объ оказаніи ему господаревой ласки въ видѣ освобожденія его отъ „подачекъ" и „службы" съ той волоки, которая перешла къ нему по наслѣдству отъ его отца. Правда, челобитчикъ просилъ еще объ отводѣ другой волоки земли, такъ какъ отецъ его и онъ самъ раньше кухарями не были [3]).

[1]) К. З. XLII, л. 29—30.
[2]) К. З. LXXIII, л. 80.
[3]) К. З. XLII, л. 1.

Съ производствомъ аграрной реформы земли кухарей, какъ господарскихъ подданныхъ, измѣривались на волоки. Конечно, такое измѣреніе на волоки и возможное отобраніе наслѣдственныхъ земель было нежелательно для кухарей. И только подача челобитія могла остановить ходъ волочного измѣренія. Кухари такъ и поступали. Городенскій кухарь Радюкъ Игнатовичъ заявилъ господарю, что еще при жизни королевы Боны онъ получилъ 2 волоки въ селѣ Родевичахъ для несенія кухарской службы, въ удостовѣреніе чего онъ представилъ соотвѣтствующій листъ, выданный Боной. До производства аграрной реформы—право его собственности на землю не было никѣмъ заподозриваемо. Онъ спокойно „держалъ и уживалъ" землю. Съ началомъ производства новой аграрной реформы его землю стали мѣрить на волоки. Поэтому, кухарь обратился къ господарю съ челобитіемъ „абыхмо ему въ томъ кривды делать не казали" [1]).

Иногда кухари, ходатайствуя объ оставленіи за ними волокъ данныхъ ранѣе при Бонѣ, указывали, что имъ приходится переносить свои усадьбы „не на такой добрый кгрунтъ", а потому просили господаря оставить ихъ при старыхъ волокахъ и „сътое усадьбы рушати его не казали". Такъ ходатайствовалъ передъ господаремъ Городенскій кухарь Криштофъ Яновичъ [2]).

Если господарскіе агенты въ однихъ дворахъ увеличивали число кухарей, а въ другихъ сокращали, то не мало было случаевъ, когда кухарь, считавшій свою службу наслѣдственной, благодаря одностороннему дѣйствію правительственнаго агента, превращался въ тяглаго человѣка. Въ поискахъ защиты и возстановленія нарушеннаго права кухарь обращался къ господарю. Такъ господарскіе кухари Янъ Томасовичъ и Якубъ Юрьевичъ жаловались господарю, что сначала они имѣли на службѣ кухарской четыре волоки. При производствѣ аграрной реформы эти волоки оказались присоединенными къ волости Олитской. Державца сталъ считать ихъ тяглыми людьми, обложилъ ихъ чиншемъ и сталъ собирать съ нихъ серебщину. Такія дѣйствія державцы, по мнѣнію челобитчиковъ, совершенно незаконны, такъ какъ они „съ предковъ своихъ съ тое земли, которую маютъ подъ собою, николи службы тяглое не служивали цыншовъ и серебъ-

[1]) К. З., XLII, лл. 21-22, см. К. З., XLII, л. 32. К. З., XLIII л. 22, 23, 25, 32.

[2]) К. З., XLII, л. 25.

щызъны не давали, одъну службу кухаръскую служивали“, въ удостовѣреніе чего они сослались на листы великаго князя Александра. Основываясь на этомъ, челобитчики, по словамъ господаря, просили его „абыхмо имъ въ томъ кривды чинити не казали“, а ихъ при тыхъ чотырехъ волокахъ на службе кухаръской подлугъ уставы нашое заставили, а отъ службы тяглое и отъ цыншовъ вольными ихъ втянили“ [1]).

Если земли, которыя лица, несшія спеціальныя службы, считали наслѣдственными, все-таки отбирались и измѣрялись на волоки, и притомъ держатели земель получали за это соотвѣтствующую отмѣну, то владѣльцы тогда просили господаря объ оставленіи за ними ихъ земель нетронутыми. Такое челобитіе вполнѣ понятно: переходъ на новое мѣсто даже при совершенно одинаковыхъ условіяхъ матеріально былъ разорителенъ. Такъ кухарь дворный Петръ Мытища сообщилъ господарю, что его земля „Гриневщина“, которой владѣлъ его отецъ Михно на основаніи листовъ великаго князя Александра и Сигизмунда для несенія кухарской службы, теперь паномъ Григоріемъ Воловичемъ взяты подъ господарскія волоки, а ему было дано двѣ волоки въ другомъ мѣстѣ. Челобитчикъ, однако, недоволенъ отведенными двумя волоками и ходатайствуетъ о возвращеніи ему земли, бывшей въ владѣніи его отца [2]).

Иногда кухарямъ случалось возбуждать передъ господаремъ ходатайства о дарованіи имъ отмѣны. Подобнаго рода челобитія могли быть возбуждены только въ томъ случаѣ, если челобитчикъ имѣлъ какіе либо документы въ подкрѣпленіе своей просьбы, и если при этомъ, при производствѣ аграрной реформы, онъ не былъ записанъ, за ненадобностью, на службу тяглую. Эта запись всецѣло, конечно, зависѣла отъ усмотрѣнія того или другого справцы господарскихъ дворовъ. Такъ кухарь Тарасъ Лавриновичъ жаловался господарю, что у него отобрали двѣ волоки земли, которыми владѣлъ его отецъ Лавринъ Савичъ на основаніи листовъ великаго князя Александра и королевы Боны. Послѣдній былъ написанъ на имя Кринскаго намѣстника. Согласно листу Боны, явившемуся копіей листа великаго князя Александра отецъ челобитчика былъ записанъ на службу кухарскую. Несмотря на предъявленные документы, ревизоры его, при производствѣ новой

---

1) К. З., XLII, л. 78.
2) К. З., XLII, л. 43—44.

помѣры въ Городенскомъ староствѣ, помѣрили его земли на волоки, а его прогнали прочь „съ того селища, на которомъ онъ мѣшкалъ", и при этомъ ему за отпятую землю не было дано никакой отмѣны. На этомъ основаніи челобитчикъ проситъ господаря объ отводѣ ему отмѣны за отнятыя незаконно земли [1]).

Аналогичными были просьбы и другихъ элементовъ, отправлявшихъ спеціальныя повинности. Стрѣльцы, при опредѣленіи на господарскую службу, обыкновенно получали въ пользованіе двѣ волоки земли, свободныхъ „отъ плату а всякихъ повинностей тяглыхъ". При разборѣ стрѣльцовъ могло случиться, что лицо, предназначенное для стрѣлецкой службы, сидѣло на тяглыхъ волокахъ и было записано въ реестровыхъ книгахъ. Создавалось странное положеніе: какъ стрѣлецъ—подданный сидитъ на двухъ волокахъ и свободенъ отъ всякихъ повинностей, какъ лицо, сидящее на тяглыхъ волокахъ, оно обязано отправлять послѣднія. Чтобы выйти изъ этого двусмысленнаго положенія, стрѣльцы въ такомъ случаѣ били челомъ господарю „абыхмо ласку господарскую вчинили" и освободили его отъ платежа чинша, а тяглыя волоки дали бы ему для несенія стрѣлецкой службы. Такъ поступилъ подданный Жосленскій Станиславъ Мартиновичъ, предназначенный для стрѣлецкой службы и издавна сидѣвшій на тяглыхъ волокахъ [2]). Если же случалось, что лицо, предназначенное для отправленія стрѣлецкой повинности, сидѣло только на одной тяглой волокѣ, то обыкновенно ходатайство стрѣльца заключалось въ оставленіи за нимъ его волоки и прибавленіи еще другой волоки для отправленія стрѣлецкой службы. Господарскій Олитскій подданный Янъ-Петровичъ просилъ господаря „вчинить" ему господарскую ласку и оставить за нимъ волоку земли, которую раньше онъ держалъ на чиншѣ, для отправленія стрѣлецкой повинности съ прибавленіемъ ему для полноты стрѣлецкаго надѣла еще другой пустой волоки, „прилеглой" къ его волокѣ [3]). Отводъ волокъ подъ стрѣлецкую службу зависѣлъ отъ распоряженій или мѣстнаго державцы, или ревизора. Стрѣльцы должны были безпрекословно садиться на отведенные имъ участки земли Но иногда лица, предназначенныя для отправленія стрѣлецкой службы, ходатайствовали передъ господаремъ объ отводѣ имъ

---

[1]) К. З., XLII, л. 28.
[2]) К. З., XLII, л. 78.
[3]) К. З., XLII, л. 3.

волокъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ имъ подходящихъ, если при этомъ такіе подданные не имѣли никакихъ тяглыхъ волокъ Олитскій подданный Мартинъ Бартошевичъ просилъ господаря дать ему „на тую службу стрелецкую две волоки земли, которыя въ пусте лежатъ за озеромъ надъ рокою Пригою“ [1]).

Иногда стрѣльцы, посаженные на волоки для стрѣлецкой службы въ одномъ мѣстѣ, хлопотали передъ господаремъ о переводѣ ихъ на службу по тѣмъ или другимъ основаніямъ въ другое мѣсто, на которомъ они раньше сидѣли. Стрѣлецъ Стась Панюковичъ, несшій совмѣстно съ своимъ братомъ Романомъ свою службу при дворѣ Симненскомъ, просилъ господаря „вчинить ему ласку“ и дать ему волоки для службы во дворѣ Вороновскомъ, которыя они раньше „держали на циншу“ [2]). Точно также, если стрѣлецъ находилъ полученныя имъ волоки для несенія стрѣлецкой службы недостаточными, онъ хлопоталъ о дополнительномъ надѣленіи. Такъ стрѣльцы Мстиславскаго замка, поставленные паномъ Михаиломъ Нарушевичемъ, нашли, что полученныя ими двѣ волоки недостаточны для „пильнаго“ выполненія стрѣлецкой повинности. Это обстоятельство и заставило стрѣльцовъ просить о дополнительномъ надѣленіи [3]).

До производства аграрной реформы—многіе изъ подданныхъ отправлявшихъ спеціальныя службы, сидѣли на земляхъ, съ которыхъ несли свою службу, и кромѣ того держали на чиншѣ нѣкоторое количество близъ расположенныхъ земель. При производствѣ аграрной реформы—послѣднія земли обыкновенно отписывались на господаря; и благодаря этому держатели спеціальныхъ волокъ попадали въ довольно затруднительное матеріальное положеніе, и имъ приходилось ходатайствовать передъ господаремъ о вчиненіи ласки въ видѣ оставленія за ними добавочной земли подъ условіемъ платежа чинша. Одверный Михайла Костюшковичъ совмѣстно со своимъ братомъ Яцкомъ, кромѣ волокъ для одверницкой службы, держалъ двѣ волоки земли въ селѣ Хлистовичахъ подъ условіемъ взноса въ господарскую казну 80 грошей. Съ производствомъ новаго измѣренія въ Городенскомъ старостве эти земли отошли къ господарскому двору, и благодаря этому они сами „зъ братіею и зъ детьми своими“ не могли про-

[1]) К. З., XLII, л. 3.
[2]) К. З., XLII, л. 60.
[3]) К. Суд. З., XLII л. 11.

кормиться, владѣя только одними одверницкими волоками. Поэтому, въ видѣ выхода изъ создавшагося тяжелаго матеріальнаго положенія — челобитчики просили господаря оставить за нимъ и добавочныя земли при условіи, чтобы они „водле уставы осадъный платъ врочистый, такежъ за овесъ, за сено, за гуси, куры за отвозъ и за все то, што бы съ тыхъ волокъ давати и полнити были повинъни пенезами платити“ [1]).

Иногда лица, несшія одверницкую службу, попадали въ довольно затруднительное положеніе. Господарь отдавалъ распоряженіе отвести тѣмъ или другимъ лицамъ по двѣ волоки „для одверницкой службы“, а между тѣмъ оказывалось, что свободныхъ волокъ въ данной мѣстности нѣтъ. Тогда заинтересованныя лица сами подыскивали подходящій участокъ земли и ходатайствовали объ оставленіи его за ними для отбыванія одверницкой службы. Господарь распорядился дать Яну и Езофу Юшкевичамъ по двѣ волоки „на службу одверницкую“. Между тѣмъ ревизоръ дворовъ городенскихъ панъ Лавринъ Война довелъ до свѣдѣнія господаря „ижъ вжо волокъ пустыхъ неоселыхъ такъ много при одъномъ местъцу такъ у волости Городенской нѣтъ“. Для одверныхъ создалось весьма критическое положеніе. Тогда, они подыскали въ Бѣльскомъ повѣтѣ въ Саражской волости небольшей обрубецъ, въ которомъ было пять волокъ, и съ которыхъ поступало въ господарскій скарбъ только три копы грошей. Поэтому братья Юшкевичи ходатайствовали передъ господаремъ объ отводѣ имъ 5 волокъ для несенія „одверницкой службы“. Конечно, челобитіе Юшкевичей было вполнѣ законно, но затруднительность ихъ положенія заключалась въ томъ, что они ходатайствовали объ отводѣ 5 волокъ, тогда какъ согласно уставѣ они не могли держать больше 4 волокъ, свободныхъ отъ всякихъ платовъ и чиншевъ [2]).

Случалось, что одверные не получали волокъ для одверницкой службы, а послѣднюю все-таки приходилось нести. Обращеніе къ господарю съ просьбой о надѣленіи ихъ волоками являлось тогда единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія. Послѣ соотвѣтствующаго челобитія господарь поручилъ справцѣ дворовъ староства Городенскаго пану Себастіану Дыбовскому дать одвернымъ Богдану Глѣбовичу и Яну Грыньковичу по двѣ волоки, такъ какъ они не получили до сихъ поръ соотвѣтствующихъ волокъ. Между

[1]) К. З., XLII, л. 24.
[2]) К. З., XLII, л. 34.

тѣмъ остальныя лица, обязанныя нести ту же службу все своевременно получили, а челобитчики, не получившіе одверницкаго надѣла землей „вжо отъ не малого часу служатъ" [1]). Бывало также что лица, издавна несшія спеціальную службу, оказывались недостаточно надѣленными землей. Тогда они ходатайствовали о надѣленіи съ указаніемъ того участка, о которомъ они просили. Такъ обрусный Лукашъ Гостиловичъ, который несъ обрусную службу при дворѣ еще со временъ Сигизмунда I, однако не не имѣлъ достаточнаго количества земли, кромѣ небольшой землицы, да и то для несенія военной земской службы. Для несенія же обрусной службы у него не было совсѣмъ земли. Поэтому челобитчикъ ходатайствовалъ передъ господаремъ объ отводѣ ему въ Городенской волости земель тяглыхъ людей, которыя лежатъ вдали отъ другихъ господарскихъ грунтовъ, разбросаны среди шляхетскихъ земель, но зато онѣ прилегли „подъдомъ и ку земълицы его отчизное" [2]). Точно также и одверный Филиппъ Опаносовичъ, тоже издавна уже отправлявшій при дворѣ одверницкую службу, сообщилъ господарю, что онъ „жадъное земъли, а ни волокъ водъле уставы нашое па служебныхъ вчинепое на той службѣ своей одверницкой не маетъ". Правда, производившій новую помѣру въ Городенскомъ староствѣ панъ Лавринъ Война, далъ ему двѣ волоки въ Городенской волости, но отвести ему ихъ во владѣніе онъ не хотѣлъ безъ воли и разрѣшенія господаря. Поэтому челобитчикъ проситъ господаря о выдачѣ соотвѣтствующаго распоряженія. Конечно, челобитіе одвернаго имѣло полное основаніе. Его одверницкое званіе не возбуждало никакихъ сомнѣній и недоразумѣній. Слѣдовательно, онъ имѣлъ право требовать объ отводѣ ему двухъ волокъ, полагавшихся по уставѣ для несенія „уставичне" при дворѣ одверницкой службы [3]).

Иногда лица, отправлявшія спеціальныя службы, не могли получить двухъ полныхъ служебныхъ волокъ, а между тѣмъ они оказывались собственниками дома и пляца въ городѣ. Не желая разставаться съ домомъ, собственникъ, на котораго возложили спеціальную службу, подавалъ господарю челобитіе объ освобожденіи его дома и пляца отъ всякихъ податковъ и о предоставленіи ему права имѣть въ своемъ домѣ „шынкъ медовый, пив-

---

1) К. З., XLII., л. 76.
2) К. З., XLII., л. 38.
3) К. З., XLII., л. 42.

ный горельчаный“, но безъ уплаты капщизны. Такъ поступилъ обрусный „королевое ее милости и великое княгини Катерины“ Миколай Карповичъ [1]).

Впрочемъ, такая замѣна оказалась въ скоромъ времени для обруснаго невыгодной. Дѣло въ томъ, что въ виду военнаго времени въ 1562 г. былъ положенъ особый поборъ на всѣхъ тѣхъ „которые не повинъни войны служити въ местехъ нашихъ“. Налогъ носилъ временный характеръ, „поколь ся война спокоитъ“. Однако, обрусный оказался не въ силахъ уплатить новый налогъ, такъ какъ, по авторитетному заявленію самого господаря, „съ тое корчмы, не только пожитъку, але и выживенья мети и того службою въ двору нашомъ послужити не можетъ“ въ виду конкуренціи со стороны арендаторовъ евреевъ. Поэтому, Миколай Карповичъ билъ челомъ господарю „абыхмо ему ласку господарскую вчинили и ему на тую службу его, яко и инъшымъ тымъ, которые службою обрусною у двору... служатъ подлугъ уставы... две волоце або ку той корчме его волоку земъли вольную придати казали“ [2]).

Такъ какъ производство волочной помѣры могло существенно измѣнить служебное и матеріальное положеніе подданныхъ, то, случалось, что болѣе предусмотрительные изъ нихъ ходатайствовали передъ господаремъ о неизмѣреніи ихъ земель. Конечно, такая просьба была возможна только въ томъ случаѣ, если челобитчики могли представить какіе-либо документы въ оправданіе своего ходатайства. Обрусный Янъ Васкевичъ Кголекъ „зъ братіею своею“: Гришкой Алексѣевичемъ и Павломъ Климовичемъ, ходатайствовалъ передъ господаремъ, чтобы „при теперешнеи новой номере волочъной ихъ съ селищъ и земель рушати не велели“. Обрусную службу они несли на основаніи листа короля Сигизмунда, который былъ представленъ въ господарскую канцелярію черезъ Могилевскаго старосту пана Остафія Воловича. Въ случаѣ отсутствія надобности въ обрусной службѣ, указанныя выше лица должны были нести только одну „земскую военную службу подобно другимъ боярамъ“.

Хлопоча объ оставленіи за ними земли, челобитчики указывали господарю на то, что та „земля ихъ нигде до грунтовъ нашихъ т. е. господарскихъ не прилегла“, и потому не годится

[1]) К. З., XLII., 77.
[2]) К. З., XLII., л. 77 об.

для округленія господарской земли [1]). Просьба обруснаго имѣла всѣ данныя для ея удовлетворенія.

Точно также, если какой нибудь поданный, занятый отправленіемъ какой либо службы, могъ оказаться собственникомъ земли, купленной еще предками, то такія лица подавали челобитье о признаніи господаремъ ихъ купли и не измѣреніи ихъ земель на волоки. По существу, такое челобитіе могло имѣть силу и значеніе исключительно только въ томъ случаѣ, когда просители могли представить господарю документъ, согласно которому купля, совершенная предками челобитчиковъ, была закрѣплена господарскимъ листомъ. Господарскіе обрусные Степанъ Васкевичъ и Миколай Карповичъ сообщили господарю, что обрусный Васко Зенковичъ продалъ ихъ предку свою обрусную землю, лежавшую въ Городенской волости за 6 копъ грошей. Сдѣлка была подтверждена Сигизмундомъ, и предокъ былъ оставленъ для несенія обрусной службы. Для этого ему былъ выданъ особый листъ, подтверждавшій господарское распоряженіе. На этомъ основаніи они просили господаря „имъ ласку господарскую вделати“ и, при производствѣ волочной помѣры, не трогать ихъ купли. Помимо юридическихъ основаній, челобитчики привели и соображенія чисто практическаго характера: обрусная земля лежитъ въ сторонѣ отъ господарскихъ грунтовъ, она находится среди шляхетскихъ земель и поэтому никоимъ образомъ не можетъ быть измѣрена на волоки, да къ тому же еще ея очень мало— всего „чотыре волоки, або трохе больше“ [2]).

Если положеніе господарскихъ подданныхъ, несшихъ спеціальныя службы не было устойчивымъ, но такимъ же неспокойнымъ было состояніе и крестьянъ, отправлявшихъ спеціальныя повинности. Сплошь и рядомъ такого рода подданные, при производствѣ аграрной реформы, обращались въ тяглыхъ людей, несмотря на то, что ихъ служба была старинная, и ссылка на старину, конечно, имѣла уже юридическое основаніе для ходатайства о возвращеніи челобитчиковъ въ прежнее состояніе. Господарскіе пекари Лабеньской волости—Грышко и Ивашко Яцутичи-Шелпуковичи и Андрей Ивановичъ Микитичъ жаловались господарю на ревизоровъ пана Себестіана Дыбовскаго и пана Лаврина Войну, которые измѣрили на волоки тѣ земли, которыя они

[1]) К. З., XLII., л. 36.
[2]) К. З., XLII., л. 37.

держали „на службѣ пекаръской“. Взамѣнъ ихъ, ревизоры дали имъ по одной волокѣ, а намѣстникъ мѣстный, считая ихъ тяглыми людьми, заставлялъ ихъ ходить на работу на господарскій дворъ, хотя они ранше никакой тяглой службы не несли. Пекарская служба—для нихъ наслѣдственное состояніе, такъ какъ ее несли ихъ дѣды и отцы. Въ подкрѣпленіе своего челобитія Шелпуковичи представили господарю листъ великаго князя Александра, данный ихъ предку „дядьку“, согласно которому подтверждалось и право владѣнія ихъ землей и пекарская служба. Кромѣ того Андрей Микитичъ представилъ листъ Сигизмунда, данный его отцу и дядьямъ—Ивану, Андрею и Ермолаю, по которому за ними оставалась землица-пекарская, купленная ими, и четвертая часть земли Соловьевщины, отписанной Мартиномъ Соловьевичемъ Ивану Микитичу, и кромѣ того на нихъ возлагалась обязанность отправлять пекарскую повинность. На этомъ основаніи они просили господаря не чинить имъ „кривды“ и „въ службу тяглую ихъ не приворачивать“. Такого рода челобитія только лишній разъ подчеркивали, сколько самоуправства допускали господарскіе агенты, и какъ они мало церемонились съ правами крестьянскаго населенія. Съ другой стороны, эти же самоуправныя дѣйствія указываютъ и на шаткость земельныхъ правъ господарскаго крестьянства [1]). И лица, отправлявшія спеціальныя повинности, не всегда получали соотвѣтствующее по уставѣ количество волокъ. Иногда ревизоры почему то забывали имъ ихъ дать, и тогда имъ самимъ приходилось хлопотать объ отводѣ волокъ для отправленія той или другой спеціальной повинности. Такъ очутился безъ волокъ машталеръ Янъ Богдановичъ. Поэтому онъ просилъ господаря объ отводѣ ему двухъ волокъ для машталерской службы съ указаніемъ и того мѣста, гдѣ ему было бы желательно сидѣть на машталерскихъ волокахъ [2]).

И крестьяне, отправлявшіе спеціальныя повинности, заботились объ укрѣпленіи своего положенія. Это было особенно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая повинность возлагалась на подданнаго державцей, и, слѣдовательно, положеніе его имѣло неустойчивый характеръ, если не было подтверждено господаремъ. Когда подданные Артемъ и Прохоръ Якимовичи были посажены Могилевскимъ намѣстникомъ на службу тесельскую съ предоставле-

[1]) К. З., XLII., л. 33.
[2]) К. З., XLII., л. 53.

ніемъ въ ихъ распоряженіе по двѣ волоки, то указанные Якимовичи немедленно обратились къ господарю съ просьбой объ утвержденіи намѣстничьяго распоряженія [1]). Иногда въ рукахъ такого подданнаго оказывалось больше земли въ сравненіи съ нормами волочного устава. Въ такихъ случаяхъ, хлопоча о подтвержденіи своего состоянія, челобитчикъ просилъ и объ оставленіи за нимъ лишней земли, конечно, на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Коваль Городенскаго замка Миколай Котовичъ просилъ объ утвержденіи за нимъ трехъ волокъ, данныхъ ему королемъ Стефаномъ, изъ числа которыхъ онъ просилъ оставить двѣ вольныхъ для населенія ковальской службы, а третью на чиншѣ. Конечно, такое ходатайство было необходимо, такъ какъ при производствѣ ревизіи волока на чиншѣ могла быть отобрана у коваля и отдана кому либо другому [2]).

Во время производства аграрной реформы и значительное время уже послѣ нея, центральное правительство было забрасываемо челобитіями привилегированнаго крестьянства. Конечно, не всѣ челобитія имѣли достаточную юридическую обоснованность. Нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря всякой бездоказательности, для господаря не имѣли никакой силы. Однако, ихъ все таки приходилось читать, приходилось разбирать и давать на нихъ тотъ или другой отвѣтъ. Все это переобременяло въ значительной степени дѣятельность господарской канцеляріи, и частыя набѣганія населенія, въ концѣ концовъ, становились надоѣдливыми господарю. Изучая большое количество господарскихъ отвѣтовъ на челобитія привилегированнаго крестьянства, можно отмѣтить очень внимательное отношеніе господаря къ просителямъ. Челобитія населенія, по всей вѣроятности, никогда не встрѣчали отказа, если челобитчики въ оправданіе своихъ просьбъ могли представить „листы" предшественниковъ Сигизмунда II. Конечно, эти листы не могли не имѣть для господаря обязательной силы и значенія. Съ другой стороны, внимательное отношеніе господаря къ просьбамъ привилегированнаго крестьянства было вызвано желаніемъ внести спокойствіе въ среду самаго крестьянства, взволнованнаго дѣйствіями, и притомъ довольно произвольными, господарскихъ агентовъ. Правда, дѣятельность послѣднихъ имѣла исключительно въ виду интересы господарскаго скарба, но инте-

[1]) К. З., XXXVII, л. 421.
[2]) К. З., LXXIII, л. 537.

ресы послѣдняго были тѣсно связаны съ положеніемъ самаго населенія. Эта тѣсная зависимость между скарбомъ и населеніемъ была упущена изъ виду господарскими агентами, но господарскія резолюціи въ отвѣтъ на челобитія подданныхъ вносили извѣстный коррективъ въ дѣятельность господарскихъ ревизоровъ. Внося извѣстныя поправки въ ихъ одностороннія распоряженія, Сигизмундъ II вносилъ также и спокойствіе въ заинтересованную среду, пріобрѣталъ ея довѣріе и дѣлалъ ее „пильной" при отправленіи разнаго рода господарскихъ службъ.

Крестьянскія челобитія и господарскіе отвѣты любопытны и въ другомъ отношеніи. Челобитчики подавали свои просьбы въ сознаніи своего права, правда неписаннаго, а обычнаго, съ которымъ они сроднились и сжились. Господарю же приходились считаться съ нормами этого неписаннаго права и пойти тѣмъ самымъ на встрѣчу желаніямъ самаго населенія. Сознательное отношеніе привилегированнаго крестьянства къ своему положенію подчеркивало довольно развитое юридическое его сознаніе, отсутствіе забитости и угнетенности. Какъ бы не были благожелательны отвѣты господаря на просьбы челобитчиковъ, они все таки имѣли характеръ не закона, а только односторонняго хозяйственно-политическаго распоряженія. Преемники Сигизмунда II морально были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ листами своего предшественника, но юридически были свободны, и при производствѣ ревизіи всегда происходили весьма существенныя перемѣны въ положеніи привилегированнаго крестьянства. Послѣднее сознавало всю шаткость своей юридической позиціи, всю непорочность своего положенія, которое къ тому же всегда могла измѣниться, въ зависимости отъ того или другого направленіи хозяйственной политики правительства.

Этимъ, разумѣется, и можно объяснить подачу новыхъ челобитій о подтвержденіи преемниками Сигизмунда его пожалованій и разнаго рода распоряженій.

Анализъ господарскихъ отвѣтовъ позволяетъ составить общій выводъ относительно ихъ характера. Несомнѣнно, что, если челобитчики могли сослаться въ своемъ ходатайствѣ на листы, выданные предшественниками Сигизмунда II, то отвѣтъ господаря всегда былъ благопріятенъ для просителей. Путные бояре волости Неменчицкой села Трошкуны были оставлены въ своемъ званіи, и господарскій ревизоръ Авраамъ Куппевичъ получилъ распоряженіе не „примучать" ихъ ни къ какой иной службѣ только по-

тому, что они въ доказательство того, что они „здавна суть бояре путные“ представили листы в. к. Казимира и Александра, выданные ихъ предкамъ [1]). Конечно, господарь въ данномъ случаѣ не могъ пойти въ разрѣзъ съ ходатайствомъ челобитчиковъ. Принятіе другого рѣшенія—было бы актомъ неуваженія къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ своихъ предшественниковъ. Точно также господарь утвердилъ челобитіе групны путныхъ бояръ Лидской волости, представившей листъ в. к. Казимира и, кромѣ того, судовый листъ господарскаго маршалка Войтеха Яновича, которому, по порученію в. к. Александра, приходилось разбирать дѣло и устанавливать ихъ путное боярство. Юридическая обоснованность челобитія группы бояръ Лидской волости была ясна и неоспорима. Господарь безъ возраженія далъ благопріятный отвѣтъ на ходатайство лидскихъ путныхъ бояръ [2]).

Позиція Сигизмунда II была затруднительна при составленіи отвѣтовъ на челобитія путныхъ бояръ, когда послѣдніе не могли представить никакихъ документовъ, за исключеніемъ ссылки на старину. Послѣдняя тоже считалась доказательствомъ, имѣющимъ силу и значеніе, если ее можно было еще чѣмъ либо подкрѣпить. Путные бояре Пенянской волости получили благопріятный отвѣтъ отъ господаря, и земли ихъ были освобождены отъ платовъ только потому, что справка въ скарбовомъ реестрѣ подтвердила справедливость ихъ заявленія и наглядно доказала, что они никакого чинша не платили [3]). Если челобитчики могли представить какія либо доказательства въ подкрѣпленіе своихъ просьбъ, то благожелательныя господарскія резолюціи обыкновенно укрѣпляли ихъ положеніе на все время правленія господаря, выдавшаго листъ. Но не всегда господарскіе отвѣты были таковы. Иногда „боярское путное званіе“ сохранялось только „до воли и ласки господарской“. Такъ бояре Трабскіе были захованы въ боярской военной службѣ „до воли и ласки господарской“. Никакихъ документовъ кромѣ ссылки, что они были боярами при Гаштольдѣ, ими не было представлено. Благопріятный отвѣтъ господаря можно только объяснить данью уваженія къ памяти крупнаго политическаго дѣятеля [4]). За то, вѣроятно, всѣ чело-

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 376.
[2]) К. З., XLI, л. 69.
[3]) К. З., XXXVII л. 442.
[4]) К. З., XXXVIII л. 89.

битія путныхъ бояръ, оставленныхъ въ этомъ званіи господарскими ревизорами, укрѣплялись господаремъ не только безъ всякихъ оговорокъ, но даже съ передачей этого состоянія сыну, вслѣдствіе чего пожалованное званіе пріобрѣтало характеръ наслѣдственнаго состоянія [1]).

При составленіи господаремъ отвѣтовъ на челобитія путныхъ людей, правительство менѣе всего имѣло подъ собой почву въ вопросѣ о дарованіи отмѣны путному человѣку, когда послѣдній обращался съ подобной просьбой.

Затруднительность положенія правительства въ данномъ вопросѣ заключалась въ томъ, что права собственности на землю для путныхъ людей не существовало, если земля была господарская. Только купленныя земли были ихъ собственностью. Поэтому, всякое отобраніе земли у путныхъ бояръ было дѣйствіемъ вполнѣ законнымъ, и если все таки они получали отмѣну, то это было актомъ милости со стороны правительства, но не актомъ принужденія. Впрочемъ, правительство было вынуждаемо давать отмѣну по чисто государственнымъ соображеніямъ. Если земли путныхъ бояръ были отданы въ отмѣну частнымъ владѣльцамъ или отписаны на господаря, то правительство было поставлено въ необходимость дать соотвѣтствующую отмѣну. Въ противномъ случаѣ, путный бояринъ, лишенный земли или владѣющій недостаточнымъ ея количествомъ, не могъ исправно отбывать своей „путницкой службы", чѣмъ дворовое хозяйство ставилось въ весьма затруднительное положеніе. Если челобитчики получали отвѣтъ въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, то онъ вызывался исключительно хозяйственными соображеніями, да и сами путные люди, хлопоча объ отмѣнѣ, нигдѣ не говорятъ о своемъ правѣ на полученіе ея, даже если они сидѣли на землѣ отчизной. И въ данномъ случаѣ, отводъ отмѣны—это только милость правительства. Послѣднее могло ничего не дать, оставить просьбу челобитчиковъ безъ отвѣта, и въ такомъ актѣ не было бы никакого правого нарушенія [2]). Благожелательное отношеніе господаря къ челобитіямъ привилегированнаго населенія можно отмѣтить и при разсмотрѣніи господарскихъ отвѣтовъ на челобитія пушкарей. И въ этомъ случаѣ, при анализѣ этихъ отвѣ-

---

[1]) К. З., XXXIX, л. 492.
[2]) К. З., XXXVII, л. 347.

товъ, слѣдуетъ отмѣтить, что пушкари немедленно возстанавливались въ своихъ правахъ, если они располагали господарскимъ листомъ, выданнымъ предшественниками Сигизмунда II. Въ такомъ случаѣ все было ясно, ничто не вызывало никакихъ недоумѣній, и правительству не трудно было возстановить прежнее состояніе пушкарей и тѣмъ самымъ исправить чрезвычайную ретивость господарскихъ агентовъ, при проведеніи аграрной реформы. Но при разборѣ пушкарскихъ челобитій, Сигизмунду-Августу приходилось касаться не малаго количества челобитій, въ которыхъ челобитчики могли представить только листы королевы Боны, матери Сигизмунда II, благодаря которымъ они стали пушкарями. Для ревизоровъ такіе листы не имѣли никакого юридическаго значенія, и ихъ дѣйствія приходится считать совершенно правильными, когда они стали „примучать" пушкарей къ той или иной службѣ. Но положеніе Сигизмунда II въ данномъ вопросѣ нельзя не считать щекотливымъ. И для Сигизмунда II пожалованія и листы королевы Боны юридическаго значенія конечно, не имѣли. Господарь имѣлъ полное основаніе не утвердить ихъ челобитій и оставить челобитчиковъ въ томъ состояніи, въ какомъ они находились, согласно ревизорскому распоряженію. Но тутъ, помимо юридической стороны, въ рѣшеніи даннаго вопроса имѣла значеніе и моральная, и господарь не могъ не считаться съ ней. Признать листы королевы Боны не имѣющими никакой силы и значенія—это означало бы оказать неуваженіе къ памяти матери, обнаружить свое сыновнее непочтеніе. И Сигизмунду, связанному моральными соображеніями, приходилось удовлетворять просьбы челобитчиковъ, оставлять челобитчика въ пушкарскомъ званіи, согласно листу и рѣшенію королевы Боны [1]). Челобитчики „заховывались" въ пушкарской службѣ и не должны были нести никакихъ другихъ „иншихъ службъ" и отправлять какихъ либо другихъ повинностей [2]).

Точно также просьба о передачѣ пушкарскаго званія и земельнаго надѣла сыну или отъ брата къ брату со стороны господаря не вызывала никакихъ недоразумѣній. Такая передача, вызываемая фактической невозможностью нести пушкарскую службу, облегчала правительство, не принуждала послѣднее поды-

---

1) К. З., XLI, 200.
2) К. З., XLVIII, л. 56.

скивать лицъ, годныхъ къ отправленію пушкарской службы. Съ другой стороны, передача въ руки пушкаря—сына или брата и того участка, которымъ владѣлъ отецъ или братъ, дѣлала пушкарей-наслѣдниковъ болѣе годными къ отправленію пушкарской повинности. Слѣдовательно, и съ этой стороны передача званія по наслѣдству была актомъ, вполнѣ отвѣчавшимъ требованіямъ самаго правительства [1]). Руководясь тѣми же соображеніями цѣлесообразности и правительственной выгоды, правительство оставляло пушкарей на ихъ наслѣдственныхъ земляхъ, отдавая въ этомъ случаѣ державцѣ приказъ „никоторое трудности имъ не чинити“. Въ крайнемъ случаѣ, если выяснялось, что безъ „стародавнихъ“ пушкарскихъ волокъ нельзя обойтись при производствѣ аграрной реформы, господарь отдавалъ приказъ дать имъ отмѣну „споручъ близкую“ [2]). Однако, не всегда просьбы пушкарей оставались удовлетворенными. Господарю приходилось, преимущественно, отказывать въ тѣхъ случаяхъ, когда пушкари просили ихъ оставить въ пушкарскомъ званіи, а для потребностей господарскаго двора и безъ того пушкарей было не мало. Въ такихъ случаяхъ, правительство не считалось ни съ тѣмъ, что пушкари могли сослаться на листы королевы Боны, ни съ тѣмъ, что „здавна“ несутъ пушкарскую службу [3]). Указывая, что въ дальнѣйшемъ увеличеніи пушкарей при замкѣ нѣтъ никакой потребы, господарь отдавалъ приказъ перевести пушкарей на какую либо иную службу, напримѣръ стрѣлецкую, оставляя за ними тѣ волоки, какія были имъ даны для несенія службы пушкарской.

Не встрѣчали возраженій со стороны господаря и земельныя сдѣлки привилегированнаго крестьянства, если послѣднему удавалось какимъ либо образомъ прикупить землицу. Расширеніе землевладѣнія квалифицированнаго крестьянства нисколько не противорѣчило господарскимъ интересамъ, наоборотъ, дѣлало его болѣе годнымъ и устойчивымъ къ отправленію возложенныхъ на него повинностей [4]).

Такое же внимательное отношеніе со стороны господаря можно отмѣтить и по отношенію къ кухарямъ. Всѣ ихъ просьбы,

---

[1]) К. З. LXXIII, л. 181. LXXIV л. 99, 112.
[2]) К. З. XLII, л. 29.
[3]) К. З. XLII, л. 20.
[4]) К. З. XXXVIII, л. 80.

поскольку онѣ не задѣвали интересовъ господарскаго хозяйства, безусловно удовлетворялись господаремъ. Когда подданный, ставшій господарскимъ кухаремъ, оказывался сидѣвшимъ на тяглыхъ волокахъ и просилъ господаря объ оставленіи этихъ волокъ за нихъ для отбыванія кухарской службы, такъ какъ ему приходилось переходить на иное мѣсто и иногда не на такой добрый грунтъ, то Сигизмундъ II принципіально ничего не имѣлъ противъ оставленія за ними волокъ, находившихся въ ихъ владѣніи и полученныхъ по наслѣдству. Только господарскіе листы требовали, чтобы земли, о которыхъ просилъ челобитчикъ „водъле порадъку волочъного были померены". Если же это не было сдѣлано, то кухари получали двѣ волоки „на иномъ местъцы [1]). Въ нѣкоторыхъ своихъ листахъ, господарь разрѣшалъ остаться имъ при старыхъ земляхъ, однако требуя надзора со стороны агентовъ не только въ томъ смыслѣ, правильно ли измѣрены на волоки ихъ земли, или нѣтъ, но также съ точки зрѣнія цѣлесообразности и полезности ихъ самихъ интересамъ господарскихъ подданныхъ. Справцамъ господарскихъ дворовъ въ такомъ случаѣ приходилось убѣдиться, не придется ли „инымъ подъданымъ нашымъ суседомъ его отъ толь переноситися" [2]). Въ противномъ случаѣ, господарскіе ревизоры должны были дать землю на другомъ мѣстѣ и притомъ въ такомъ же количествѣ, въ какомъ была первая [3]). Трудно сказать, насколько точно всѣ эти требованія господарскихъ листовъ выполнялись на практикѣ, и не были ли они только одной буквой, съ которой господарскіе ревизоры мало считались. Впрочемъ, отсутствіе въ метрикѣ дополнительныхъ жалобъ со стороны кухарей, быть можетъ, говоритъ въ пользу того, что господарскіе ревизоры, получивъ точныя и строго опредѣленныя инструкціи, считали нужнымъ руководиться ими во время производства аграрной реформы.

Однако, правительство не всегда удовлетворяло съ извѣстными ограниченіями просьбы челобитчиковъ. Практика аграрной реформы знаетъ случаи, когда просьба челобитчика удовлетворялась сразу безъ всякихъ оговорокъ, и мѣстный державца тотчасъ получалъ распоряженіе, чтобы онъ оставилъ челобитчика при той его землѣ и никакихъ „подачокъ съ него не правилъ". Такъ

[1]) К. З. XLII, л. 24.
[2]) К. З. XLII, л. 28.
[3]) К. З. XLII, л. 21.

было съ господарскимъ кухаремъ Щастнымъ Богдановичемъ Курембичемъ. Правда, послѣднiй ходатайствовалъ только объ одной волокѣ, и при томъ купленной его отцомъ. Разрѣшивъ оставить за нимъ эту волоку „яко его властность", Сигизмундъ II отдалъ одновременно распоряженiе объ отводѣ ему для кухарской службы другой волоки, какъ это полагалось согласно кухарскому уставу [1]). Что же касается челобитiй объ оставленiи ихъ въ кухарскомъ званiи, если они ревизорами были переведены на положенiе тяглаго человѣка, то господарь только въ томъ случаѣ отдавалъ приказанiе не гнать ихъ на тяглую службу и не брать съ нихъ ни „серебщины, ни иныхъ податковъ", если они могли представить листы, удостовѣрявшiе стародавность ихъ кухарской службы [2]). Иногда, господарь находилъ возможнымъ дать отмѣну бывшему кухарю за его земли, которыми онъ владѣлъ на основанiи господарскихъ листовъ, и которыя, при производствѣ аграрной реформы, были записаны на господаря. При этомъ, господарь возстанавливалъ его въ наслѣдственномъ кухарскомъ званiи. Господарь, конечно, не могъ не считаться съ листами своихъ предшественниковъ и не исправить совершенно незакономѣрное дѣйствiе своихъ агентовъ по производству аграрной реформы. Впрочемъ, такого рода челобитiя со стороны кухарей встрѣчаются очень рѣдко [3]).

Анализъ господарскихъ отвѣтовъ на стрѣлецкiя челобитiя тоже позволяетъ придти къ тому выводу, что отношенiе господаря къ ихъ просьбамъ всегда было самымъ внимательнымъ. Обыкновенно всѣ челобитiя стрѣльцовъ удовлетворялись господаремъ полностью, если только они прямо или косвенно не задѣвали интересовъ господарскаго хозяйства. Конечно, господарь не могъ обнаружить другого отношенiя къ просьбамъ стрѣльцовъ. Послѣднiе были при дворахъ и замкахъ необходимымъ служебнымъ элементомъ. Поэтому, господарь всегда удовлетворялъ просьбу стрѣльцовъ о предоставленiи во владѣнiе для несенiя стрѣлецкой повинности тѣхъ волокъ, на которыхъ они раньше сидѣли на положенiи тяглыхъ людей. Господарь въ этомъ случаѣ отдавалъ распоряженiе мѣстному державцѣ „што бы съ тыхъ двухъ волокъ... никоторого плату на немъ не правилъ и повинъности тяглую его

---

[1]) К. З. XLII л. 1.
[2]) К. З. XLII, л. 78.
[3]) К. З. XLII л. 28.

не вернулъ а онъ зъ нихъ намъ господару ничимъ инъшимъ, только службою стрелецькою служити маетъ". Финансовый иммунитетъ касался исключительно только двухъ волокъ. Мѣстный державца долженъ былъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы у стрѣльца не оказалось въ распоряженіи бо́льшее количество волокъ. По этому, если бы оказалось, что въ распоряженіи стрѣльца имѣется что-нибудь „звыши тыхъ двухъ волокъ земли", то державца долженъ былъ смотрѣть, чтобы съ лишнихъ земель стрѣлецъ отправлялъ повинности „водле постановенія ревизоръскаго" [1]).

Просьба стрѣльца удовлетворялась и въ томъ случаѣ, когда послѣдній просилъ оставить за нимъ ту тяглую волоку, на которой онъ сидѣлъ раньше, съ добавленіемъ другой волоки, согласно требованіямъ волочной уставы. При этомъ, державцѣ давалось распоряженіе „не править" съ этой волоки никакихъ тяглыхъ повинностей и, кромѣ того, предписывалось ему дать еще одну пустую волоку, „прилеглую" къ первой волокѣ для несенія стрѣлецкой службы [2]). Соглашался господарь на отводъ стрѣльцу имъ самимъ выбранныхъ волокъ при условіи, чтобы волоки оказались пустыми, неосѣлыми, и притомъ лежащими вдали отъ господарскихъ пущъ и лововъ. Такой отводъ земли имѣлъ характеръ временной мѣры „до воли и ласки господарской, или до „инъшаго постановенья господарскаго" [3]). Также соглашался господарь о замѣнѣ однѣхъ волокъ другими для отправленія стрѣлецкой службы, если оказывалось, что указанные просителями волоки „суть людьми не оселые". Державца долженъ былъ отвести эти волоки и требовать со стрѣльцовъ только отправленія одной стрѣлецкой службы. Такая замѣна однѣхъ волокъ другими для господарскаго хозяйства была совершенно безразлична [4]). Господарь удовлетворялъ челобитья и тѣхъ слугъ, которые просили объ оставленіи за ними добавочныхъ волокъ при условіи платежа чинша. Господарь отдавалъ распоряженіе или мѣстному державцѣ или справцѣ господарскихъ дворовъ отвести имъ просимыя волоки подъ условіемъ платежа „осаднаго плата", а также платовъ „за овесъ, за сѣно, за гуси, куры, за отъвозъ и за все то што бы съ тыхъ волокъ давати и полънити были повинъни". Другихъ повинностей никто не могъ требовать съ

[1]) К. З., XLII, л. 2.
[2]) К. З., XLII, л. 3.
[3]) К. З., XLII, л. 3 и об.
[4]) К. З., XLII, л. 60.

нихъ [1]). Удовлетворяя просьбы своихъ слугъ, правительство Сигизмунда II въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже поступало вопреки уставѣ о волокахъ, предоставляя въ распоряженіе челобитчиковъ большее количество волокъ, въ сравненіи съ нормами уставы. Впрочемъ, такое удовлетвореніе просьбы всегда объяснялось чрезвычайными соображеніями. Господарскимъ одвернымъ—братьямъ Юшкевичамъ—было предоставлено 5 волокъ для несенія одверницкой службы. Господарь подтвердилъ этотъ отводъ земли, отчасти руководясь тѣмъ, что съ волокъ поступалъ въ казну „весьма малый платъ", отчасти принимая во вниманіе ихъ прежнюю господареву службу [2]). Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ еще добавить и то, что господарь фактически былъ вынужденъ отвести просимыя пять водокъ, такъ какъ челобитчики остались безъ земли благодаря тому, что свободныхъ волокъ не оказалось тамъ, гдѣ предполагалось сначала отвести имъ волоки согласно господарскому распоряженію. Если же челобитчики не получали земель, и сами не могли указать тѣхъ волокъ, которыя были бы желательны для нихъ, но, несмотря на отсутствіе земельныхъ надѣловъ, продолжали нести одверницкую службу, то господарь немедленно поручалъ справцѣ господарскихъ дворовъ отвести тотъ или другой земельный участокъ, о которомъ были свѣдѣнія въ господарскомъ скарбѣ, что онъ свободенъ и не приноситъ особыхъ доходовъ господарскому скарбу [3]). Въ аналогичномъ положеніи находился господарь и въ томъ случаѣ, когда ему приходилось удовлетворять просьбу челобитчиковъ, ходатайствовавшихъ о дополнительномъ надѣленіи землей. такъ какъ нормы ихъ земельныхъ владѣній были весьма недостаточны для отправленія той или другой службы. Господарь немедленно доводилъ до свѣдѣнія соотвѣтствующихъ лицъ о состоявшемся добавочномъ надѣленіи съ указаніемъ и тѣхъ волокъ, которыя предназначались господарскимъ скарбомъ для добавочнаго надѣленія и которыя были указаны просителемъ. Господарь только требовалъ, что бы администрація убѣдилась въ правильности ходатайства челобитчика, и что земля лежитъ вдали отъ господарскихъ земель и поблизости къ волокамъ челобитчика, и, слѣдовательно, не можетъ войти въ общую систему волокъ. Тогда земельный участокъ не-

[1]) К. З., XLII, л. 24.
[2]) К. З., XLII, л. 34.
[3]) К. З., XLII, л. 76.

медленно отводился челобитчику [1]). За то, конечно, никакого затрудненія для господаря не представляла просьба объ оставленіи за челобитчикомъ тѣхъ земель, которыя были отведены ревизоромъ для несенія той или другой службы, однако не рѣшившимся отвести ее просителю до полученія на этотъ счетъ господарскаго вырока. Причины колебанія ревизоровъ неизвѣстны, хотя устава о волокахъ въ этомъ отношеніи ихъ ничѣмъ не связывала. Для господаря указаніе, что земля отведена ревизоромъ, было достаточнымъ, чтобы внимательно отнестись къ просьбамъ челобитчика и немедленно удовлетворить его желаніе. Удовлетворяя просьбу челобитчика, господарь иногда поручалъ справцѣ отвести просимую землю только въ томъ случаѣ, если безъ этихъ волокъ было возможно приведеніе въ исполненіе намѣченной аграрной реформы. Если же окажется обратное, и волоки понадобятся для „волочной помѣры", то господарь предоставляетъ справцѣ господарскихъ дворовъ отвести двѣ волоки „где на иньшомъ местъцу водълѣ порадъку и постановленія волочное" [2]). Можетъ быть, колебанія господарскаго ревизора тѣмъ и объясняются, что онъ былъ поставленъ въ тупикъ—съ одной стороны, надо было отвести волоки для несенія одверной службы: этого требовали интересы придворной службы; съ другой стороны, отводъ волокъ могъ быть ущербомъ для господарскаго хозяйства, такъ какъ волоки были необходимы для послѣдняго. Не желая брать на себя отвѣтственности, ревизоръ ожидалъ полученія господарскаго листа, который, впрочемъ, не могъ вполнѣ его удовлетворить, такъ какъ ему все таки приходилось рѣшать, выгоденъ или невыгоденъ данный отводъ волокъ для интересовъ господарскаго хозяйства. Не могъ не удовлетворить господарь просьбы служебныхъ людей и въ томъ случаѣ, когда они ходатайствовали объ измѣненіи условій, на основаніи которыхъ они были обязаны отправлять ту или другую службу. Господарь былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы данное лицо было способно отправлять господареву службу. Поэтому, его просьба удовлетворялась. Обрусный Миколай Карповичъ, несшій свою службу за право вольнаго владѣнія домомъ и пляцомъ въ Кринскомъ мѣстѣ и за право вольной эксплуатаціи корчмы, получилъ по своей просьбѣ одну пустую волоку, какъ добавленіе къ кормчѣ про-

[1]) К. З., XLII, л. 38.
[2]) К. З., XLII, л. 42.

сителя, ибо, въ противномъ случаѣ, челобитчикъ былъ не въ силахъ отправлять свою обрусную службу [1]). Что же касается господарскихъ отвѣтовъ на просьбы челобитчиковъ о неизмѣреніи сызнова ихъ земель на волоки (дѣло идетъ о помѣрѣ королевы Боны), то они отличались нѣкоторой условностью. Господарь не могъ не считаться съ документами, удостовѣрявшими ихъ права владѣнія, но, съ другой стороны, приказаніе о неизмѣряемости ихъ земель могло вредно отразиться на интересахъ господарскаго хозяйства. Господарь въ такомъ случаѣ могъ отдать распоряженіе не трогать земли челобитчика, но въ тоже время измѣрить его землю на волоки. О размѣрахъ владѣнія ревизоръ долженъ былъ немедленно довести до свѣдѣнія господаря, который, обсудивъ полученныя отъ ревизоровъ свѣдѣнія, дастъ потомъ соотвѣтствующую „науку“, а впредь до полученія послѣдней „нехай они тую землю держатъ подлугъ данины и листу короля его милости“ [2]). Аналогичные отвѣты давалъ господарь и въ томъ случаѣ, когда ему подавались челобитія о непроизводствѣ вторичнаго измѣренія на волоки купленной земли. Если же, при производствѣ аграрной реформы, оказывалось, что данная земля прилегла къ господарскому грунту и безъ нея невозможно осуществить задуманную аграрную реформу, то справцы господарскихъ дворовъ въ такомъ случаѣ должны были поступать „водле постановенія и уставы волочное“ [3]).

Господарю приходилось также разсматривать многочисленныя челобитія крестьянъ, отправлявшихъ спеціальныя службы и обращенныхъ въ тяглое состояніе ревизорскимъ распоряженіемъ. При составленіи господарскаго листа въ отвѣтъ на просьбу челобитчика, господарь считался съ тѣмъ, имѣетъ ли челобитчикъ какой-либо документъ, который бы устанавливалъ его право оставаться въ прежнемъ званіи. Если челобитчики могли представить такіе документы, то господарскій отвѣтъ всегда былъ очень благопріятенъ для просителей. Державцы получали распоряженіе „не чинить имъ кривды и не приворачивать ихъ ку службѣ тяглой, на работу и въ подводы ихъ не гнать“, требуя съ нихъ ту службу, которую они отправляли согласно имѣвшимся у нихъ документамъ. Такое господарское распоряженіе имѣло условный харак-

[1]) К. З., XLII, л. 77.
[2]) К. З., XLII, л. 36.
[3]) К. З., XLII, л. 87.

теръ „до воли и ласки господарской и до инъшаго постановенія“ [1]). Точно также господарь удовлетворялъ просьбы о надѣленіи землей крестьянъ, предназначенныхъ для отправленія спеціальныхъ повинностей, если ревизоры забывали это сдѣлать. Обыкновенно, самъ челобитчикъ указывалъ на желательныя для себя волоки. Господарь, соглашаясь дать ихъ ему, въ тоже время отдавалъ распоряженіе объ отводѣ волокъ на другомъ мѣстѣ, если бы оказалось, что на указанномъ челобитчикомъ мѣстѣ нѣтъ свободныхъ волокъ [2]).

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа поставила сельское населеніе въ строго опредѣленныя повинностыя отношенія къ господарскому скарбу. Державцы, стоявшіе во главѣ господарскихъ дворовъ, имѣли реестръ податей, которымъ они должны были руководиться въ своей дѣятельности и которымъ они отчитывались передъ господарскимъ скарбомъ. Но устава о волокахъ—это устава, могущуя быть осуществленной, только при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ жизни, устава, совершенно не предусматривавшая условій, благодаря которымъ дѣлалось совершенно немыслимымъ ея правильное функціонированіе. Разнаго рода бѣдствія могли пасть на голову крестьянства и, совершенно его разоривъ, сдѣлать его маломощнымъ при уплатѣ правительству тѣхъ денегъ, которыя должны были поступать съ той или другой волости. Сами державцы, прекрасно знавшіе тяжелыя условія жизни крестьянства въ той или другой волости, не могли самостоятельной властью облегчить положеніе крестьянства. Послѣднее тогда было вынуждаемо дѣйствовать самостоятельно. Оно и подавало соотвѣтствующее челобитіе съ цѣлью заставить правительство притти къ нимъ на помощь и спеціальнымъ распоряженіемъ временно облегчить ихъ тяжелое экономическое положеніе. Въ такомъ случаѣ, показанія старосты или державцы, какъ лица близкаго къ населенію и хорошо знакомаго съ его матеріальными нуждами и экономическимъ состояніемъ волости въ данный моментъ, имѣли для правительства рѣшающее значеніе въ смыслѣ удовлетворенія просьбы въ благопріятномъ для населенія отношеніи.

Челобитія, подаваемыя населеніемъ съ заявленіемъ своихъ нуждъ были двоякаго характера: коллективныя—отъ имени

---

[1]) К. З., XLII, л. 33. XXXVII, л. 421.
[2]) К. З., XLII, л. 53.

волости или группы лицъ и индивидуальныя. Обиліе этихъ ходатайствъ можетъ служить прекраснымъ показателемъ и экономическаго состоянія края, гдѣ аграрная реформа была осуществлена, а также и нѣкотораго, пожалуй, весьма значительнаго бюрократизма самой реформы, совершенно забывшаго объ измѣняемости условій, среди которыхъ приходится жить населенію, и которыя могутъ положительно или отрицательно вліять на сельское хозяйство и, слѣдовательно, на экономическое положеніе крестьянской массы и на ея платежеспособность по отношенію къ господарскому скарбу.

Крестьянскія челобитія начинаютъ подаваться правительству чуть ли не съ момента осуществленія самой реформы. Не слѣдуетъ забывать, что, аграрная реформа была предпринята въ разгаръ весьма напряженнаго внѣшняго положенія, и послѣднее, помимо разнаго рода другихъ условій, не могло не отразиться на экономическомъ положеніи населенія, заставившимъ его ходатайствовать передъ правительствомъ объ облегченіи своего тяжелаго положенія.

Среди крестьянскихъ челобитій, содержаніе которыхъ можно отмѣтить на основаніи господарскихъ хозяйственныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ въ отвѣтъ на жалобы населенія, наибольшее количество относится къ просьбамъ объ уменьшеніи или освобожденіи отъ чинша на нѣкоторое время. Это главныя просьбы и коллективныхъ челобитчиковъ и индивидуальныхъ. Конечно, мотивы, которыми руководилось населеніе, подавая челобитіе правительству, были различные. Прежде всего, не мало было челобитій, ходатайствовавшихъ о сложеніи чинша, подъ вліяніемъ разоренія, явившагося результатомъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ на той или другой территоріи. Такъ въ 1560 году подданные Упитской волости просили объ уменьшеніи повинностей, ибо черезъ ихъ волость прошло войско, причинившее имъ, по словамъ оффиціальнаго документа „шкоду въ жите и въ збожьи“, вслѣдствіе чего они были разорены и, не могли отправлять возложенныхъ на нихъ повинностей [1]).

Упитская волость только пострадала частично. Но, конечно, наиболѣе пострадали мѣстности, пограничныя съ Московскимъ государствомъ и бывшія театромъ военныхъ дѣйствій. Вотъ изъ этихъ мѣстностей раздаются жалобныя просьбы господарю объ

[1]) К. З., XXXVII., л. 368.

уменьшеніи повинностей. Въ 1564 году вся Пропойская волость послала челобитіе господарю съ сообщеніемъ „нжъ отъ непріятеля господарскаго ку великому знищенію пришли есте", а потому она просила господаря дать распоряженіе мѣстному вряду, чтобы послѣдній „для такого знищенія серебъщины платовъ и дани не бралъ" [1]), Такимъ образомъ, Пропойская волость пока ограничивалась только просьбой о частичномъ уменьшеніи тѣхъ повинностей, которыя падали на населеніе. Аналогичныя челобитія подавались господарю и изъ другихъ мѣстностей, затронутыхъ войной.

Подача челобитій объ уменьшеніи повинностей вызывалась также и стихійными бѣдствіями, падавшими на голову населенія. Подданные довольно часто подавали челобитія объ уменьшеніи повинностей, несобираніи съ нихъ серебщины „за убожествомъ", въ которое населеніе впадало благодаря „неурожайнымъ лѣтамъ" градобитію и другимъ естественнымъ бѣдствіямъ. Такія явленія были постоянными, а потому и жалобы населенія довольно частыми. Мѣстная администрація иногда не считалась съ экономическимъ положеніемъ населенія, и. за невыполненіе повинностей, за невзносъ слѣдуемыхъ платежей, мѣстный намѣстникъ не только накладывалъ руку на ихъ имущество, но и пытался даже подвергнуть пострадавшее населеніе тюремному заключенію. Впрочемъ, такихъ ретивыхъ администраторовъ оказывалось очень мало, и жалобы на подобныя дѣйствія администраціи слѣдуетъ считать единицами [2]).

Случалось, что разореніе населенія и пониженіе его платежеспособности зависѣло отъ нѣсколько одностороннихъ дѣйствій администраціи, приводившей населеніе своими распоряженіями къ полному обнищанію. Вѣроятно, такого рода администраторы были рѣдкостью въ пореформенное время. Жалобы на злоупотребленія администраціи раздавались и въ пореформенное время, но случаи разоренія населенія изъ за дѣйствій администраціи слѣдуетъ считать единицами. По крайней мѣрѣ, въ документахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, намъ не удалось отмѣтить частаго повторенія этихъ жалобъ. Подданные крестьяне села Стрежевичъ, приписаннаго къ Радунскому двору— Юрій и Андрей Стацевичи подали господарю челобитіе отъ своего

[1]) К. З., XLV., л. 63.
[2]) Кн. Пуб. Д., IX., л. 105, К. З. LII., л. 43.

имени и отъ имени всѣхъ своихъ потужниковъ, что благодаря врядникамъ воеводы Полоцкаго, державцы Свислочскаго—они „не по малу скрывъжоны и зубожоны суть“. Вслѣдствіе этого они не могутъ выполнять лежавшихъ на нихъ повинностей и заплатить слѣдуемые съ нихъ платы. Указывая на свое бѣдственное положеніе, челобитчики просятъ освободить ихъ отъ платежа денегъ за волоки только на одинъ 1560-й г. [1]).

Военное время, которое приходилось переживать Литовско-Русскому государству, вызывало рядъ новыхъ податей и повинностей значительно увеличившихъ норму повинностей, установленныхъ правительственными агентами. Конечно, не всѣ мѣстности оказались въ состояніи выполнять исправно новыя повинности. Для нѣкоторыхъ они оказывались не подъ силу, и, чтобы добиться облегченія или освобожденія оставалось ходатайствовать объ этомъ передъ господаремъ, высказывая при этомъ тѣ или другія соображенія, на которыя литовско-русское правительство не могло не обратить вниманія. Такъ подданные, приписанные къ пограничному замку Любечъ, находя для себя тяжелымъ двойной взносъ за подводную повинность, хлопотали передъ правительствомъ объ оставленіи на нихъ только новыхъ платовъ, указывая при этомъ на свое убожество и разореніе [2]).

Не оставались также спокойными и равнодушными подданные въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстная администрація произвольно замѣняла одну повинность другой, тогда какъ она не имѣла на это, по мнѣнію челобитчиковъ, никакого юридическаго основанія. Подданные села Скокохъ сообщили господарю, что ихъ предки и они сами всегда ставили 2 коней на господарскую военную службу, и этимъ ограничивались всѣихъ повинности. Берестейскій же староста князь Василій Гнилистый отнялъ у челобитчиковъ господарскій листъ и отдалъ имъ приказъ выходить на работу съ двумя топорами въ замокъ „на работу тесельную“. Конечно, такая замѣна одной повинности другой была совершенно неправомѣрна. Естественно, что они не могли помириться съ распоряженіемъ Берестейскаго старосты и стали ходатайствовать передъ господаремъ о возстановленіи ихъ прежней службы [3]). Точно также не могли успокоиться подданные, когда ихъ землю, которой они владѣли

[1]) К. З., XLII., л. 59.
[2]) К. З., XLII., л. 58.
[3]) К. З., XIII, л. 45.

на основанiи господарскихъ листовъ, выданныхъ ихъ предкамъ, облагали податками и разсматривали ихъ, какъ тяглыхъ людей, тогда какъ, по мнѣнiю пострадавшихъ, ихъ считать тяглыми людьми никоимъ образомъ было невозможно. Такъ подданные Берестейскаго повѣта—Юхно Яривоновичъ, Иванъ Малковичъ, Васко Антоновичъ жаловались на подсудка Льва, помѣрившаго ихъ отчизныя земли на волоки. Такъ какъ они были не въ состоянiи заплатить ему большой „поклонъ“, то Левъ отдалъ приказъ нести имъ тяглую службу, какъ того требовала устава о волокахъ. По мнѣнiю челобитчиковъ, такое распоряженiе совершенно незаконно. Ни они, ни ихъ предки никогда тяглой службы не несли, а, будучи „сѣнничими“ несли только службу конную, въ удостовѣренiе чего представили листъ, выданный имъ старостой Берестейскимъ, княземъ Александромъ Юрьевичемъ. Этотъ документъ удостовѣрялъ, что опросъ старостой мѣстныхъ боярь оказался въ пользу челобитчиковъ. Бояре передъ старостой показали, „ижъ отецъ ихъ и они сами съ топоромъ на городъ не хаживали, дякла и подачекъ никоторыхъ не дaвали“. Разборъ дѣла, произведенный старостой Алек. Юр. Ходкевичемъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ I. Поэтому, челобитчики имѣли полное основанiе ходатайствовать передъ господаремъ „абыхмо ихъ и при тыхъ листехъ заховали и въ службу тяглую вернуть не казали“ [1]).

Между господарскими подданными и сосѣдними шляхтичами возникали постоянные споры и всякаго рода недоразумѣнiя. Разборъ ихъ, собственно, лежалъ на обязанности ревизоровъ, но ревизiя—явленiе не постоянное. И вотъ для возстановленiя своихъ правъ на землю приходилось жаловаться господарю. Инциденты, происходившiе между шляхтой и господарскими подданными, были однообразны. Шляхтичи объявляли землю подданныхъ своей и прогоняли ихъ оттуда. Тогда подданные „втекали“ до господаря и своимъ „набѣганiемъ“ старались вернуть отнятую землю. Такъ поступали всѣ господарскiе подданные. Берестейскiе подданные Зенко, Наливайка и Левонъ Пужичане, когда земяне Ивашко, Яцко и ихъ братья Токаревскiе отняли у нихъ земли „пашъные и бортнъные и сеножати“, вслѣдствiе чего они не могли нигдѣ „поставити господарское стадо“, немедленно ходатайствовали о возвращенiи отнятой у нихъ земли. Такiя недоразумѣнiя были

[1]) К. З., XIII., л. 47.

часты. Аграрная реформа Сигизмунда II не успокоила въ этомъ отношеніи провинціальное земянство [1]).

Иногда подача челобитія господарскими подданными вызывалась неправильными дѣйствіями и злоупотребленіями сельскихъ войтовъ. Подданные Бѣльской волости жаловались на своего войта, забравшаго у нихъ деньги, заработанные ими на работахъ въ Тыкотинскомъ замкѣ, и вообще причинявшаго имъ всякаго рода грабежи. Впрочемъ, такія жалобы очень рѣдки. Надо предполагать, что всѣ недоразумѣнія между населеніемъ и войтами, обыкновенно, разрѣшались мѣстной администраціей, и только въ экстренныхъ случаяхъ населенію приходилось обращаться за помощью къ господарю [2]).

Въ общемъ, изученіе господарскихъ отвѣтовъ на крестьянскія челобитія или хозяйственныхъ распоряженій правительства, опубликованныхъ подъ вліяніемъ челобитій, позволяетъ придти къ тому выводу, что въ коллективныхъ челобитіяхъ податнаго населенія исключительно преобладали хозяйственные интересы. Конечно, эти условія возникали неожиданно и требовали немедленнаго удовлетворенія. Что же касается отсутствія жалобъ на дѣйствія администраціи, то, по всей вѣроятности, это можно объяснить не тѣмъ, что данная администрація была безупречна. О безупречности говорить не приходится, но ревизіи господарскихъ дворовъ и замковъ, частичныя или общія, благодаря полномочіямъ ревизоровъ, могли исправить всѣ ошибки администраціи и прекратить злоупотребленія, если таковыя были замѣчены ревизорами.

Помимо коллективныхъ челобитій хозяйственнаго характера. населеніе волостей иногда выступало съ просьбами объ измѣненіи своего соціальнаго и, слѣдовательно, податнаго положенія. Нѣкоторые изъ подданныхъ староства Чечерскаго и Пропойскаго получили отъ мѣстныхъ врядниковъ земли, лежавшія „впусте“. Земли были даны „до воли и ласки господарской“ съ обязательствомъ нести конную службу. Ревизоры, при постановленіи платовъ, привернули эти пустовщины къ замку, на что имѣли полное юридическое основаніе, обложили эти земли чиншами. Лица, сидѣвшія на этой землѣ, разумѣется, не могли остаться равнодушными къ перемѣнѣ своего соціальнаго и повинностнаго поло-

---

[1]) К. З., XIII, л. 68.
[2]) К. З., LII, л. 34.

женія и хлопотали объ оставленіи ихъ при прежнихъ повинностяхъ. Конечно, данное челобитіе не имѣло никакого значенія для господаря. Подданные не могли сослаться ни на какой документъ, который заставилъ бы на себя обратить вниманіе господаря, и благодаря которому дѣйствія господарской администраціи были бы признаны неправомѣрными и заслуживающими немедленнаго исправленія [1]).

Среди индивидуальныхъ крестьянскихъ челобитій слѣдуетъ отмѣтить челобитія объ освобожденіи отъ уплаты чинша. Мотивы для такого ходатайства были различны. Господарскій подданный Петръ Войтеховичъ, сидѣвшій на трехъ волокахъ, просилъ объ освобожденіи его отъ платежа чинша, такъ какъ его отецъ и братъ владѣли тремя пустыми волоками въ Мойшакгольской волости и давали въ господарскій скарбъ по $^1/_2$ копы грошей съ каждой волоки. Челобитчикъ просилъ объ оставленіи за нимъ этихъ волокъ [2]).

Другіе подданные хлопотали объ освобожденіи отъ уплаты чинша, ссылаясь на юридическую давность и на распоряженія королевы Боны. Господарскій подданный Щасный Степановичъ Ейсимонтовичъ хлопоталъ объ освобожденіи его трехъ волокъ отъ платежа чинша. Эти волоки были даны просителю королевой Боной—сначала „на плате врочистомъ" по 55 грошей ежегоднаго взноса, но впослѣдствіи челобитчикъ былъ освобожденъ и отъ этой незначительной суммы, и, кромѣ того, той же Боной были изданы распоряженія не принуждать его ни къ какой службѣ. Конечно, такое челобитіе для господаря не имѣло юридической силы. Распоряженіе матери господаря могли имѣть для Сигизмунда не юридическое, а моральное значеніе, на что, вѣроятно, и расчитывалъ челобитчикъ, подавая господарю свое прошеніе. Такія челобитія обыкновенно подавались господарскими подданными, жившими въ бывшихъ владѣніяхъ Боны [3]).

Если при анализѣ господарскихъ отвѣтовъ на ходатайства бояръ и квалифицированнаго крестьянства приходилось констатировать самое благожелательное отношеніе къ нимъ, то тоже можно наблюдать въ отвѣтахъ на челобитія обыкновеннаго крестьянства. Нѣкоторыя изъ этихъ ходатайствъ серьезно задѣвали

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 428—429.
[2]) К. З., XXXVII л. 358.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 111.

интересы господарскаго скарба, ибо грозили временнымъ уменьшеніемъ „податковъ“, но, съ другой стороны, всѣ просьбы населенія не могли не быть особенно близки центральному правительству, опять таки по тѣмъ же финансовымъ соображеніямъ. Правительство не стремилось форсировать во что бы то ни стало платежныя силы населенія, наоборотъ, разумнымъ распоряженіемъ, всецѣло отвѣчающимъ интересамъ крестьянства, оно облегчало населеніе въ его повинностяхъ и податкахъ по отношенію къ скарбу, и тѣмъ самымъ давало возможность ему пережить тяжелые годы, вызвавшіе разнаго рода хозяйственныя затрудненія. Когда поступало на разсмотрѣніе правительства челобитіе подданныхъ, касавшееся хозяйственныхъ нуждъ населенія, то послѣднее удовлетворялось обыкновенно частично или полностью. Если при этомъ подданные въ подкрѣпленіе своего ходатайства находили поддержку и защиту среди чиновъ провинціальный администраціи, съ мнѣніемъ которой центральное правительство не могло не считаться, то ходатайство подданныхъ удовлетворялось немедленно безъ производства предварительнаго дознанія. Такъ челобитіе Упитской волости, о которомъ намъ приходилось говорить, было немедленно удовлетворено, потому что ея ходатайство поддержалъ воевода Виленскій—панъ Николай Радивилъ, убѣдившійся на мѣстѣ лично, что Упитское населеніе испытывало большой недостатокъ и весьма затруднялось выполнять лежавшія на немъ повинности [1]). Свидѣтельство такого авторитетнаго лица, конечно, было достаточнымъ основаніемъ къ удовлетворенію ходатайства населенія Упитской волости въ смыслѣ полученія разныхъ податныхъ и повинностныхъ льготъ.

Но, такой порядокъ отвѣта на просьбы населенія нельзя признать нормальнымъ. Населеніе не всегда могло найти высокихъ покровителей. Въ этомъ случаѣ, удовлетвореніе просьбъ населенія требовало предварительнаго разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Производство разслѣдованія, обыкновенно, возлагалось на подскарбія земскаго, который долженъ былъ послать въ волость „для певънейшого выведанія“ какого-нибудь „доброго человѣка“ съ порученіемъ ему произвести разслѣдованіе и убѣдиться въ налоговой платежеспособности каждаго изъ членовъ волости. Подскарбій земскій, обыкновенно, поручалъ такое слѣдствіе мѣстному державцѣ, какъ лицу, стоящему близко къ населенію и знако-

[1]) К. З., XXXVII, 368.

мому съ условіями его жизни. Когда державца получалъ такое порученіе, то онъ приступалъ къ производству слѣдствія. Въ русскихъ волостяхъ онъ вызвалъ къ себѣ старцевъ и десятниковъ, которыхъ приводилъ къ присягѣ, и которые были обязаны показать наличность владѣнія каждаго изъ членовъ волости и характеръ повинностей по отношенію къ господарскому скарбу, ничего не утаивая. Справка, данная старцами и десятниками волости отъ имени всей волости, являлась вполнѣ достаточнымъ для правительства матеріаломъ къ удовлетворенію или отклоненію просьбы населенія. Конечно, такія жалобы не могли быть отклонены правительствомъ. Какъ послѣднее могло игнорировать вопль населенія, если спеціальное слѣдствіе устанавливало фактъ тяжелаго матеріальнаго положенія населенія, въ особенности, если данная мѣстность лежала въ районѣ военныхъ дѣйствій [1]).

Когда населеніе Радунскаго двора подало челобитіе по поводу злоупотребленій Свислочскаго державцы, Полоцкаго воеводы пана Станислава Довойны, то правительство отдало распоряженіе, чтобы ревизоры даннаго двора убѣдились на мѣстѣ въ правильности жалобъ населенія. Когда господарскіе ревизоры дали господарю справу, что „люди пана воеводы Полоцького сего лета жита мало не вси тыхъ подданныхъ пожали и сеножати покосили“, то господарь „за такой справой“ ревизоровъ, принимая во вниманіе убожество населенія, счелъ возможнымъ уменьшить ихъ повинности на половину, о чемъ немедленно былъ извѣщенъ мѣстный державца [2]).

Основаніемъ для того или другого отношенія правительства къ ходатайствамъ населенія служили скарбовые списки. Такъ правительство сочло возможнымъ удовлетворить ходатайство людей Любечскаго замка относительно несенія двойной подводной повинности, когда справилось въ скарбовыхъ реестрахъ относительно повинностей населенія. Но скарбовые списки были только матеріаломъ для принятія того или другого рѣшенія. Правительство считалось и съ положеніемъ самой территоріи. Любечскій замокъ находился „на небезъпечной Украине“, благодаря чему населеніе, по словамъ господарскаго листа, „часто кратъ бываютъ отъ непріятеля нашихъ воеваны сами и зъ мѣстностью своею забраны“. Господарь, принимая во вниманіе столь невыгодное по-

[1]) К. З., XLV, л. 63.
[2]) К. З., XLII, л. 59.

граничное положеніе и не желая имъ дѣлать какой либо „обтяжливости“, освободилъ ихъ отъ нѣкоторыхъ податковъ, которые они вносили въ скрабъ за отправленіе подводной повинности. Мѣстный державца получилъ увѣдомленіе „не чинить имъ никакихъ трудностей“, но выбирать съ населенія подводный податокъ согласно положенію о новой уставѣ [1]).

Господарь могъ удовлетворить просьбу населенія, и не производя никакого спеціальнаго разслѣдованія. Это, обыкновенно, дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе ходатайствовало объ облегченіи повинностей подъ вліяніемъ разныхъ стихійныхъ бѣдствій, обрушившихся на голову населенія [2]).

Не оставалось равнодушнымъ литовско-русское правительство и въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя группы подавали жалобы на произвольныя дѣйствія администраціи. Обыкновенно, челобитчики выигрывали дѣло, если при этомъ могли представить господарскій листъ, такъ или иначе опредѣлявшій ихъ положеніе. Такъ поступили Берестейскіе подданные Кливойды, не пожелавшіе нести „тесельной“ службы, произвольно назначенной имъ старостой. Желая нести только одну конную службу, они въ подкрѣпленіе ходатайства представили и господарскій листъ относительно конной службы, и кромѣ того выставили „земянъ слушныхъ“, которые, очевидно, своими показаніями должны были удостовѣрить изстаринность ихъ службы [3]).

Также поступало правительство и въ томъ случаѣ, когда подданные хлопотали объ оставленіи за ними земли, которой они владѣли на основаніи господарскихъ листовъ, и которая независимо отъ представленныхъ документовъ—ревизорскимъ распоряженіемъ записывалась, какъ земля тяглая, тогда какъ владѣльцы земли до этого времени никакой тяглой службы не несли. Впрочемъ, иногда правительство не довольствовалось представленными доказательствами и считало нужнымъ произвести дополнительное разслѣдованіе. Подстароста Берестейскій совмѣстно съ хоружимъ и мѣстными земянами произвелъ разслѣдованіе по поводу ходатайства подданныхъ Юхна Яривоновича, Ивана Малковича, и Васки Антоновича. Дѣло оказалось довольно запутаннымъ, и господарь отдалъ распоряженіе пока все оставить по старому—

[1]) К. З., XLII, л. 58.
[2]) К. З., LII, л. 43. Кн. Пуб. Д. IX, л. 105.
[3]) К. З., XIII, л. 45.

„не приворачивать въ тяглую службу и не брать никакихъ чиншовъ“ вплоть до пріѣзда „справцы замковъ и дворовъ господарскихъ“ пана Петра Фальчевскаго, которому придется разрѣшить окончательно возникшее недоразумѣніе [1]). Разслѣдованіе Фальчевскаго окончилось въ пользу челобитчиковъ. Господарь оставилъ ихъ „до ласки господарской“ въ прежней службѣ [2]). Правда, это было далеко не то, чего добивались челобитчики. Господарская резолюція отказывалась признать за ними „наслѣдственность“ ихъ службы. Этотъ отказъ дѣлалъ положеніе челобитчиковъ весьма неустойчивымъ и грозилъ имъ возможностью въ будущемъ превратиться въ положеніе тяглыхъ людей. Впрочемъ, такая резолюція понятна. Представленный документъ — былъ не господарскій листъ, а Берестейскаго старосты, и притомъ не подтвержденный господаремъ. Слѣдовательно, онъ не имѣлъ для господаря юридическаго значенія. Оставленіе же челобитчиковъ въ прежнемъ званіи объясняется, быть можетъ, нежеланіемъ рѣзко измѣнить повинностное положеніе людей, до сихъ поръ отправлявшихъ конную службу; съ другой стороны, государь не могъ игнорировать листа старосты князя А. Ходкевича. Конечно, юридическаго значенія этотъ листъ не имѣлъ никакого, но морально господарь не могъ съ нимъ не считаться. Князь А. Ходкевичъ—на политическомъ горизонтѣ Литвы — фигура весьма видная, и его распоряженіями нельзя было пренебрегать. Что же касается разнаго рода земельныхъ недоразумѣній, происходившихъ между господарскимъ крестьянствомъ съ одной стороны и сосѣдями землевладѣльцами съ другой, то высылка особыхъ комиссаровъ, производство слѣдствія на мѣстѣ и осмотръ документовъ рѣшали всѣ возникавшія на мѣстахъ недоразумѣнія [3]). Если же дѣло касалось недоразумѣній между подданными и ихъ войтами, то господарь посылалъ соотвѣтствующее увѣдомленіе старостѣ, который и разбиралъ возникшее недоразумѣніе [4]).

Аналогичными пріемами правительство разбирало и индивидуальные челобитія подданныхъ. Господарь удовлетворялъ челобитія, если подданные могли представить документы, хотя бы имѣвшіе только моральную силу, какъ пожалованія Боны [5]). Если

---

[1]) К. З., XIII, л. 48.
[2]) К. З., XIII, л. 49.
[3]) К. З., XIII, л. 68.
[4]) К. З., LII, л. 34.
[5]) К. З., XXXVIII, л. 111.

же господарь удовлетворялъ челобитія подданныхъ, не представившихъ соотвѣтствующихъ документовъ, то такое удовлетвореніе всегда носило временный характеръ и объяснялось исключительными мотивами и соображеніями. Господарь счелъ возможнымъ оставить земли на три года за группой чечерскихъ и пропойскихъ подданныхъ только потому, что, сидя раньше на земляхъ пустыхъ и, послѣ постановленія платовъ, присоединенныхъ къ господарскому двору, они вложили въ нихъ свой трудъ на приведеніе земельныхъ участковъ въ культурное состояніе. Этимъ и объясняется, почему правительство оставило за ними земли во временное пользованіе. Спустя три года, подданные должны выселиться въ господарскія пущи на новые участки, указанные ревизорами[1]).

Таково общее отношеніе господаря къ челобитіямъ подданныхъ. Слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, указать на умѣренное отношеніе къ подданнымъ. Нигдѣ не видно желанія преслѣдовать во что бы то ни стало фискальную точку зрѣнія. Желаніе считаться съ обстоятельствами, въ которыхъ находится народный трудъ, красной нитью проходитъ черезъ всѣ господарскіе отвѣты. Конечно, разумная хозяйственная политика и правильно понятые интересы господарскаго скарба не могли продиктовать иного отношенія со стороны правительства къ ходатайствамъ государственнаго тяглаго населенія.

Подведемъ итогъ всему сказанному. Земли бояръ не составляли ихъ собственности въ прямомъ смыслѣ этого слова, а потому ихъ земельными владѣніями давалась отмѣна духовнымъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ.

Однако и боярамъ давалась отмѣна, если только они могли доказать свое право на потомственное владѣніе тѣмъ или другимъ земельнымъ участкомъ. Для этой цѣли необходимо было представить соотвѣтствующіе оправдательные документы.

Отмѣна, тѣмъ не менѣе, и въ послѣднемъ случаѣ далеко давалась не всѣмъ. Но это слѣдуетъ отнести къ правонарушеніямъ со стороны господарскихъ агентовъ.

Волочное измѣреніе сопровождалось также провѣркой боярскихъ правъ на землю, и всѣ участки, не соотвѣтствовавшіе господарской даннинѣ, отписывались на господаря.

Неполучившіе отмѣны подавали господарю челобитья съ просьбой объ отмѣнѣ, ссылаясь на различные документы.

---

[1]) К. З., XXXVIII, л. 428—429.

Хлопотали объ отмѣнѣ и лица, владѣвшія землей „до воли и ласки господарской“.

Помимо того, бояре хлопотали передъ господаремъ объ отмѣнѣ чинша, который они вносили въ господарскій скарбъ за право держанія господарскихъ земель. Мотировка бояръ была довольно разнообразна.

Во время аграрной реформы боярство обращалось къ господарю съ ходатайствами о надѣленіи ихъ землями: одни для несенія военной службы, другіе потому, что съ нихъ „скарбу жадного пожитку“ нѣтъ, третьи ходатайствовали о наградѣ за земскую службу, четвертые—просили о возвращеніи имъ ихъ земли, какъ неправильно отнятой, пятые—просили о возвращеніи земель, такъ какъ въ свое время не были представлены соотвѣтствующіе документы, шестые просили объ отдачѣ лѣсныхъ волокъ для разработки.

Одновременно бояре возбуждали ходатайства о подтвержденіи земель, оказавшихся въ ихъ рукахъ и полученныхъ ими или отъ ревизоровъ, или пріобрѣтенныхъ покупкой, или перешедшихъ по наслѣдству дѣтямъ, или полученныхъ боярами въ видѣ отмѣны.

Положеніе боярина было мало устойчивымъ. Онъ легко могъ сдѣлаться тяглымъ человѣкомъ и часто становился таковымъ, благодаря ревизорскому распоряженію. Поэтому, пострадавшіе бояре хлопочатъ передъ господаремъ объ оставленіи ихъ въ боярскомъ званіи.

Благодаря неопредѣленности боярскаго званія и неопрочности боярскаго землевладѣнія между боярами и сосѣдями возникали разнаго рода недоразумѣнія.

Отношеніе господаря къ боярскимъ челобитіямъ, можно сказать, было самымъ внимательнымъ. Господарь удовлетворялъ обыкновенно всѣ просьбы, если онѣ имѣли хоть какое-нибудь законное основаніе, и удовлетвореніе ихъ не грозило интересамъ господарскаго скарба.

Неустойчивымъ было также положеніе и „путныхъ бояръ“. Они часто попадали въ разрядъ тяглыхъ. Желаніе остаться въ прежнемъ званіи побуждало бояръ подавать господарю челобитія объ оставленіи ихъ въ „путныхъ или непутныхъ боярехъ“. Такія челобитія подавались и послѣ Сигизмунда-Августа, при его ближайшихъ преемникахъ.

Путные бояре въ нѣкоторыхъ случахъ получали также отмѣну за земли, приписанныя къ господарскимъ землямъ.

Пушкари ходатайствовали передъ господаремъ объ оставленіи ихъ въ пушкарскомъ званіи, о передачѣ своего званія дѣтямъ и родственникамъ, объ оставленіи за ними наслѣдственныхъ отчизныхъ земель и о подтвержденіи за ними волокъ, розданныхъ имъ для несенія пушкарской службы, объ укрѣпленіи за ними купленной земли.

Ходатайства кухарей сводились къ просьбамъ объ освобожденіи отъ чинша тяглыхъ волокъ, оказавшихся въ ихъ владѣніи, объ оставленіи ихъ на кухарской службѣ, объ оставленіи въ ихъ рукахъ тѣхъ земель, которыми они владѣли по наслѣдству отъ своихъ предковъ.

Аналогичными были просьбы и другихъ разрядовъ привилегированнаго крестьянства.

Господарскіе отвѣты—весьма доброжелательны по отношенію къ привилегированному крестьянству. Господарь по возможности удовлетворялъ всѣ ходатайства, если находилъ къ тому какія либо законныя основанія.

Ходатайства подданныхъ сводились къ просьбамъ объ уменьшеніи повинностей, жалобамъ на администрацію, просьбамъ объ оставленіи прежнихъ повинностей, жалобамъ на сосѣдей и на свою сельскую администрацію.

Осторожное и внимательное отношеніе къ просьбамъ податнаго населенія можно отмѣтить и при анализѣ господарскихъ отвѣтовъ по поводу челобитій господарскихъ непривилегированныхъ подданныхъ.

III.

Аграрная реформа и мѣщанство [1]).

Дореформенные города. Городъ и реформа. Ходатайства мѣщанъ. Отвѣты на нихъ господаря.

О литовско-русскихъ городахъ, какъ хозяйственныхъ центрахъ, не приходится говорить до конца XIV столѣтія. Составляя

[1]) О положеніи мѣщанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ существуетъ довольно большая литература, знакомящая съ нѣкоторыми сторонами жизни литовско-русскаго города. Къ литературѣ болѣе ранней надо отнести труды В. Б. Антоновича „Изслѣдованіе о городахъ въ Юго-Западной Россіи" Кіевъ 1878 г. и М. Ф. Владимирскаго-Буданова „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ", СПБ. 1868 г. Первый интересуется постепенными перемѣнами въ жизни литовско-русскаго города вплоть до его обособленія отъ волости и превращенія въ независимую отъ нея и довольно замкнутую общественную единицу. Располагая довольно значительнымъ архивнымъ матеріаломъ, В. Б. Антоновичъ составилъ очень отчетливое представленіе о жизни литовско-русскаго города, причемъ отмѣтилъ весьма вредное вліяніе нѣмецкаго права на жизнь города и хозяйственное значеніе края. Для В. Б. Антоновича проведеніе въ городахъ „магдебургскаго права"— это только одинъ изъ этаповъ постепенной полонизаціи края. М. Ф. Владимирскій-Будановъ пользовался почти исключительно опубликованнымъ юридическимъ матеріаломъ. Его задача—дать картину жизни литовско-русскаго города, получившаго „магдебургское право". Цѣль, поставленная авторомъ, выполнена весьма успѣшно. Внѣшняя картина жизни города представляется предъ читателемъ довольно отчетливо. Касаясь вопроса о введеніи въ городахъ магдебургскаго права, почтенный изслѣдователь склоненъ смотрѣть на распространеніе магдебургскаго права, какъ на одно изъ орудій полонизаціи края, и съ этой стороны отношеніе его къ магдебургскому праву безусловно отрицательно-враждебное. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, работы упомянутыхъ выше изслѣдователей отличаются однимъ существеннымъ недостаткомъ: изученіе судебъ города происходитъ внѣ связи съ хозяйственными и соціальными условіями жизни Литовско-Русскаго государства. Благодаря этому, самый характеръ жизни города остался довольно односторонне освѣщеннымъ, и вопросъ о значеніи магдебургскаго права въ жизни литовско-русскаго города остался не выясненнымъ. Открытымъ оставался также

одно цѣлое съ волостью, литовско-русскіе города были лишь для волости политическими и административными центрами, куда

вопросъ о причинахъ распространенія на Литвѣ и Руси магдебургскаго права. Точно также не получилось опредѣленнаго отвѣта и по вопросу объ отношеніи магдебургскаго права къ мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ и фактическомъ его преобладаніи надъ нормами русскаго обычнаго права. Въ большой работѣ М. К. Любавскаго „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго статута“, Москва, 1892 г., отведено не мало страницъ положенію мѣстъ и мѣщанъ, какъ населенія, жившаго въ повѣтахъ и волостяхъ Литовско-Русскаго государства. Наблюденія М. К. Любавскаго основаны на изученіи богатѣйшаго архивнаго матеріала. Они всегда очень точны и никогда не даютъ больше того, чѣмъ содержитъ источникъ. Авторъ, конечно, не ставитъ тѣхъ вопросовъ, какіе себѣ ставили предъидущіе изслѣдователи, но, располагая бо́льшимъ количествомъ матеріала, онъ далъ весьма отчетливую картину повинностного положенія господарскихъ мѣстъ, попутно касаясь тѣхъ перемѣнъ, какія происходили въ повинностномъ отношеніи въ положеніи мѣщанства, когда городъ получалъ отъ правительства привилей на магдебургское право,—не подымая, однако, вопроса о причинахъ дарованія городамъ магдебургскаго права, что, собственно, и не входило въ задачу изслѣдователя. Наблюдая жизнь и составъ провинціальнаго мѣщанства, какъ части всего провинціальнаго общества, М. К. Любавскій не столько изучаетъ генезисъ того или другого факта, сколько стремится его зарегистрировать для составленія статистической картины жизни общества, и въ томъ числѣ мѣщанства. Отчетливая картина жизни литовско-русскаго города дана М. К. Любавскимъ въ его послѣднемъ трудѣ „Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства“. М. 1916 г. Городскихъ общинъ и ихъ повинностного положенія коснулся и другой видный изслѣдователь исторіи Литвы—М. В. Довнаръ-Запольскій въ своей большой работѣ „Государственное хозяйство в. кн. литовскаго при Ягеллонахъ“, Кіевъ 1901 г. Правда, этому вопросу посвящено не много мѣста, но всѣ наблюденія очень цѣнны. Авторъ подошелъ къ жизни литовско-русскаго города съ другой стороны, чѣмъ М. К. Любавскій. Его интересуетъ городъ—мѣсто исключительно, какъ плательщикъ налоговъ, причемъ автору приходится касаться городовъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Говоря о городахъ съ магдебургскимъ правомъ, М. В. Довнаръ-Запольскій приводитъ очень тонко разницу между отдѣльными городами въ правахъ и дѣлитъ города на нѣсколько группъ, но вопросъ о значеніи и причинахъ введенія магдебургскаго права и этотъ изслѣдователь оставляетъ безъ пересмотра. Наконецъ, въ работѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго есть очень цѣнныя замѣчанія, касающіяся перемѣнъ въ жизни литовско-русскаго города съ проведеніемъ и осуществленіемъ задуманной аграрной реформы. Наблюденія М. В. Довнаръ-Запольскаго основаны на архивномъ и печатномъ матеріалѣ. Они отличаются большой точностью и скрупулезностью. Но остаются неясными тѣ условія, тѣ общія экономическія отношенія, которыя производили тѣ или другія юридическія перемѣны въ жизни литовско-русскаго города. Кромѣ этихъ работъ, вопросу о городахъ посвящена работа Halban „Zur Geschichte des Deutschen Rechtes in Podolien, Volhynien und der Ukraine“, 1896 г., юридическаго характера, интересная въ томъ отношеніи, что авторъ детально доказываетъ, что введеніе

сбѣгалось населеніе подъ охрану городскихъ укрѣпленій и куда оно тянуло „по суду, нарядамъ и повинностямъ“ [1]). Съ теченіемъ времени жизнь городовъ, въ особенности въ западной части Литовско-Русскаго государства, значительно усложняется. Города становятся и хозяйственными центрами для волостей [2]).

Помимо большихъ городовъ. Литовско-Русское государство было покрыто малыми городами, большими и малыми мѣстечками, въ которыхъ производился торгъ, и были разнаго рода промышленныя и торговыя учрежденія [3]). Сравнительно ихъ было много въ западныхъ областяхъ великаго княжества, гдѣ экономическая жизнь развивалась болѣе быстрымъ темпомъ, благодаря торговымъ путямъ, связывавшимъ эти области съ Западной Европой. Перво-

магдебургскаго права не убивало мѣстнаго права. Судьи считались и съ сборниками права, и съ мѣстными юридическими нормами, благодаря этому происходило смѣшеніе писаннаго и неписаннаго права, вырабатывались какія то новыя юридическія нормы. Въ юридическомъ отношеніи очень важенъ и трудъ Ѳ. В. Тарановскаго „Обзоръ памятниковъ Магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи“, Варшава, 1898 г., необходимый для всякаго изучающаго историческія судьбы литовско-русскаго города. Не мало найдется очень цѣнныхъ замѣчаній въ „Історіи Україны Руси“, М. С. Грушевскаго т. VI. Отчасти касается этого же вопроса и проф. Кутшеба въ своей работѣ „Historya ustroju Polski w zarysie. II. Litwa“, Lwów, 1914, но новаго авторъ не даетъ ничего, и ограничивается лишь указаніемъ на то, какое огромное значеніе имѣло дарованіе магдебургскаго права для развитія городского самоуправленія и сближенія литовскихъ городовъ съ польскими, однако не пытаясь углубиться въ этотъ вопросъ и дать ему болѣе широкую постановку. При той постановкѣ, которая находится у Кутшебы,—можно только отмѣтить схематичность, категоричность и нѣкоторую необоснованность его сужденій. Наконецъ, работа г. Клименко „Западно-русскіе цехи XVI—XVIII в.“ Кіевъ 1911 г., касается жизни города уже послѣ введенія волочной помѣры. Собранный авторомъ матеріалъ даетъ возможность составить отчетливое представленіе о цехахъ, существо и характеръ которыхъ до сихъ поръ оставались неизвѣстными, но его работа, написанная нѣсколько догматически и лишенная исторической перспективы, на многіе вопросы историко-экономическаго характера не даетъ отвѣта. Самый же вопросъ о расцвѣтѣ цеховаго строя, при отсутствіи у автора историко-экономической перспективы, рѣшается имъ довольно односторонне. Въ общемъ, вся наличная литература, хотя и даетъ много фактическаго матеріала и наблюденій, — однако не позволяетъ составить отчетливо-полную историческую картину жизни литовско-русскаго города. Послѣдній все еще ждетъ своего изслѣдователя.

[1]) Ѳ. Леонтовичъ. Къ исторіи админ. строя лит.-русск. госуд. стр. 3—4. Юрид. Записки, 1910 в. I стр. 377.

[2]) В. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда II въ Литовско-Русскомъ Государствѣ. Москва, 1917 г. Ч. I главы II—III.

[3]) М. К. Любавскій. Обл. дѣл. и мѣст. упр., стр. 496.

начальная организація управленія литовско-русскихъ городовъ, какъ это вѣрно замѣчено Ѳ. И. Леонтовичемъ, почти ничѣмъ не отличалась отъ волостной организаціи. По крайней мѣрѣ, памятники молчатъ о какихъ либо спеціальныхъ городскихъ урядахъ. Но строй литовско-русскихъ городовъ долженъ былъ значительно измѣниться, какъ только нѣкоторые изъ нихъ стали болѣе или менѣе видными центрами хозяйственной жизни волости. Съ конца XIV вѣка въ западной части Литовско-Русскаго государства начинаетъ распространяться магдебургское право. Раньше всего его получила Вильна въ 1387 г. Въ 1390 г. — Берестье, въ 1391 г.— Гродно и Ковно [1]). Помимо магдебургскаго права въ Литвѣ распространялись въ нѣкоторыхъ городахъ Подляхіи (Нарва, Клещаке Крабове) и собственно Литвы (Медники и Ворніовъ) разновидности его—право хелмское и право шродское. Въ 1424 г. послѣднее было пожаловано городу Соколу въ Дорогичскомъ повѣтѣ [2]).

Вопросъ о причинахъ распространенія магдебургскаго права требуетъ нѣкотораго разъясненія. М. Ф. Владимирскій-Будановъ [3]) считаетъ его распространеніе однимъ изъ средствъ полонизаціи края, и литовско-русское правительство стало на этотъ путь вполнѣ сознательно. Къ тому же выводу пришелъ и В. Б. Антоновичъ [4]), указавшій, что распространеніе магдебургскаго права привело къ развитію сословности и уничтоженію всесословности общества. М. К. Любавскій тоже считаетъ распространеніе магдебургскаго права однимъ изъ результатовъ польскаго вліянія на Литву [5]). Краковскій профессоръ Кутшеба также видитъ въ распространеніи магдебургскаго права вліяніе, и притомъ весьма благодѣтельное, польской общественности на литовско-русскій государственный строй. Весьма вѣроятно, что значительная доля правды есть во всѣхъ этихъ предположеніяхъ, но едва ли возможно вполнѣ ихъ принять. Изслѣдователи, изучавшіе городское право въ Литвѣ, сдѣлали цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ наблюденій, но въ то же время прошли мимо другихъ, и притомъ также весьма важныхъ вопросовъ. Несомнѣнно, магдебургское право заимствовано изъ Польши, куда оно перешло изъ Германіи. Городское самоупра-

---

[1]) Ѳ. Тарановскій. Обзоръ памят. магд. права, стр. 18.

[2]) Ibid стр. 19; Юрид. записки 1910 г. к. I стр. 379.

[3]) М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ.

[4]) В. Б. Антоновичъ. Изсл. о городахъ.

[5]) М. К. Любавскій. Очеркъ ист. лит.-русск. госуд., гл. XV.

вленіе было введено въ Литвѣ правительствомъ, тогда какъ на Западѣ оно большею частью завоевывалось, лишь только города достигали извѣстной степени экономическаго развитія и благосостоянія. Всѣ эти наблюденія совершенно справедливы, но этимъ все таки не рѣшается вопросъ о причинахъ распространенія магдебургскаго права.

Мы не знаемъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководилось правительство, выдавая городамъ — Вильнѣ, Трокамъ, Гроднѣ, Берестью—привилеи на магдебургское право, но мы не располагаемъ также никакими данными, которыя подтвердили бы предположеніе, будто распространеніе магдебургскаго права производилось съ опредѣленной цѣлью. Точно также ошибочно и сужденіе В. Б. Антоновича, такъ какъ процессъ разрушенія всесословнаго строя развивался въ Литвѣ въ значительной степени независимо отъ польскаго вліянія и воздѣйствія. При разрѣшеніи, впрочемъ весьма предположительномъ, вопроса о распространеніи на города самоуправленія, намъ кажется, не слѣдуетъ придавать большого значенія тому неоспоримому факту, что формы городского самоуправленія заимствованы изъ Польши. Этотъ фактъ самъ по себѣ ничего одіознаго не содержитъ и не даетъ никакихъ данныхъ для подтвержденія наблюденій, ранѣе высказанныхъ изслѣдователями.

Образованіе Литовско-Русскаго государства застало Литву при весьма примитивныхъ хозяйственныхъ формахъ. Города почти не имѣли никакого экономическаго значенія. Какъ военные центры, они благодаря этому занимали особенное положеніе въ волости и представляли собою въ нѣкоторомъ отношеніи особую административную единицу, правда находившуюся въ вѣдѣніи военныхъ властей. Бѣдность средствъ литовско-русскаго правительства и примитивная хозяйственная структура Литовско-Русскаго государства въ связи съ внѣшнимъ положеніемъ Литвы заставляли правительство задумываться надъ вопросомъ объ увеличеніи доходовъ господарскаго скарба и развитіи экономической жизни княжества. Предоставляя городамъ-крѣпостямъ самоуправленіе и выдѣляя ихъ въ особую административно-хозяйственную единицу, князья тѣмъ самымъ желали поднять экономическое развитіе страны путемъ возбужденія хозяйственной производительности и дѣятельности городского населенія. Примѣръ европейскихъ и польскихъ городовъ давалъ правительству нѣкоторыя основанія для оправданія своей политики относительно городовъ. Только

князья не знали, что предоставленіе нѣмецкимъ городамъ самоуправленія явилось слѣдствіемъ ихъ экономическаго процвѣтанія. Литовскіе же князья поступали совсѣмъ наоборотъ. Но дѣятельность ихъ не пропала даромъ. Крупные города довольно рано стали большими экономическими центрами, процвѣтаніе которыхъ зависѣло отъ полученнаго ими самоуправленія. Отъ этихъ городовъ шли торговыя дороги въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Узловое ихъ положеніе содѣйствовало ихъ расцвѣту. Князья прекрасно разобрались въ вопросѣ, какіе, именно, города въ первую очередь должны были получить магдебургское право [1]). Высказанная мысль находитъ себѣ подтвержденіе еще въ томъ явленіи, что раздача привилеевъ на магдебургское право была особенно многочисленна во второй половинѣ въ XVI в., когда экономическій строй Литвы претерпѣвалъ серьезныя измѣненія. Только во второй половинѣ XVI в. многія изъ городскихъ общинъ сами хлопотали о предоставленіи магдебургскаго права, оцѣнивъ его значеніе и вліяніе [2]).

Благодаря образованію привилегированнаго землевладѣнія разрушалась въ Литвѣ всесословность строя, и укрѣплялась его сословность. Магдебургское право въ этомъ отношеніи никакихъ новшествъ не вносило, а только ускоряло естественный процессъ выдѣленія города въ отдѣльную сословно-административную единицу. Мнѣніе В. Б. Антоновича не находитъ подтвержденія при болѣе внимательномъ изученіи сословности въ Литвѣ.

Магдебургское право распространялось до конца XV в. только въ Западныхъ областяхъ. Въ восточныхъ областяхъ было мало городовъ. Хозяйственный строй ихъ былъ болѣе примитивенъ, и сословность тамъ пока не пустила глубокихъ корней. Съ половины XVI в. и тутъ начался процессъ хозяйственной эволюціи и разложенія всесословнаго строя, что повело къ росту городовъ и мѣстечекъ и полученію ими магдебургскаго права. Въ общемъ, послѣднее право только ускорило здѣсь процессъ выдѣленія города въ самостоятельную административно-хозяйственную единицу. Это произошло бы и само по себѣ, независимо отъ магдебургскаго права, но исключительно въ силу экономическаго развитія Литовско-Русскаго государства [3]).

---

[1]) В. Пичета. Агр. реф. Сиг.-Авг. ч. I, гл. III.
[2]) Особенно много было пожалованій при Стефанѣ Баторіи. (К З. LXXV).
[3]) В. Пичета. Opus cit., гл. III.

Благодаря полученію „мѣстами“ самоуправленія, они стали дѣлиться на привилегированныя и непривилегированныя. И повинностное отношеніе ихъ къ господарскому скарбу, и система управленія въ нихъ были совершенно различны. Города, получившіе листы на Магдебургское право, были независимы въ судебно-административномъ отношеніи отъ правительственнаго должностного лица, отношенія къ которому органичивались только уплатой опредѣленныхъ податковъ съ разныхъ городскихъ статей. Повинностное же отношеніе къ господарскому скарбу отличалось полной точностью и ясностью. Правительство брало въ свою пользу полностью или частично поступленія отъ ряда доходныхъ городскихъ статей, при этомъ населеніе освобождалось отъ натуральныхъ работъ совмѣстно съ волостными людьми. Благодаря магдебургскому праву, городскія самоуправляющіяся общины находились въ сравнительно хорошемъ состояніи, такъ какъ фактически исчезла возможность злоупотребленій со стороны провинціальной администраціи. Если же послѣднія случались, то, вслѣдствіе опредѣленности отношеній къ администраціи, эти злоупотребленія легко были исправимы. Поэтому, городскія общины имѣли полное основаніе быть довольными своимъ хозяйственно-правовымъ положеніемъ. Въ нѣсколько иномъ положеніи находились непривилегированныя мѣста. Они составляли одно цѣлое съ волостью въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Въ этомъ случаѣ, не было разницы между восточными и западными городами. Показателемъ тѣсной связи мѣста съ волостью служитъ отсутствіе спеціальной мѣстской администраціи. Благодаря этому, надзоръ за выполненіемъ мѣщанами лежавшихъ на нихъ повинностей сосредоточивался въ рукахъ велико-княжескаго урядника и его слугъ [1]). Такъ какъ повинности непривилегированныхъ мѣстъ опредѣлялись обычаемъ, и городская община не имѣла своего представителя, который могъ бы защитить городское населеніе, то на этой почвѣ были возможны злоупотребленія со стороны администраціи, вызывавшія въ массѣ населенія недовольство. Необходимость урегулированія отношеній стала очевидной для правительства съ того момента, какъ оно стало на путь болѣе или менѣе планомѣрной хозяйственной политики.

Что же касается повинностнаго положенія непривилегированныхъ мѣстъ, то прежде всего въ господарскій скарбъ со всѣхъ

---

1) М. К. Любавскій. Opus cit., стр. 497—500.

мѣщанъ поступала поземельная подать. Размѣръ ея былъ точно опредѣленъ только для Берестейско-Подляшскихъ мѣстъ, гдѣ уже въ началѣ XVI вѣка было произведено волочное измѣреніе. Въ другихъ мѣстахъ она опредѣлялась обычаемъ, который въ половинѣ XVI в. нарушался господарской администраціей, что, въ свою очередь, подталкивало правительство въ сторону опредѣленія размѣровъ поземельной подати. Послѣдняя подать—это налогъ обыкновенный. Но, кромѣ того, собирались и экстренные налоги —серебщина и ордынщина, которые своими размѣрами часто разоряли населеніе и заставляли его обращаться къ правительству съ просьбой о льготѣ. Правительству волей-неволей приходилось удовлетворять эти просьбы, такъ какъ, по словамъ челобитчиковъ, населеніе разбѣгалось, а его уменьшеніе, конечно, могло грозить неисчислимыми убытками для господарскаго скарба. [1]) Поземельная подать, серебщина и ордынщина — это прямые налоги, поступавшіе въ господарскій скарбъ и собиравшіеся со всѣхъ мѣстъ на всемъ протяженіи Литовско-Русскаго государства. Кромѣ того, въ распоряженіе правительственнаго скарба поступали различные косвенные налоги, собиравшіеся обыкновенно мѣстными державцами. Впрочемъ, устава 1529 года не всегда на практикѣ выполнялась. Существовали въ этой области многочисленныя исключенія. Отдѣльныя доходныя статьи отдавались правительствомъ въ аренду. [2]) Иногда сборъ налоговъ поручался спеціально посланнымъ для этой цѣли дворянамъ, [3]) становившимся помощниками администраціи. Жаловались также доходныя статьи въ награду за службу, въ особенности корчмы, съ освобожденіемъ отъ платежа всякихъ податковъ въ господарскій скарбъ. Точно также господарскія корчмы отдавались государственнымъ кредиторамъ на опредѣленный срокъ „для выбиранія пѣнезей". [4]) Наконецъ, помимо общихъ налоговъ, собиравшихся со всѣхъ мѣстъ, существовали кое гдѣ и спеціальные мѣстные налоги, сборъ которыхъ въ другихъ городахъ нельзя отмѣтить на основаніи существующихъ источниковъ [5]). Помимо указанныхъ выше налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, населеніе непривилегированныхъ мѣстъ вносило въ господарскій скарбъ

[1]) М. К. Любавскій. ibid., стр. 501.
[2]) М. К. Любавскій. ibid., стр. 503.
[3]) М. К. Любавскій. ibid., стр. 507.
[4]) М. К. Любавскій. ibid., стр. 510.
[5]) М. К. Любавскій. Opus cit., стр. 517—518.

рядъ натуральныхъ податей и отправляло повинности совмѣстно съ волостнымъ населеніемъ. [1]) Такая связь интересна, какъ показатель примитивнаго состоянія хозяйства въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Впрочемъ, съ половины XV вѣка это общее правило постепенно нарушается. Отдѣльные города получаютъ отъ правительства „листы“, коими они освобождаются отъ тяглыхъ работъ, гвалтовъ, подводъ, сторожи, дяколъ, пригона и разнаго рода другихъ повинностей. Эти изъятія дѣлались литовско-русскимъ правительствомъ подъ вліяніемъ разнаго рода соображеній. [2]) Но каковы бы ни были эти соображенія—мѣропріятія правительства разрушали связь города съ волостью и постепенно подготавливали окончательное выдѣленіе города изъ волости, еще задолго до полученія городами магдебурскаго права.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа весьма существенно коснулась и городовъ, впрочемъ, не всѣхъ. Внѣ ея вліянія остались города, имѣвшіе магдебургское право. Повинности этихъ городовъ оставались безъ измѣненія. Но на дѣлѣ, и въ данномъ случаѣ не обходилось безъ нарушенія. Ревизоры, игнорируя мѣстныя вольности, налагали на города новыя повинности, отмѣны которыхъ приходилось добиваться. Вообще, привилегированнымъ городамъ надо было быть все время насторожѣ своихъ правъ, и всякое упущеніе со стороны города грозило ему финансовыми тяжкостями.

Аграрная реформа коснулась, главнымъ образомъ, непривилегированныхъ городовъ. Ревизоры описывали земли, пахотныя и огородныя, сѣнокосныя, домовые пляцы и облагали всѣ эти земли соотвѣтствующимъ поземельнымъ налогомъ. Послѣдній, конечно, не однообразенъ. За земли, лежавшія за городской чертой, вносился чиншъ и отдѣльная плата за отбываніе толоки. Размѣры чинша зависѣли отъ качества почвы. Толока оставалась одинаковой для всѣхъ держателей мѣстскихъ волокъ. Что же касается усадебныхъ земель, то размѣръ падавшаго на нихъ обложенія всецѣло зависѣлъ отъ мѣстоположенія усадьбы. Болѣе близкія къ центру облагались выше, чѣмъ находившіяся въ отдаленныхъ улицахъ. Волочный уставъ учитывалъ выгоды мѣстоположенія при опредѣленіи поземельнаго сбора и, стремясь къ справедливому и равному обложенію, поступалъ совершенно пра-

---

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Госуд. хоз. стр. 310.—311.
[2]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Ibid., стр. 331.

вильно. Однообразнымъ налогомъ облагались земли огородные и гуменные пруты въ предмѣстьи. [1]) Впрочемъ, нормы чинша, принятыя уставой о волокахъ, не всегда на практикѣ соблюдались. Ихъ приходилось измѣнять въ зависимости отъ разныхъ рода условій и обстоятельствъ. Въ мѣстѣ Клещевѣ былъ установленъ одинъ чиншъ въ количествѣ 30 грошей и 5 грошей за бочку овса, при чемъ этотъ чиншъ одинаково падалъ и на хорошія, и на плохія по качеству земли. Но это несоотвѣтствіе между нормами чинша и качествомъ земли было указано правительству самимъ населеніемъ. Тогда правительство, руководясь принципомъ неуменьшенія податей, поступавшихъ съ мѣста въ казну, нашло возможнымъ ввести новыя нормы чинша „съ добрыхъ кгрунтовъ циншъ большей, а съ худыхъ—меньшій“. По этому жители Клещева стали платить по 47 грошей съ доброй волоки, 28 грошей съ подлой волоки и по 15 грошей съ каждой „вельми подлой волоки“. [2])

Не смотря на то, что устава о волокахъ не распространяла своего дѣйствія на городскія общины, занимавшія привилегированное положеніе, тѣмъ не менѣе, какъ было указано М. В. Довнаръ-Запольскимъ, онѣ должны были платить прутовые пенези за усадебныя мѣста, тогда какъ, согласно привилеямъ на магдебургское право, города были совершенно свободны отъ платежа денегъ за пользованіе въ городахъ усадебной осѣдлостью. [3]) Такимъ образомъ, и города съ магдебургскимъ правомъ не остались безъ косвеннаго воздѣйствія на нихъ волочной помѣры. Впрочемъ, общей нормой признать это нельзя, такъ какъ были общины, которыя не желали примириться съ новшествами уставы и отстаивали, ссылаясь на привилей на магдебургское право, свое прежнее положеніе. И господарю, какъ это видно изъ его отвѣта на челобитіе Гродненской общины, приходилось идти на уступки и отказаться отъ требованія прутовыхъ денегъ „за пляцы и огороды“. [4]) Поступали ли такъ всѣ города, или нѣтъ,—на это наши источники не даютъ отвѣта. Можетъ быть, молчаніе другихъ городовъ является лишь показателемъ, что справцы нѣкоторыхъ волостей были болѣе внимательны къ городскимъ правамъ и не

---

[1]) Устава на волоки, стр. 9.
[2]) Кн. Пуб. Д., IX. л 74, 152.
[3]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Госуд. Хоз., стр. 341.
[4]) К. З., XLI, л. 182.

рѣшались нарушать ихъ распространеніемъ на нихъ новаго обложенія.

Облагая городскія земли особымъ поземельнымъ налогомъ, устава о волокахъ вводила и новое однообразное промысловое обложеніе: акцизный сборъ съ корчемъ, устроенныхъ въ предѣлахъ городской черты, и рѣзницкій сборъ—[1]). Наконецъ, вводился и личный налогъ въ размѣрѣ 2 грошей со всѣхъ лицъ, которыя не владѣли въ городѣ недвижимымъ имуществомъ [2]).

Въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ городъ, въ которомъ была введена волочная помѣра, находился въ зависимости отъ провинціальной администраціи, получавшей за свой трудъ опредѣленную часть городскихъ доходовъ, такъ что на этой почвѣ, между городомъ и администраціей не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній [3]).

Для завѣдыванія спеціально городскими дѣлами и для надзора за правильнымъ отбываніемъ населеніемъ лежавшихъ на немъ повинностей и податей во главѣ города ставился войтъ. О его обязанностяхъ и соотвѣтствующемъ за нихъ матеріальномъ вознагражденіи уже приходилось говорить [4]). Аграрныя мѣропріятія правительства сопровождались выкупомъ старыхъ войтовствъ и назначеніемъ на ихъ мѣста новыхъ [5]). Это, вѣроятно, дѣлалось въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы и въ городахъ съ магдебургскимъ правомъ войты занимали то же положеніе и пользовались тѣми же доходами, какъ и войты мѣстностей, гдѣ прошла аграрная реформа. Дѣйствительно, оставить положеніе войтовъ по старому было невозможно. Неравномѣрность матеріальнаго обезпеченія старыхъ войтовъ и новыхъ рѣзко бросалась бы въ глаза. Насколько велика могла быть разница, можно судить уже по тому, что Кнышинскій войтъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10 волокъ [6]). Выкупъ давался только за земли, на которыя войты могли представить соотвѣтствующіе документы; если же оказывалось, что войты владѣли землями „безъ жадного права и листовъ“ „ку шкоде господарской и господарскому пожитку“, то эти земли отбирались въ казну и за нихъ „имъ жадного гроша не платили“.

---

1) Устава, арт. 10—11.
2) Устава, арт. 12.
3) Устава, арт 10, 11.
4) В. Пичета. Opus cit., стр. 235—236.
5) К. З., XXXVIII, л. 12.
6) К. З., XXXVIII, л. 12.

Выкупу подлежали и купленныя волоки, только войту разрѣшалось брать съ собой хлѣбъ, который онъ посѣялъ и который онъ могъ унести съ собой. Выкупъ войтовства могъ быть произведенъ только тогда, когда войты представятъ въ господарскій скарбъ „личбу достаточную,“ почему они держали больше волокъ „нижли имъ войтомъ належало и въ листехъ ихъ стоитъ описано“, а также отвѣтятъ передъ господаремъ „про которую причину зъ не мало волокъ оселыхъ подъ нашими подданными въ ихъ же войтовстве плату доскарбу нашого недавали“. Многіе изъ войтовъ игнорировали господарскіе „выроки“, ссылаясь на ихъ неполученіе, „и въ скарбе до сихъ часовъ не справовали и никоторое личбы не вделали“. [1]) Однако, и присоблюденіи этихъ условій, выкупъ войтовствъ былъ произведенъ не повсемѣстно. Нѣкоторыя изъ нихъ оставались невыкупленными, о чемъ „справцѣ господарскихъ дворовъ и замковъ“ были даны соотвѣтствующія указанія. Другія войтовства оставались безъ выкупа „до воли и ласки господарской.“ [2]) Войтовства могли попасть обратно въ руки господаря, если самъ войтъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отказывался отъ войтовства. [3]) Войты назначались господаремъ изъ мѣщанъ или шляхтичей. [4]) Но господарь могъ поручить мѣстному старостѣ отъ своего имени назначить войтомъ подходящее лицо. Когда Витебскій войтъ Гришка Гуторъ отказался добровольно отъ войтовскихъ обязанностей, господарь послалъ Витебскому воеводѣ увѣдомленіе, „ижъ бы которого доброго звлаща человека именемъ нашимъ на войтовство учинилъ“ и далъ ему нѣкоторое количество земли въ видѣ вознагражденія за исполненіе войтовской должности. [5]) Обыкновенно, самъ господарь выбиралъ на должность войта. И господарь, отдавая войтовство намѣченному лицу, сообразовался при этомъ съ его заслугами и качествами. [6]) Иногда кандидатура выдвигалась панами радой [7]). Бывало, что и самъ войтъ выставлялъ кандидату того или другого лица на войтовство.

---

[1]) К. З., XXXVIII л. 12.
[2]) К. З., XXXVIII л. 12.
[3]) К. З., XXXVIII л. 2.
[4]) К. З., LXXIII л. 401.
[5]) К. З., XXXVIII л. 2.
[6]) К. З., LXXIII л. 401.
[7]) К. З., XXXVIII л. 401.

Такъ Пинскій войтъ Федоръ Демьяновичъ, будучи человѣкомъ въ „летехъ зошълыхъ злого здоровья", былъ не въ состояніи отправлять войтовскія обязанности. Поэтому, онъ „урядъ войтовскій зъ себе зложилъ и доброволне пустилъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ господаря назначить войтомъ земскаго судью Фурса, считая послѣдняго „прилеглымъ и справнымъ въ праве, беглымъ всимъ потребамъ и правамъ местскимъ"[1]).

Конечно, это было возможно только въ томъ случаѣ, если войтовство было наслѣдственнымъ, а у войта не было наслѣдниковъ, къ которымъ могла бы перейти его должность. И населеніе мѣста иногда хлопотало о назначеніи на должность войта своего ихъ кандидата.

Такъ просьба больного Пинскаго войта Федора Демьяновича о назначеніи войтомъ земскаго судьи Фурса была поддержена жителями Пинскаго мѣста [2]).

Затѣмъ господарю иногда подавались челобитія съ просьбой о назначеніи на должность войта. Такъ на должность войта въ 1588 г. въ Троцкомъ мѣстѣ, по его челобитію, былъ назначенъ земянинъ Адамъ Тышкевичъ [3]).

Конечно, и мѣстные староста или воевода могли назначить войтомъ то или другое лицо—но такое пожалованье имѣло только условный характеръ и нуждалось въ подтвержденіи господаря [4]).

Войтовства давались на разныхъ условіяхъ. Самымъ непріятнымъ для войта было полученіе войтовства „до воли и ласки господарской". Такое пожалованіе дѣлало положеніе войта мѣста непрочнымъ и грозило ему возможностью въ любой моментъ лишиться своего войтовства [5]). На практикѣ это бывало часто. Въ Кричевскомъ мѣстѣ королемъ Стефаномъ было дано войтовство нѣкоему Молодецкому „до воли государское". Но когда на это мѣсто стали выдвигать кандидатуру господарскаго дворянина Славина, поддержанную нѣкоторыми изъ радныхъ пановъ, то господарь, принимая во вниманіе ходатайство радныхъ пановъ и его службу господарю Стефану и считая его годнымъ къ отправленію

---

[1]) К. З., LXXIII, л. 40.
[2]) К. З., LXXIII л. 59.
[3]) К З., LXXIII л., 70.
[4]) К. З., LXXIII, л. 210,
[5]) К. З., LXXIII л. 401.

должности войта—рѣшилъ дать ему упомянутое войтовство. Давались войтовства и „доживотнымъ правомъ“ [1]).

Бывали, конечно, и наслѣдственныя войтовства. Иногда на почвѣ борьбы изъ за войтовства возникали серьезныя недоразумѣнія между нѣсколькими наслѣдниками, раздѣлившими между собой войтовство и не желавшими заботиться объ интересахъ города и о правильномъ выполненіи войтовскихъ обязанностей. И только вмѣшательство населенія путемъ подачи соотвѣтствующаго челобитія вносило, наконецъ, порядокъ въ отправленіи войтовской должности, ибо вызывало соотвѣтствующее вмѣшательство господаря. Въ Воинскомъ мѣстѣ Гаврила Гричины былъ наслѣдственнымъ войтомъ. Наслѣдственность должности была закрѣплена привилеемъ Сигизмунда I. Послѣ смерти Гаврилы войтовство держалъ его сынъ Яковъ, но въ виду того, что послѣ смерти Гаврилы осталось „колькось сыновъ“, то они подѣлили на равныя части всѣ земли, принадлежавшія войтовству. Тогда городское общество въ лицѣ бурмистровъ и радцевъ просило господаря „нжъ быхмо подъ ровную справу всимъ сыномъ небожчика Гаврилы Гричны не подавали аль одного съ нихъ брата старшого Якова Гричина войтомъ дали“. Господарь согласился съ челобитіемъ Воинскаго поспольства, такъ, какъ по словамъ господарскаго отвѣтнаго листа, „во всехъ местахъ нашихъ не ровные але одна особа таковымъ врадомъ войтовства справуютъ [2]).

Не смотря на то, что положеніе непривилегированнаго мѣста, послѣ осуществленія аграрной реформы, было значительно лучше въ сравненіи съ дореформенной эпохой,—жители мѣстъ не желали съ этимъ помириться, и предметомъ ихъ мечтаній было полученіе магдебургскаго права, дававшаго имъ внутреннюю автономію и судебную независимость отъ провинціальнаго администратора, съ которымъ, по всей вѣроятности, могли происходить всякія недоразумѣнія. Выдавая такимъ мѣстамъ листъ па магдебургское право, правительство измѣняло и положеніе ихъ примѣнительно къ нормамъ магдебургскаго права. Населеніе мѣстъ по прежнему было обязано уплачивать всѣ повинности согласно нормамъ устава о волокахъ. Съ освобожденіемъ отъ административной опеки господарскаго урядника, города не были обязаны выплачивать господарскому вряду шедшіе на

---

[1]) К. З. LXXIII, л. 401.
[2]) К. З., XLIX, л. 20.

него ранѣе платы. Кромѣ того, въ пользу города правительство отдавало разнаго рода доходныя статьи, такъ какъ теперь вся забота о благосостояніи города падала на населеніе [1]). При Стефанѣ Баторіи было роздано огромное количество привилеевъ на магдебургское право. Можно сказать, что при немъ всѣ западныя волости покрылись сѣтью свободныхъ общинъ. Это желаніе получить привилей на магдебургское право—фактъ очень важный, съ которымъ необходимо считаться будущему историку литовско-русскаго города при оцѣнкѣ вопроса о значеніи магдебургскаго права для литовско-русскаго города и объ отношеніи къ нему населенія.

Когда осуществлялась аграрная реформа, дѣятелямъ послѣдней было поручено осаживать „на сыромъ корени“ „новыя мѣста“. Благодаря этому страна покрылась множествомъ мелкихъ мѣстъ и мѣстечекъ, имѣвшихъ свои торги и ярмарки. Въ такое „мѣсто“ приходилось населеніе привлекать. Послѣднее было выполнимо только благодаря разнымъ льготамъ, предоставляемымъ новоселамъ. Обыкновенно, населеніе освобождалось на десять лѣтъ „отъ плаченія всякихъ платовъ, подачокъ и повинностей“. По истеченіи 10 лѣтъ, подданные были обязаны давать „вси платы и подачки“, которые должны поступать въ господарскую казну и на господарскій урядъ, не исключая и тѣхъ экстренныхъ палоговъ, которые могли быть собираемы съ населенія въ виду затруднительнаго внѣшняго положенія Литовско-Русскаго государства [2]).

При производствѣ аграрной реформы, не смотря на то, что господарскій листъ на магдебургское право являлся щитомъ городскихъ вольностей, реформа все таки существенно касалась и городовъ съ магдебургскимъ правомъ. При производствѣ реформы оставались въ неприкосновенности только подати и повинности города. Территорія же города и его земельныя угодья подвергались соотвѣтствующему измѣренію. Послѣднее не было простой формальностью для города, и иногда серьезно угрожало ему, такъ какъ городскія земли, которыя были необходимы для „поравненія кгрунтовъ“, отбирались на господаря, а города должны были получить соотвѣтствующую отмѣну. Независимо отъ того, гдѣ и въ какомъ видѣ давалась отмѣна,—лишеніе части город-

---

[1]) К. З. L. л. 44.
[2]) К. З. XLV л. 34 и об.

скихъ земель, которыя подвергались той или другой эксплуатаціи, было явленіемъ безусловно нежелательнымъ и отчасти даже разорительнымъ.

Жители городовъ были очень заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ земли не подвергались измѣренію на волоки и, слѣдовательно, возможному отчужденію. Правительство временно иногда шло навстрѣчу обывателямъ города и оставляло его „при кгрунтехъ ихъ местскихъ", но когда выяснялась необходимость „въ перемеранию волокъ и въ поровнению волокъ на фольварки и села", тогда приходилось часть городской земли отчуждать для приписки „къ господарскимъ фольваркамъ", если, конечно, безъ мѣщанскихъ земель нельзя было выполнить „постановеніе волочное господарскихъ селъ и волостей". Тогда выступали на сцену мѣщане и, ссылаясь на господарскіе привилеи, хлопотали объ оставленіи мѣщанскихъ земель нетронутыми. И это понятно—на городскихъ земляхъ разводились сады и устраивались сажалки, и отнятіе ихъ, по словамъ Бѣльскихъ мѣщанъ, являлось большимъ „накладомъ" для собственниковъ. На правительство такія ссылки на убытки производили извѣстное впечатлѣніе, но, съ другой стороны, всякія изъятія нарушали планъ задуманной реформы. Если правительство не церемонилось съ землями привилегированнаго сословія, которое тоже могло сослаться на господарскіе листы, и для котораго земельная перетасовка тоже могла привести къ разнаго рода убыткамъ, то не было основанія дѣлать какое либо исключеніе и для мѣщанъ. Правительство часто игнорировало заявленія городскихъ общинъ, и ревизоры получали распоряженія измѣрять мѣщанскія земли, однако давая „за тые земли также много и такимъ добрымъ кгрунтомъ, яко внихъ взято, отмѣну слушную", и предоставляя самому мѣсту распредѣлять между заинтересованными лицами данную отмѣну „водле помѣры волочное и уставы, не чимъ съ нее не выступаючися". Ревизоры должны были въ точности исполнить приказаніе господаря, сообщая ему о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя бы оказали какое либо противодѣйствіе дѣйствіямъ ревизоровъ. Итакъ, городскія земли отписывались на господаря, и мѣщане получали за нихъ „слушную и равную отмѣну" [1]).

По всей вѣроятности, производство отмѣны господарскимъ мѣстамъ производилось болѣе внимательно, такъ какъ не видно,

---

[1]) К. XXXVII. л. 270—271.

что бы мѣщане возбуждали ходатайства о производствѣ новой отмѣны или о дополнительныхъ надѣленіяхъ. По существу, такъ и должно было быть, ибо нарушеніе матеріальныхъ интересовъ городовъ означало нанесеніе убытковъ господарской казнѣ, что находилось въ полномъ противорѣчіи съ тѣми общими задачами и цѣлями, которыя преслѣдовала аграрная реформа Сигизмунда-Августа.

Если производство волочнаго измѣренія вызывало недовольство, впрочемъ безполезное, со стороны нѣкоторыхъ мѣстъ, то другіе города даже выигрывали отъ производившагося измѣренія. Ревизоры, убѣдившись въ отсутствіи у городовъ въ достаточномъ количествѣ собственной земли, надѣляли городъ новой землей. Благодаря этому ставили его въ лучшее съ прежнимъ положеніе. Это вѣдь и требовалось согласно духу аграрной реформы. Производство аграрной реформы окончательно выдѣлило городскія общины изъ волостей, но это быстрое выдѣленіе еще не говоритъ объ промышленной физіономіи того или другого мѣста. Отсутствіе ремесленныхъ цеховъ, появляющихся въ городахъ только съ конца XVI в., указываетъ на слабую городскую промышленность, начавшую крѣпнуть только въ концѣ вѣка. Несомнѣнно, многія изъ вновь устроенныхъ мѣстечекъ довольно скоро захирѣли, не успѣвъ расцвѣсть и сохранивъ свою преимущественно сельско-хозяйственную физіономію.

Какъ бы то ни было—реформа была встрѣчена непривилегированными мѣстами—весьма привѣтливо. Дѣйствительно, ни откуда не слышно никакихъ голосовъ недовольства, которыхъ, впрочемъ, и не могло быть, такъ какъ реформа ставила непривилегированныя мѣста въ болѣе хорошее, сравнительно съ прежнимъ, состояніе. Это положеніе не измѣнялось и въ томъ случаѣ, когда правительство, подъ вліяніемъ затянувшагося военнаго столкновенія, должно было искать денегъ на сторонѣ и отдавало города и мѣстечки въ заставу. Раздача въ заставу крупныхъ мѣстъ—явленіе обыкновенное и довольно частое. Но городская община по существу мало страдала отъ этого. Лицо, бравшее въ заставу городское мѣсто, получало право использовать тѣ подати и повинности, которыми населеніе было связано съ господарскимъ скарбомъ. Отдача въ заставу городовъ являлась своего рода внутреннимъ займомъ съ извѣстнымъ только обезпеченіемъ [1]).

[1]) К. З., XXXVIII.

Установленіе платовъ и повинностей въ восточныхъ областяхъ, предпринятое въ связи съ аграрной реформой, существенно измѣнило и юридическое, и матеріальное положеніе городовъ восточныхъ волостей. До 1560 г. города и волости въ административномъ отношеніи составляли одно цѣлое. Эта связь была совершенно естественна. Восточные города были скорѣе укрѣпленными замками, и занятія городского и сельскаго населенія были сходны.

Съ установленіемъ платовъ разрывалась вѣковая связь города съ волостью, Городъ выдѣлялся въ особую административно-хозяйственную единицу, благодаря чему жизнь города протекала совершенно самостоятельно и не находилась ни въ какомъ отношеніи къ жизни волости.

Административно-хозяйственное положеніе городовъ восточныхъ волостей уже было опредѣлено въ волочной уставѣ, на основаніи которой и дѣйствовали командированные господаремъ лица. Но для городовъ — ревизорскаго постановленія было мало. Для нихъ было крайне важно закрѣпленіе особой королевской грамотой того положенія, которое было создано для городовъ ревизорами 1560 г. Королевскія уставы закрѣпили бы ревизорское постановленіе, которое въ такомъ случаѣ принимало характеръ юридической обязательности и для преемниковъ Сигизмунда-Августа, если бы послѣдніе пожелали какимъ либо образомъ измѣнить экономическое положеніе городовъ. Но особенно это было необходимо для прекращенія возможныхъ злоупотребленій со стороды мѣстной провинціальной администраціи.

Поэтому естественно, что заинтересованные города стремились получить отъ Сигизмунда-Августа особую королевскую уставу-привилегію, а отъ его преемниковъ добиться подтвержденія ранѣе выданной привилегіи.

Выдача уставы и подтвердительнаго на нее привилея обыкновенно производилась по иниціативѣ самихъ мѣщанъ [1]). По всей вѣроятности, такое постановленіе дѣлалось на городскомъ сходѣ, отъ имени котораго отправлялись къ господарю уполномоченные съ просьбой дать имъ уставу „и то все, на што они повинни быти маютъ, на уставѣ нашой господарской выписали“, какъ говоритъ объ этомъ уставная королевская грамота могилевскихъ мѣщанъ, выданная 20 февр. 1561 г. [2]), или же, представляя гос-

---

[1]) А. З. Р. III, № 28; IV, № 93.

[2]) А. З. Р. III, № 28.

подарю листы прежнихъ ревизоровъ и самого Сигизмунда-Августа, мѣщане просили господаря, „абыхмо тую уставу ствердивши“, выдать имъ соотвѣтствующій привилей и записать его въ книгахъ господарской канцеляріи, какъ сказано въ подтвердительной грамотѣ Рѣчицкимъ волостнымъ и городскимъ жителямъ [1]). Такого же происхожденія сохранившіеся отрывки Бобруйской уставы и уставы, выданной Сигизмундомъ III Оршанскимъ мѣщанамъ [2]), М. В. Довнаръ-Запольскій совершенно правъ, настаивая на подтвердительномъ происхожденіи Оршанской уставы, указывая на ея неполноту, которую можно объяснить или тѣмъ, что „по какому либо случайному обстоятельству опущены обычныя формы подтвержденій“, или же тѣмъ, что до насъ дошелъ неисправный списокъ, притомъ плохо изданный [3]).

Королевскія уставы — драгоцѣнный источникъ для изученія административно-хозяйственнаго положенія городовъ, отчасти дополняемый сохранившимися инвентарями отдѣльныхъ городовъ.

Въ административно-хозяйственномъ отношеніи, согласно уставамъ, городъ составляетъ особую единицу. Городскими жителями, „мѣщанами“, считаются тѣ, „которые въ местехъ домы свою маютъ и фольварки за местомъ въ пашняхъ держать“. Во главѣ города стоитъ войтъ [4]). Могилевская устава 1561 г. говоритъ о назначеніи войта администраціей [5]). По всей вѣроятности, всѣ войты сначала были назначаемы. Но такое положеніе постепенно измѣнилось. М. В. Довнаръ-Запольскимъ уже было указано, что ревизоры Гр. Воловичъ и М. Нарушевичъ иногда назначали войтами лицъ, излюбленныхъ населеніемъ, согласно возбужденной послѣднимъ просьбѣ [6]).

Подтвердительная грамота Оршанскимъ мѣщанамъ допускаетъ „обираніе межи ними войта з зезволенья ихъ“. Впрочемъ, эта привилегія была получена Оршанскими мѣщанами при Стефанѣ Баторіѣ [7]). Но едвали это было явленіемъ общераспространеннымъ,

---

[1]) А. З. Р. IV, № 93.

[2]) А. В. К. XXV, стр. 329. А. З. Р. IV, № 40.

[3]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Очерки по орган. зап. русск. крест., стр. 258.

[4]) Д. А. М. Ю. I, стр. 126.

[5]) А. З. Р. III, стр. 113.

[6]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Очерки по орг. зап. русск. крест., стр. 257 и Прил. № 35.

[7]) А. З. Р. IV, № 40.

такъ какъ еще по уставѣ 1639 г., выданной Бобруйскому мѣщанству мѣстный староста назначалъ войта [1]). Войтовства были пожизненны [2]).

Стоявшіе во главѣ города войты получали за исполненіе своихъ обязанностей одну волоку земли „пры болшомъ месте", и полъ волоки „пры меншомъ" [3]). Эти постановленія уставы были обязательны и для городовъ восточныхъ волостей. Такъ согласно Могилевской уставѣ 1561 году войту „за працу" „водле уставы" дается „волока одна и домъ въ мѣстѣ отъ плату вольный" [4]). Въ Рѣчицкой подтвердительной уставной грамотѣ ничего не говорится о матеріальномъ обезпеченіи войта. Очевидно, это подразумѣвалось само собой и, вслѣдствіе очевидности, не нуждалось ни въ какихъ другихъ подтвержденіяхъ [5]). Одноволочное обезпеченіе войта было сохранено и въ Бобруйскомъ староствѣ, при измѣреніи его на волоки въ 1639 г. [6]). Впрочемъ эти нормы нельзя считать обязательными для господарскихъ ревизоровъ.

Такъ Оршанскій войтъ Мишка Мыльниковъ, ставъ войтомъ по избранію всего мѣщанства получилъ въ свое распоряженіе 311 бочекъ земли. Можно думать, что выше приведенная норма равнялась одной волокѣ, такъ какъ надѣленіе войта землей производилось не по спеціальному господарскому распоряженію, а „водле уставы" [7]).

Быть можетъ, опредѣленіе величины войтовскаго участка въ бочкахъ было вызвано тѣмъ, что къ моменту назначенія войта еще не состоялось измѣреніе на волоки городскихъ земель. Устава о волокахъ довольно неопредѣленно говоритъ о должности войта. Болѣе детальны въ этомъ отношеніи королевскія подтвердительныя уставы, выданныя городамъ, въ особенности Могилевская устава. По всей вѣроятности, составители уставы намѣтили обязанности войта только въ общихъ чертахъ, а ревизорамъ-практикамъ приходилось опредѣлить ихъ уже детальнѣе. Кромѣ войта, въ составъ должностныхъ городскихъ лицъ, вмѣсто лавниковъ, входили сотники. Въ Могилевѣ по уставѣ полагалось

---

[1]) А. В. К. XXV, стр. 156.
[2]) А. Ю. З. Р. ч. VIII, т. V, стр. 194.
[3]) Устава на волоки, арт. 9.
[4]) А. З. Р. III, № 28, стр. 113.
[5]) А. З. Р. IV, № 93.
[6]) А. В. К. XXV, стр. 141.
[7]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Opus. cit., Прил. № 35.

4 сотника, но было ли это явленіемъ распространеннымъ, и назывались ли всюду помощники войта сотниками, какъ предполагаетъ М. В. Довнаръ-Запольскій,—объ этомъ едва ли можно сказать съ точностью [1]). Дошедшія до насъ королевскія уставы говорятъ о должности войта и умалчиваютъ о его помощникахъ. Инвентарь Оршанскаго замка, составленный 12 іюля 1560 г., также о сотникахъ ничего не говоритъ [2]). Бобруйская устава 1639 г. тоже умалчиваетъ о должности сотниковъ, но, съ своей стороны, даетъ войту помощника, такъ называемаго „подвойскаго“ [3]). Поэтому, едвали возможно согласиться съ вышеприведеннымъ категорическимъ утвержденіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго.

При назначеніи того или другого лица войтомъ, ревизоры Г. Воловичъ и М. Нарушевичъ выдавали поставленнымъ войтамъ особые листы—удостовѣреніе объ ихъ избраніи на войтовскую должность. Помимо этого, въ такомъ листѣ ревизоръ останавливался на обязанности войта болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано въ уставѣ о волокахъ [4]).

Въ сохранившихся уставахъ, выданныхъ Сигизмундомъ-Августомъ городамъ восточныхъ волостей, обязанности войта и его товарищей наиболѣе отчетливо описаны въ Могилевской уставѣ. Въ другихъ уставахъ такихъ подробностей нѣтъ, да и по существу имъ не было мѣста въ господарскихъ уставахъ, такъ какъ должность войта была пожизненной. Его обязанности и права опредѣлялись выданнымъ ему ревизорскимъ листомъ.

Обязанности войта, какъ объ этомъ можно заключить на основаніи листа, выданнаго господарскими ревизорами на Любечское войтовство, состояли въ слѣдующемъ: a) „порадку въ томъ месте межи мещаны догледати“, b) въ заботѣ о своевременномъ и правильномъ поступленіи въ скарбъ соотвѣтствующихъ сборовъ, „подле теперешние уставы справедливе и зуполне“, c) въ присутствіи „при отбраню платовъ и доходовъ господарскихъ при враде“, и, наконецъ, d) въ разборѣ дѣлъ, возникавшихъ по поводу нарушенія межъ, порчи бортей, и потравахъ, причемъ соотвѣтствующія вины войтъ долженъ собирать съ населенія „водле уставы“ [5]).

---

1) М. В. Довнаръ-Запольскій. Opus. cit., стр. 256.
2) Д. А. М. Ю. I, стр. 126.
3) А. В. К. XXV, стр. 156.
4) Ар. Ю.-З. Р. часть VIII, т. V, стр. 194. М. В. Довнаръ-Запольскій. Opus. cit. стр. 257.
5) Ар. Ю.-З. Р., часть VIII, т. V, стр. 194—195.

Такимъ образомъ, въ рукахъ войта сосредоточивалась въ общемъ незначительная власть. Это былъ господарскій приказчикъ, поставленный для надзора за городскимъ населеніемъ, чтобы послѣднее правильно и своевременно уплачивало подати въ господарскій скарбъ. Въ этомъ отношеніи обязанности городскихъ войтовъ русскихъ волостей соотвѣтствовали обязанностямъ сельскихъ войтовъ западныхъ волостей. Кромѣ того, на него возлагались и полицейско-административныя функціи и, по всей вѣроятности, судъ по дѣламъ, связаннымъ съ полицейскими правонарушеніями. Наконецъ, войтъ располагалъ и чисто судебными функціями по нарушенію земельныхъ правъ мѣщанскаго населенія. Ревизорскій листъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о помощникахъ войта. Надо полагать, что послѣдніе были далеко не во всѣхъ городахъ, и если кое-гдѣ они находились, то это необходимо было особо оговорить или въ ревизорскомъ листѣ, или въ королевской уставѣ, выданной городамъ.

Ревизорскіе листы, опредѣляя существенныя черты административно-хозяйственныхъ функцій городскихъ войтовъ, намѣчаютъ ихъ дѣятельность только въ общихъ чертахъ. Спеціальная королевская устава, выданная городамъ, должна была коснуться этого вопроса подробнѣе. Это было сдѣлано съ наибольшими деталями въ Могилевской уставѣ. Другія уставы (Рѣчицкая, Оршанская, Бобруйская) довольно кратки въ этомъ отношеніи. Обязанности войта согласно Могилевской уставѣ сводятся къ выполненію имъ прежде всего полицейскихъ функцій. Онъ слѣдитъ за сохраненіемъ внутренняго порядка въ городѣ. Помощниками его являются сотники, которые должны „во всемъ чинити послушенство“ войту. Могилевская устава считаетъ войта посредникомъ между мѣщанами и господарскимъ урядомъ, которому онъ долженъ доносить о „потребахъ мѣстскихъ“. Далѣе войтъ долженъ заботиться о примноженіи господарскихъ пожитковъ и смотрѣть, чтобы при сборѣ платовъ и опредѣленіи штрафовъ не нарушалась господарская устава. Помимо этого войты присутствуютъ при отдачѣ денегъ вряду, но сами этихъ платовъ не собираютъ. По всей вѣроятности, это дѣлали ихъ помощники—сотники. Судебныя функціи войта по Могилевской уставѣ тѣ же, что и вышеприведенномъ ревизорскомъ листѣ [1]). Такъ же опредѣляетъ судебныя функціи и Рѣчицкая устава, однако нѣсколько дополняющая наши свѣ-

[1]) А. З. Р. III, стр. 113.

дѣнія о судебной власти войта: судъ войта является окончательнымъ „и врядъ замковый до того вступоватися не маетъ“. Войтъ только доводитъ до свѣдѣнія вряда о состоявшемся рѣшеніи „врадови замковому судъ откажетъ“ [1]). Съ полученіемъ городомъ уставы—значительно сокращались функціи городского схода. Мѣщане теряли право раскладывать между собою „разрубы и разметы“. Это была обязанность войта, какъ объ этомъ говоритъ Бобруйская устава [2]), Наконецъ, войтъ охраняетъ интересы горожанъ при выполненіи ими оборонительныхъ работъ [3]).

Таковы функціи войта, какъ онѣ обрисовываются по королевскимъ уставамъ.

Не смотря на довольно узкую свою компетенцію, войтъ весьма несамостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Никакихъ „мѣстскихъ справъ“ войты не могутъ „становити и отправляти безъ сполноѣ намовы съ сотниками и съ иншими мѣщаны головнѣйшими“ [4]). Во всякомъ случаѣ, это ограниченіе болѣе существенно, чѣмъ думаетъ М. В. Довнаръ-Запольскій, считающій, что войты не могутъ сами самостоятельно расходовать только мѣстскія суммы [5]). О такомъ ограниченіи правъ войта нѣтъ упоминанія въ другихъ городскихъ уставахъ, и едва ли это можно считать типичнымъ явленіемъ для городского строя въ русскихъ волостяхъ. Точно также, трудно говорить опредѣленно о контролѣ замковаго вряда надъ дѣятельностью войта, хотя объ этомъ говорится въ болѣе поздней (1637 г.) Бобруйской уставѣ [6]). Согласно послѣдней, мѣщане могутъ потребовать отъ войта финансовый отчетъ только въ присутствіи уряда. Въ другихъ же памятникахъ не имѣется никакихъ указаній на такой контроль со стороны общества. Можетъ быть, это было явленіе, уже извѣстное, привычное во второй половинѣ XVII в., но никакъ не въ первой половинѣ XVI в. Во всякомъ случаѣ, опредѣленнаго заключенія дѣлать не приходится.

Могилевскіе войты имѣютъ помощниковъ-сотниковъ. Въ виду того, что ихъ „праца“ значительно меньше, чѣмъ войта,

---

1) А. З. Р. IV, № 94.
2) А. В. Р. XXV, стр. 156.
3) А. З. Р. III, стр. 114.
4) А. З. Р. III, № 28, стр. 113.
5) М. В. Довнаръ-Запольскій. Очерки по орган. зап. русск. крест., стр. 258.
6) А. В. Р. XXV, стр. 156.

они получаютъ въ свое распоряженіе только полъ волоки, совершенно свободной отъ какихъ либо платежей. За держаніе другой половины волоки сотникъ уплачиваетъ всѣ положенные по уставѣ платы. Такая половина волоки дается сотникамъ „до воли и ласки“ господаря, за что они обязаны „тыхъ людей, въ справу имъ порученныхъ въ дозрѣніи своемъ мети, и потребы ихъ вряду доносити [1]). Это, такъ сказать, административныя функціи сотника. Въ случаѣ же военной опасности для города, какъ это было совершенно правильно замѣчено М. В. Довнаръ-Запольскимъ, сотникъ являлся начальникомъ подвѣдомственныхъ ему людей; совмѣстно съ ними онъ принимаетъ участіе въ оборонѣ замка, а также въ производствѣ разнаго рода оборонительныхъ сооруженій [2]).

Затѣмъ королевскія городскія уставы довольно детально опредѣляютъ юридическое и экономическое положеніе мѣщанъ. Прежде всего — мѣщане освобождаются отъ обязанностей по постройкѣ украинскихъ замковъ, что имъ до сихъ поръ приходилось выполнять совмѣстно съ волостью. Устава о волокахъ, порвавшая старинныя связи съ волостью, должна была уничтожить и эту повинность. На жителяхъ городовъ оставалась обязанность—отбывать замковую работу только въ своемъ замкѣ. Эти замковыя работы производятся, однако, совмѣстно съ волостными людьми. Могилевская устава опредѣляетъ размѣры работъ мѣщанъ и волостныхъ людей, считая, что работа первыхъ равняется только $^{1}/_{4}$ всѣхъ работъ по оборонѣ замка [3]). Въ Рѣчицкой уставѣ такого разграниченія нѣтъ: мѣщане и волость работаютъ сообща [4]). Но въ Бобруйской уставѣ замковая повинность опредѣлена точно: мѣщане должны содержать въ исправности за свой собственный счетъ нѣкоторыя части Бобруйскаго замка подъ высшимъ надзоромъ самого пана старосты [5]).

Такимъ образомъ, въ области „замковой повинности“ была принята двойная система: а) совмѣстное выполненіе ея съ волостью безъ опредѣленія доли работъ, падавшей на мѣщанъ, b) выполненіе строго опредѣленной части собственными силами

---

[1]) А. З. Р. III, № 28, стр. 113.

[2]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Opus. cit., стр. 258; А. З. Р. III, № 28, стр. 114.

[3]) А. З. Р. III, № 28, стр. 111

[4]) А. З. Р. III, № 93.

[5]) А. В. К. XXV, стр. 156.

и средствами. Какая изъ этихъ системъ преобладала, сказать положительно нельзя за отсутствіемъ данныхъ. Можно думать, что во второй половинѣ XVI в. въ украинскихъ замкахъ, едва ли уже была порвана связь города съ волостью по выполненію разнаго рода оборонительныхъ сооруженій.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ размѣры оборонительныхъ работъ были опредѣлены уставой, войты съ сотниками слѣдили за тѣмъ, чтобы замковая администрація не предъявляла къ нимъ повышенныхъ требованій, что было закрѣплено въ Могилевской и Бобруйской уставахъ, но, конечно, общій надзоръ входилъ въ кругъ обязанностей мѣстнаго старосты.

Затѣмъ городамъ приходилось отбывать сторожевую повинность. О единообразной ея организаціи тоже не приходится говорить. Въ Могилевѣ мѣщане за несеніе сторожевой службы получаютъ особое вознагражденіе изъ числа доходовъ, которые должны были поступать отъ Могилева въ господарскій скарбъ. Впрочемъ, это отчисленіе нѣкоторой части господарскихъ доходовъ въ „мѣстскую казну“ носило характеръ временнаго пожалованія „до воли и ласки господаря“. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняется, почему о подобномъ отчисленіи денегъ нѣтъ намека въ другихъ городскихъ уставахъ. Эти отчисленія въ пользу города заключались въ видѣ уступки городу части доходовъ „съ крамницъ мѣстскихъ, и зъ ятокъ мясныхъ, также и зъ лавокъ рыбныхъ и хлѣбныхъ [1]) и съ каждаго дробнаго товару полный платъ“. При этомъ мѣщане обязаны выставить 4 сторожей, для найма которыхъ они могутъ собрать, посредствомъ самообложенія, необходимую сумму [2]). Въ Бобруйскѣ сторожевая повинность была для населенія несомнѣнно болѣе тяжелой. Правда, отправленіе ея облегчалось тѣмъ, что и волостные люди были обязаны ее нести; тѣмъ не менѣе, каждый мѣщанскій дымъ былъ обложенъ 2-мя пѣнязями. Къ тому же, каждый изъ мѣщанъ несъ и лично сторожевую однодневную службу по очереди [3]). Въ Рѣчицѣ сторожа отбывается также сообща всей волостью, для каковой цѣли вся волость собираетъ 10 копъ грошей. Устава ничего не говоритъ о размѣрахъ сбора, падавшаго на городъ. По всей вѣроятности, размѣры его опредѣлялись на собраніи всей волости

---

1) А. З. Р. III, № 28.
2) А. З. Р. III, № 28.
3) А. В. К., XXV, стр. 153.

мѣщане выставляли одного сторожа „до двухъ бронъ мѣстскихъ“ [1]. Остается неяснымъ организація отправленія сторожевой службы въ Оршѣ. Устава ни слова не говоритъ объ этомъ, а въ сохранившемся инвентарѣ Оршанскаго замка находится только краткое упоминаніе объ обязанности „сторожу замковую полнити [2]. Во всякомъ, случаѣ городамъ приходилось отбывать сторожевую повинность двояко: лично, какъ въ Могилевѣ и Оршѣ; или, какъ въ Рѣчицѣ и Бобруйскѣ, личная сторожевая повинность соединялась съ уплатой нѣкоторой денежной суммы.

По всей вѣроятности, и само правительство не считало нормальнымъ явленіемъ такую организацію сторожевой повинности. Не даромъ, желая оправдать ее, Сигизмундъ-Августъ поспѣшилъ объяснить это пограничнымъ положеніемъ города „для небезпечности отъ непріятеля земского“ [3]. Въ такомъ видѣ представляются общегосударственныя земскія повинности мѣщанъ.

Въ уставахъ много отведено мѣста, и довольно подробно разработанъ вопросъ о податномъ обложеніи того или другого мѣста. Въ данномъ случаѣ нѣтъ недомолвокъ,—все опредѣленно и точно, и это понятно, такъ какъ въ правильной организаціи податного обложенія весьма существенно былъ заинтересованъ господарскій скарбъ. Съ городовъ въ господарскую казну поступали налоги двоякаго вида: прямые и косвенные, которые иногда можно причислить къ такъ называемымъ промысловымъ сборамъ. Единицей прямого обложенія въ городахъ были пруты и локти—въ собственно городской чертѣ, и волоки за предѣлами послѣдней. Къ городскимъ землямъ относились и усадебные пляцы и огороды. Къ землямъ внѣгородскимъ—пашенныя волоки, сѣножати и отдѣльные застѣнки, которые не могли быть использованы для волочного измѣренія. Что же касается размѣровъ прямого обложенія, то составители королевскихъ грамотъ, при опредѣленіи его высоты, считались съ характеромъ и свойствами того земельнаго участка, который подлежалъ обложенію. Такъ, въ дошедшихъ уставахъ, какъ и въ волочномъ уставѣ, пруты въ центрѣ города облагаются выше, чѣмъ на улицахъ, вдали отъ центра. Волоки и огородныя земли дѣлились на группы въ зависимости отъ качества почвы. Застѣнки тоже оцѣниваются неоди-

---

1) А. З. Р., IV, № 93.
2) Д. А. М. Ю., I, стр. 127.
3) А. З. Р., IV, № 93.

наково, также въ зависимости отъ качества почвы. Опредѣляя размѣры прямого обложенія, королевскія городскія грамоты должны были считаться съ нормами платежей, принятыми въ уставѣ, хотя, конечно, на практикѣ могли быть допущены и отклоненія въ сторону. Однако причины такого уклоненія въ сторону отъ уставы остаются неясными. Такъ, обложеніе, принятое въ Бобруйской уставѣ 1560 г. [1]) совершенно совпадаетъ съ нормами уставы о волокахъ, но въ Могилевской уставѣ существуютъ коекакія отклоненія въ расцѣнкѣ. Правда, эти отклоненія незначительны, но все же они есть. То же слѣдуетъ замѣтить и относительно Рѣчицкой уставы, гдѣ, вообще, вопросъ о прямомъ обложеніи трактованъ довольно бѣгло [2]). Эти разногласія съ основной королевской уставой лишь указываютъ, что устава только давала общія указанія, а примѣненіе ея нормъ уже зависѣло отъ оріентировки на мѣстахъ самихъ ревизоровъ.

Косвенное обложеніе въ Могилевѣ падало на лицъ торговавшихъ „едвабными рѣчми", „суконными и иншими крамными товары" и „драгоцѣнными металлами". Обложеніе первыхъ было вдвое больше обложенія остальныхъ, и его можно назвать промысловымъ, такъ какъ оно давало мѣщанину право торговли соотвѣтствующими товарами. Къ промысловому обложенію также надо отнести и поступленія съ ремесленниковъ за право заниматься соотвѣтствующимъ ремесломъ. Товарищи ремесленниковъ— были свободны отъ обложенія. Кромѣ того, въ скарбъ поступала капщизна—по гропу „отъ меду и пиву" [3]). Косвенное обложеніе г. Рѣчицы проще Могилевскаго. Мѣщане Рѣчицы вносили въ скарбъ только платы за аренду мѣстной корчмы и аренду мыта „водяного и сухого" [4]). О платахъ за право торговли разными „рѣчми" и за правозанятія ремесломъ въ Рѣчицкой уставѣ ничего не сказано. Можно думать, что эти платы остались такими же, какими они были до ревизіи 1560 года, и были общеизвѣстны. Поэтому, составитель уставы даже не счелъ нужнымъ о нихъ упомянуть.

Королевскія грамоты освобождали мѣщанъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей. Большая часть этихъ повинностей отмѣнялась безплатно. Но нѣкоторыя изъ нихъ становились денеж-

---

1) А. В. К., XXV, стр. 339.
2) А. З. Р., III, № 28, IV, № 93.
3) А. З. Р., III, № 28, стр. 114.
4) А. З. Р., IV, № 93.

хой или хорошій грунтъ, податокъ—чиншъ былъ вездѣ одинъ. Благодаря этому, добрый кгрунтъ нельзя было сравнять съ плохимъ, и держатели плохихъ волокъ не могли исправно выплачивать чинша, находя его высокимъ для себя [1]).

Съ просьбой объосвобожденіи отъ чинша выступали и отдѣльные мѣщане, и такія ходатайства встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ просьбы отъ имени всего мѣщанства. Такія челобитія подавались подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій. Такъ Дорогицкій мѣщанинъ Михаилъ Чехъ хлопоталъ передъ господаремъ объ освобожденіи его дома съ тремя волоками, въ которомъ господарь часто останавливался, отъ всякихъ поплатковъ на четыре года. Мотивъ былъ—необходимость „лепшого будованія" дома — самъ по себѣ мало-значительный, но принимающій серьезный характеръвъ виду специфическаго назначенія дома Михаила Чеха [2]). Впрочемъ, челобитія съ такими мотивами слѣдуетъ признать исключеніемъ. Челобитчики всегда представляли болѣе серьезныя соображенія. Витебскіе мѣщане, Семенъ, Сидоръ и Ѳедоръ Ивановичи владѣли совмѣстно со своими поплечниками отчизной землей „дѣдовичы", съ которой „здавна въ кождый годъ по десять рогатинъ на замокъ нашъ витебскій давали". Кромѣ того, съ закупленной ими земли у витебскихъ подданныхъ — они вносили на замокъ „бобровщину и сорокъ грошей на Покровъ день и 15 рогатинъ на Рождество". Теперь же всѣ поплечники разошлись, страна разорена непріятелемъ. Не обладая никакими средствами для жизни, челобитчики, обязанные нести конную военную службу, просили освободить ихъ отъ прежнихъ повинностей, лежавшихъ на нихъ, какъ землевладѣльцахъ [3]). Конечно, такое челобитіе имѣло большое значеніе для господаря и не могло не обратить вниманія: серьезны были мотивы, вызвавшіе его подачу.

Другіе изъ челобитчиковъ, потерпѣвшихъ какой либо ущербъ отъ веденія военныхъ дѣйствій, просили только о частичныхъ льготахъ. Могилевскій мѣщанинъ Евсей Максимовичъ отправился въ Москву для торговыхъ сдѣлокъ, гдѣ однако былъ задержанъ и посаженъ въ тюрьму, откуда былъ выпущенъ лишь по заключеніи перемирія съ королемъ Стефаномъ. Продолжительное отсутствіе, по всей вѣроятности, весьма вредно отразилось на его дѣ-

---

[1]) К. П. Д., IX, л. 74.
[2]) К. З., XXXVII, л. 114.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 457.

лахъ, и это обстоятельство заставило его хлопотать объ освобожденіи отъ платежа чинша съ волоки и прутового „съ пляцу и морговъ“ на 8 лѣтъ [1]).

Третьи изъ челобитчиковъ хлопотали о сложеніи чинша вслѣдствіе пожара. У городенскаго бурмистра сгорѣлъ домъ. Это и заставило челобитчика хлопотать объ облегченіи въ платежѣ чинша и капщизны [2]).

Населеніе подавало не мало челобитій съ жалобой на своихъ войтовъ, допускавшихъ разнаго рода злоупотребленія во время отправленія ими войтовской должности. Городенскіе бурмистры и радцы были недовольны дѣйствіями своего войта, который не выполнялъ повинностей, лежавшихъ на немъ, и отказывался давать подводы господарскимъ посланцамъ, предоставляя это дѣлать бурмистру и радцамъ. По мнѣнію послѣднихъ, это входило не въ ихъ обязанности, а войта, которому даны три волоки, свободныя отъ всякихъ платежей, и, кромѣ того, приданы три корчмы, тогда какъ бурмистры и радцы никакого „паданія“ не имѣютъ и, конечно, не могутъ своевременно давать подводъ подъ господарскихъ посланцевъ. Поэтому челобитчики ходатайствовали передъ господаремъ, чтобы войту было приказано исполнить то, что полагается ему дѣлать согласно его должности, и освободить бурмистровъ и радцевъ отъ даванія подводъ и другихъ „трудностей“ [3]). Немалое количество такихъ челобитій достаточно ясно иллюстрируетъ самоуправство городскихъ войтовъ.

Войтовства были большею частью наслѣдственными состояніями. И отъ наслѣдственности войтовства населеніе значительно страдало въ особенности, если наслѣдниковъ было нѣсколько. Ихъ самоуправныя дѣйствія давали себя чувствовать населенію, которое, чтобы избавиться отъ нихъ, подавало господарю челобитіе съ изложеніемъ того, что происходило въ городѣ, благодаря появленію нѣсколькихъ наслѣдниковъ на должность войта. У Воинскаго войта Гаврилы Гричины было нѣсколько сыновей. Сначала войтомъ былъ старшій, Яковъ. Потомъ выступили на сцену остальные сыновья, которые завладѣли землями, приписанными къ войтовству, и подѣлили ихъ между собой на равныя части. Такое поведеніе наслѣдниковъ не могло вызвать одобренія города. Поэтому, бур-

[1]) К. З., LXXIII, л. 547.
[2]) К. З., LXXIV, л. 77.
[3]) К. З., XLVII, л. 4.

мистры, радцы и все посполъство города ходатайствовали передъ господарёмъ «ижъ бы подъ ровную справу всимъ сыномъ небожчика Гаврила Гричины ихъ не поддавали, але одного съ нихъ брата старшаго Якова Гричина имъ войтомъ дали и установили [1]).

Точно также, если мѣсто оставалось безъ войта, мѣщане могли хлопотать о назначеніи имъ войтомъ ихъ кандидата. Такъ Пинскіе мѣщане хлопотали о назначеніи войтомъ земскаго судью въ Пинскѣ, послѣ того какъ войтъ вслѣдствіе „злого здоровья“ сложилъ съ себя обязанности. Съ своей стороны, и самъ больной войтъ поддерживалъ ходатайство мѣщанъ, сообщая при этомъ „о прилеглости и справности“ въ правѣ выдвинутаго кандидата [2]). Но, конечно, такъ не всегда замѣщались свободныя войтовства. Иногда сами войты, если они были „дѣдичные“, хлопотали о передачѣ войтовства ихъ кандидату. Войтъ Кринскаго мѣста дворянинъ Павелъ Дорогостайскій хлопоталъ объ отдачѣ войтовства шляхетному Юрію Дыбовскому. Конечно, такое ходатайство не было обязательно для господаря, но все же ему не приходилось его игнорировать [3]).

Съ проведеньемъ аграрной реформы входы въ господарскія пущи были стѣснены, и права городского населенія были точно опредѣлены. Такія мѣропріятія задѣвали интересы города и лишали его возможности получать дешевый матеріалъ для построекъ домовъ. Недовольные города подавали жалобы господарю. Удовлетвореніе такого челобитія—было актомъ милости со стороны господаря. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ челобитчики стояли на вполнѣ твердой почвѣ—это тогда, когда они могли въ доказательство справедливости своихъ требованій сослаться на ранѣе выданные привилеи. Такъ Городенскіе мѣщане сочли дѣйствія лѣсничаго самоуправными и противорѣчащими ихъ правамъ, такъ какъ онъ не пускалъ ихъ въ господарскія пущи „дерево брати на будованіе и дрова“ [4]). Ссылка на привилей, конечно, доказательство первостепенной важности. Довольно большое количество такого рода челобитій показываетъ, какъ иногда существенно задѣвала интересы городовъ аграрная реформа Сигизмунда-Августа.

---

1) К. З., XLIX, л. 20.
2) К. З., LXXIII, л. 59.
3) К. З., LXXVI, л. 259.
4) К. З., XXXVII, л. 398.

Иногда право эксплоатаціи опредѣленной части господарскихъ пущъ сопровождалось внесеніемъ въ господарскую казну нѣкотораго денежнаго плата, утвержденнаго господарскимъ привилеемъ. Если же эта часть пущи отписывалась на господаря, то мѣщане требовали отмѣны. Правда, отмѣна давалась только за земли наслѣдственныя, собственныя. Но вѣчная аренда можетъ быть отчасти приравнена къ наслѣдственному пользованію. Разъ она была скрѣплена господарскими листами, то мѣщане имѣли нѣкоторое юридическое основаніе хлопотать объ отмѣнѣ. Мѣщане мѣста Милейчицкаго получили право при Сигизмундѣ II входить въ сосѣднюю милейчицкую пущу, для „будованія домовъ". Эти входы они спокойно держали и вносили въ казну „пенежный платъ". Въ 1589 г. эти входы у нихъ были отобраны. Ссылаясь на привилей Сигизмунда II—они просили правительство сдѣлать распоряженіе объ отводѣ имъ отмѣны въ такомъ же количествѣ „такъ много, яко у нихъ взято".

Военныя дѣйствія и повинности, налагаемыя на мѣщанъ, оказывались часто разорительными для населенія городовъ. Для облегченія своего положенія, иногда жители городовъ вмѣсто подачи челобитія объ уменьшеніи повинностей, падавшихъ на мѣсто, хлопотали о разрѣшеніи имъ безмытной торговли по всему Литовско-Русскому государству. Мѣщане Рожскіе жаловались господарю, что они „знищены и въубоству пришли", такъ какъ отправляли на господаря почты, не получая никакой помощи со стороны. Поэтому они просили правительство „для запоможения ихъ" не брать съ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „мыта отъ торговли товаровъ" [1]). Хлопотали о томъ же, ссылаясь на разореніе, и мѣщане Браславскіе [2]).

Иногда населеніе городовъ хлопотало о безмытной торговлѣ, „сухимъ путемъ и воденымъ", ссылаясь на свои „упадокъ и знищеніе", происшедшіе благодаря военнымъ дѣйствіямъ. По крайней мѣрѣ такъ поступило Кричевское мѣсто, сильно пострадавшее отъ военныхъ дѣйствій [3]).

Случалось, что какое нибудь стихійное бѣдствіе поражало городъ. Населеніе приходило въ убожество и было не въ состо-

[1]) К. З., LXXVI, л. 24.
[2]) К. З., LXXVI, л. 24.
[3]) К. З., XXXVII, л. 348.
[4]) К. З., XXXVII л. 405.
[5]) К. З., XLIX, л. 31.

янія вносить въ скарбъ падавшіе на городъ подaтки. Въ такомъ случаѣ къ господарю также отправлялось ходатайство. Кнышинскіе мѣщане взяли въ аренду городскія мыта, и до 1566 г. арендная плата исправно поступала въ скарбъ, но въ 1566 году сгорѣло „не мало домовъ мѣстскихъ и маетностей“, вслѣдствіе чего мѣщане „ку впадку и немалей шкоде пришли“, и поэтому не могли отдать слѣдуемую съ нихъ арендную плату. Кнышинскіе мѣщане просили господаря „въ тей аренде поборовой жалость вчинити“ [1]).

Точно также мѣщане подавали господарю ходатайства объ оставленіи ихъ при старыхъ повинностяхъ, если, послѣ новой помѣры, на нихъ были налагаемы новые платежи, которые городское населеніе считало для себя „обтяжливостью“. Въ такомъ распоряженіи господарскихъ агентовъ мѣщане видѣли нарушеніе выданнаго имъ привилея. Лосицкіе мѣщане находили, что увеличеніе чинша съ мѣстскихъ волокъ, обязательная уплата прутового и введеніе разныхъ другихъ добавочныхъ платежей — являются нарушеніемъ ихъ привилея... Помимо этого, общее количество податковъ было такъ велико, что они „досыта учинити немогутъ“. На этомъ основаніи мѣщане просили господаря, чтобы повинности собирались съ мѣста только въ соотвѣтствіи съ ихъ привилеемъ [2]).

Среди мѣщанскихъ челобитій почти не встрѣчается ходатайствъ объ отмѣнѣ. По всей вѣроятности, отсутствіе ихъ объясняется тѣмъ, что городскія земли оставались при производствѣ реформы совершенно нетронутыми, или мѣста получали своевременную отмѣну, „ровную и слушную“, которой они были совершенно довольны. Но все таки иногда нарушенія бывали. Ревизоры забывали о мѣстахъ и не давали имъ отмѣны. Подача челобитія господарю служила въ данномъ случаѣ средствомъ возстановить нарушенные городскіе интересы. Такъ въ 1569 г. населеніе Августовскаго мѣста жаловалось, что, при производствѣ ревизіи ксендзомъ Адамомъ Пильховскимъ, у нихъ были отобраны „грунты и преробки властные на шпиталь, на фольварокъ урядовый и войта“, и за это не было дано никакой отмѣны. Правда, ревизоръ обѣщалъ дать имъ 12 волокъ, но эти волоки не были даны, и, кромѣ того, подобный образъ дѣйствій является нарушеніемъ

[1]) К. З., LII, л. 52.
[2]) К. З., LII, л. 64.

выданнаго имъ привилея. Ссылаясь на него, жители мѣста просятъ Сигизмунда о соотвѣтствующей отмѣнѣ [1]).

Устраивая мѣста и опредѣляя ихъ повинности согласно волочному уставу, правительство до поры до времени оставляло ихъ при прежнемъ административномъ устройствѣ, пока на мѣсто не распространялось дѣйствіе магдебургскаго права. Послѣднее давалось по инициативѣ самого правительства, но въ эпоху аграрной реформы были нерѣдки случаи, когда само населеніе обращалось къ господарю съ просьбой о дарованіи ему магдебургскаго права. При производствѣ реформы, ревизоръ панъ Григорій Воловичъ въ Городенской пущѣ осадилъ мѣсто Васильковъ, отведя осѣвшему населенію пляцы для домовъ и волоки для пашни. Однако мѣщане, несмотря даже на то, что данное мѣсто было „на сыромъ корени", хлопотали о представленіи ему магдебургскаго права въ томъ видѣ, въ какомъ это право функціонировало въ другихъ мѣстечкахъ [2]). Такого рода челобитія характерны въ томъ отношеніи, что въ нихъ населеніе обнаруживало опредѣленную симпатію къ магдебургскому праву, желая, главнымъ образомъ освободиться отъ присуда господарской администраціи. Эта тенденція очень интересна, какъ показатель дѣйствительнаго отношенія населенія къ магдебургскому праву. И правительство, учитывая данное стремленіе, при Стефанѣ Баторіи выдало привилеи на магдебургское право огромному количеству мѣстъ и мѣстечекъ.

Эпоха аграрной реформы—моментъ, когда шляхта, подъ вліяніемъ охватившаго страну экономическаго подъема, устраивала, съ разрѣшенія господаря, мѣстечки и ходатайствовала объ открытіи въ нихъ еженедѣльныхъ торговъ и ярмарокъ. Отъ господарскихъ мѣстъ и мѣстечекъ такихъ челобитій не поступало, такъ какъ при осадѣ мѣста или при дарованіи ему магдебургскаго права перечислялись всѣ торговыя права и преимущества мѣста. Но иногда жители городовъ не довольствовались уже существующими ярмарками и хлопотали о добавочныхъ. Нельзя сказать, чтобы такого рода стремленіе охватило всѣ мѣста—такія просьбы единичны, но даже небольшое количество ихъ характерно, какъ показатель экономическаго подъема, переживаемаго Литовско-Русскимъ государствомъ въ эпоху аграрной реформы. Конечно, такія

---

[1]) К. З., LII, л. 17.
[2]) К. З. L, л. 44.

челобитія подавались отъ имени большихъ мѣстъ, уже и раньше вовлеченныхъ въ круговоротъ экономической жизни. Такъ о разрѣшеніи открыть въ городѣ ярмарки хлопотало мѣсто Слонимъ съ предоставленіемъ вольностей, даваемыхъ городу въ такомъ случаѣ [1]).

Что же касается челобитій отдѣльныхъ мѣщанъ, то они подавались правительству также по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Своими челобитіями мѣщане желали или исправить нѣкоторыя отрицательныя для нихъ стороны происходившей аграрной реформы, или предупредительными мѣрами защитить себя отъ возможныхъ отрицательныхъ послѣдствій.

Литовско-Русское государство не знало мѣщанскаго землевладѣнія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Послѣднее владѣніе съ правомъ несенія военной службы существовало только въ придвинскихъ областяхъ. Въ западныхъ областяхъ, гдѣ обособленіе города отъ волости стало фактомъ, мѣщане-собственники земель— рѣдкое явленіе.

Мѣщане могли быть собственниками земель или ихъ держателями на условномъ правѣ „до воли и ласки господарской". Но господарскій привилей могъ такое условное владѣніе сдѣлать наслѣдственнымъ держаніемъ. Витебскіе мѣщане Симонъ и Никифоръ Омельяновичи выпросили у Витебскаго воеводы двѣ пустыя земли „до воли и ласки господарской. Послѣ этого Омельяновичи обратились къ господарю за подтвержденіемъ. Просьба просителей была утверждена, когда наведенныя справки оказались вполнѣ благопріятными для просителей. Земли, дѣйствительно, были пустовскими, и отъ нихъ не было „никакого пожитку" господарскому скарбу. Господарь оставилъ эти пустовщины за просителями съ правомъ передачи женѣ, дѣтямъ и ихъ потомкамъ подъ условіемъ отправленія военной службы [2]). Такіе мѣщане имѣли полное право на полученіе „слушной и ровной отмѣны".

Кромѣ того, мѣщанинъ могъ оказаться собственниковъ земли по женѣ-шляхтянкѣ. Въ такомъ случаѣ господарскіе ревизоры должны были отвести ему соотвѣтствующую отмѣну, и если послѣдняя не давалась, то, во всякомъ случаѣ, это было неправильнымъ дѣйствіемъ со стороны ревизора. Тогда мѣщанинъ имѣлъ

---

1) К. З., XXXVIII л. 144.
2) К. З., XLI л. 71 и обр.

полное основаніе возбудить ходатайство о полученіи отмѣны. Такъ поступилъ войтъ мѣста Радунь Матисъ Жуковичъ, у котораго были отняты три волоки земли и присоединены къ господарскому двору. Эти земли купила его жена у мѣстнаго боярства. Основываясь на этомъ мѣрчій Иванъ Гаевникъ отвелъ имъ слушную отмѣну, но такъ какъ это было сдѣлано безъ вѣдома ревизора, то данная отмѣна юридически была недѣйствительной. Поэтому войтъ, обратился къ господарю съ просьбой объ отводѣ ему отмѣны за отобранныя къ господарскому двору земли. Челобитіе войта, конечно, имѣло всѣ данныя къ тому, чтобы господарь его удовлетворилъ [1]).

Если, послѣ производства аграрной реформы мѣщанинъ оказывался держателемъ волокъ, то онъ спѣшилъ съ ходатайствомъ о подтвержденіи ихъ за нимъ, чтобы тѣмъ самымъ обезопасить себя отъ возможныхъ въ будущемъ покушеній на его землю. Господарскому мѣщанину, Симону Барберу, имѣвшему „осѣлость" въ мѣстѣ „Вильна", съ согласія пана Виленскаго и ревизора Дирвянской волости—Яна Градовскаго, были отведены 4 волоки господарскаго грунта, въ удостовѣреніе чего былъ выданъ ему ревизорскій листъ. Мѣщанинъ немедленно ходатайствовалъ передъ господаремъ объ оставленіи за нимъ тѣхъ 4 волокъ и о выдачѣ ему соотвѣтствующаго листа на владѣніе. Такія ходатайства для западныхъ областей—исключеніе [2]). Сравнительно часто подавались такія челобитія отъ имени придвинскаго мѣщанства, которое несло конную военную службу. Разоренное войной, оно было не въ состояніи исправно отправлять лежавшую на немъ повинность. Поэтому, справцы витебскихъ дворовъ давали имъ добавочныя земельныя владѣнія, о подтвержденіи которыхъ приходилось самимъ мѣщанамъ хлопотать. Мѣщане витебскіе Симонъ и Никифоръ Омельяновичи хлопотали передъ господаремъ о подтвержденіи за ними тѣхъ земель, которыя были имъ даны витебскимъ воеводой кн. Стефаномъ Андреевичемъ Зборажскимъ „до воли и ласки господарской". Земли эти лежали пустыми и „плату и жадного пожитку до скарбу зъ нихъ не было". Конечно, эти земли даны воеводой подъ условіемъ отправленія ими военной конной службы [3]).

[1]) К. З., XXXVIII, л. 184.
[2]) К. З., XXXIX, л. 503.
[3]) К. З., XLI л. 76.

Мѣщане, сидѣвшіе на волокахъ, были обыкновенно лишь держателями ихъ. Они не имѣли никакого права собственности на нихъ и не могли совершать съ ними никакихъ сдѣлокъ. Если какой либо мѣщанинъ продавалъ другому свои волоки, то такая сдѣлка признавалась недѣйствительной, такъ какъ подданный не имѣлъ права продавать господарскихъ земель. Такое отношеніе господаря къ подобнымъ имущественнымъ сдѣлкамъ слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ. Волоки—земля господарская, и безъ согласія господаря она не можетъ быть объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ [1]).

Но мѣщанинъ могъ купить у мѣщанъ же или шляхты землю, которая считалась ихъ собственностью, и на право владѣнія которой они могли представить документы. Такая сдѣлка была совершенно законной, и мѣщане или ходатайствуютъ предварительно передъ господаремъ о разрѣшеніи купить тѣ или другія земли, или обращаются къ нему съ просьбой о подтвержденіи уже совершившейся сдѣлки, дабы въ будущемъ на этой почвѣ не возникало никакихъ недоразумѣній. Бурмистръ мѣста Виленскаго Фридрихъ Александровичъ Шумленскій ходатайствовалъ передъ господаремъ о разрѣшеніи ему купить въ Троцкомъ повѣтѣ населенное имѣньице, исторія владѣнія котораго, по словамъ челобитчика, была слѣдующая. Сигизмундъ I далъ виленскимъ купцамъ Тишѣ и Ивану Семеновичамъ въ Троцкой волости пять службъ людей, наслѣдники которыхъ теперь остались въ живыхъ. Кромѣ того, они получили 4 пустовщины и пять людей потужниковъ, наслѣдники которыхъ еще живы, и еще двѣ пустовскія земли. Земли и люди давались на вѣчность „женамъ, дѣтемъ, потомкомъ и щадкамъ ихъ". Они получали право расширять свои владѣнія и людьми осаживать: „ку своему лепшому пожитку обернути". Помимо этого, Сигизмундъ I далъ отдѣльно Тишѣ Семеновичу въ той же Троцкой волости три пустовщины „со всимъ, яко ся оные пустовъщины въ собе мають". И эти земли были даны на вѣчность подъ условіемъ нести земскую военную службу. Послѣ смерти купцовъ собственниками данныхъ земель оказались ихъ дочери, которыя соглашались продать данныя земли. Челобитчикъ, конечно, не могъ не обратиться къ господарю съ предварительнымъ ходатайствомъ, ибо покупка земли должна была

---

[1]) К. З., XLVIII, л. 177.

радикально измѣнить его соціальное положеніе, на что, разумѣется, требовалось согласіе господаря [1]).

Когда мѣщане обращались къ господарю съ просьбой о подтвержденіи ихъ купли, то въ данномъ случаѣ создавались двѣ возможности: мѣщане хлопотали о подтвержденіи земель, купленныхъ не у мѣщанъ, или просили о закрѣпленіи за ними купли у мѣщанъ. Конечно, господарь и въ томъ, и въ другомъ случаѣ могъ признать сдѣлку незаконной, въ особенности, если земли были куплены у господарскихъ подданныхъ, или если въ руки мѣщанъ переходили земли бояръ, обязанныхъ нести военную службу. Если же въ руки мѣщанина переходила мѣщанская же земля, то на покупщика переходила и обязанность уплачивать въ господарскій скарбъ соотвѣтствующій чиншъ. Степень распространенности такихъ сдѣлокъ трудно опредѣлить, но такія челобитія встрѣчаются въ документахъ довольно рѣдко. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что правительство принципіально не желало перехода земель въ руки мѣщанъ и не утверждало нѣкоторыхъ изъ состоявшихся сдѣлокъ.

Въ такомъ видѣ представляются челобитія мѣщанъ, поданныя правительству въ связи съ аграрной реформой. По содержанію своему они такъ же однообразны, какъ и ходатайства господарскаго крестьянства. По количеству—они встрѣчаются въ значительно меньшихъ размѣрахъ сравнительно съ челобитіями крестьянства. И это вполнѣ понятно: аграрная реформа задѣвала мѣщанство въ гораздо меньшей степени, чѣмъ сельское населеніе. Положеніе большей части мѣстъ, благодаря магдебургскому праву, было вполнѣ опредѣленнымъ. Для другихъ мѣстъ—аграрная реформа была большимъ шагомъ впередъ; она вносила существенное улучшеніе въ ихъ положеніе, ибо опредѣляла ихъ повинности и податки, клала предѣлъ возможнымъ злоупотребленіямъ со стороны господарской администраціи. Да къ тому же аграрная реформа для городовъ сопровождалась меньшими потрясеніями, меньшими злоупотребленіями со стороны господарскихъ агентовъ.

Этимъ и объясняется спокойное отношеніе мѣщанства къ состоявшейся реформѣ и сравнительно незначительное количе-

---

[1]) К. З., XLI, л. 84.
[1]) К. З., XLVIII, л. 176, 177, LXIX л. 20.

ство мѣщанскихъ челобитій съ изложеніемъ своихъ просьбъ и пожеланій.

Разбираясь въ господарскихъ отвѣтахъ и резолюціяхъ на ходатайства мѣстъ и мѣщанъ, слѣдуетъ отмѣтить самое внимательное отношеніе со стороны правительства къ ихъ пожеланіямъ. Конечно, другого отношенія и не могло быть. Челобитія мѣстъ касались большею частью экономическихъ требованій. Послѣднія были вызваны весьма серьезными причинами. Для правительства—экономическая годность города имѣла огромное значеніе. Отсюда понятна та заботливость и внимательность, съ какой правительство шло навстрѣчу пожеланіямъ мѣщанъ. Какъ могло правительство отнестись отрицательно, допустимъ, къ ходатайству городскихъ мѣщанъ, ссылавшихся на привилеи предковъ [1], которые для правительства были не безразличны, а обязательны, или отказать въ ходатайствѣ Оршанскимъ мѣщанамъ, доведеннымъ до разоренія непріятельскими дѣйствіями и чрезмѣрнымъ выполненіемъ разнаго рода повинностей [2]?

Государственный инстинктъ въ данномъ случаѣ подталкивалъ правительство въ сторону удовлетворенія такого рода челобитій. Какъ, допустимъ, правительство могло отказать въ просьбѣ Бѣльскимъ мѣщанамъ, когда весь округъ былъ разоренъ градобитіемъ и съ населенія нечего было взять [3]? Во всякомъ случаѣ, такіе удовлетворительные отвѣты на ходатайства мѣщанъ даютъ представленіе объ осторожномъ обращеніи правительства съ народнымъ трудомъ, нежеланіи форсировать его платежныя средства цѣной чего бы то ни было. Правда, само правительство въ этомъ отношеніи не проявляло никакой инціативы, но предоставляло дѣйствовать въ этомъ направленіи инціативѣ заинтересованныхъ лицъ, оставляло за собой право разобраться въ мотивахъ того или другого ходатайства мѣщанъ. Такое внимательное отношеніе правительства къ финансовымъ нуждамъ населенія—можно отмѣтить не только въ господарскихъ отвѣтахъ на просьбы всего мѣста, но и отдѣльныхъ мѣщанъ, лишенныхъ возможности, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, платить полностію чиншъ или выполнять исправно лежавшія на нихъ повинности [4]. Съ

---

1) К. З., XLI, л. 182.
2) К. З., XLIX л. 137.
3) К. З., LII, л. 43.
4) К. З., XXXVII, л. 457, LXXIII, л. 547.

неменьшей готовностью шло навстрѣчу правительству и мѣщанство, судя по его жалобамъ на своихъ войтовъ. Игнорированіе ими своихъ обязанностей—переложеніе повинностей, лежавшихъ на плечахъ войта, на плечи другихъ—все это не могло не обратить на себя вниманія правительства [1]). Войтовство—это особый видъ господарской службы, и правительство не могло закрывать глаза на нарушеніе войтами своихъ обязанностей. Правительство стремилось немедленно поставить войта въ должныя границы. Когда бурмистрами и радцами Городенскаго мѣста было подано челобитіе съ жалобой на дѣйствія мѣстнаго войта, то правительство о случившемся правонарушеніи довело немедленно до свѣдѣнія городенскаго старосты съ порученіемъ отдать приказаніе войту, „абы онъ тые подводы самъ роздавалъ и подъ заведаніемъ ихъ маючи никоторыхъ трудностей въ даванью ихъ бурмистромъ и радцамъ оного мѣста не здавалъ, ижъ-бы собе в томъ бурмистрове и радцы городскіе никоторое кривды не мели, и намъ у томъ у другое не жаловали". Господарь удовлетворялъ просьбы мѣщанъ и въ другихъ случаяхъ, когда онѣ касались войтовъ. Онъ назначалъ имъ, обыкновенно, войтомъ кандидата, выставленнаго населеніемъ, принималъ мѣры къ тому, чтобы наслѣдники дѣдичнаго войтовства не позволяли себѣ никакихъ злоупотребленій, отъ которыхъ страдали интересы населенія. Удовлетвореніе такихъ ходатайствъ отнюдь не было обязательнымъ для господаря, но оно опредѣленно обнаруживаетъ то внимательное отношеніе, которое правительство проявляло по отношенію къ мѣщанамъ.

Для правительства весьма щекотливыми были городскія ходатайства относительно права пользованія входами въ господарскія пущи. Запрещая населенію входить въ господарскія пущи, правительственные агенты проявили чрезмѣрную ретивость и тѣмъ самымъ поставили города въ довольно стѣсненное положеніе. Господарь долженъ былъ отмѣнять распоряженія своихъ администраторовъ и пойти навстрѣчу городамъ въ силу двухъ соображеній: 1) дѣйствія правительственныхъ агентовъ находились иногда въ полномъ противорѣчіи съ ранѣе выданными привилеями и отдѣльными господарскими пожалованіями, а потому подлежали немедленной отмѣнѣ, и 2) распоряженія агентовъ ставили города въ совершенно невыносимое положеніе, такъ какъ они лишались дровъ и дерева для строеній, и правительство, ко-

[1]) К. З., LXXIV, л. 77.

торое было заинтересовано по финансовымъ соображеніямъ въ хорошемъ состояніи города, должно было пойти навстрѣчу ходатайствамъ населенія и въ силу этихъ соображеній, если, конечно, челобитія мѣстъ имѣли дѣйствительно какое нибудь юридическое или хозяйственное основаніе [1]).

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа совпала съ весьма напряженнымъ внѣшнимъ положеніемъ Литовско-Русскаго государства. Разоренное населеніе мѣстами не могло выплачивать въ господарскую казну падавшія на него подати и отправлять соотвѣтствующія повинности. Отсюда идутъ челобитія объ уменьшеніи повинностей или о разрѣшеніи безпошлинной торговли, какъ средства—дать возможность городу улучшить матеріальное положеніе и въ то же время быть исправнымъ плательщикомъ приходившихся на него господарскихъ податковъ. Правительство удовлетворяло эти просьбы согласно выраженнымъ населеніемъ желаніямъ, и, разумѣется, не могло этого не сдѣлать.

Освобожденіе отъ уплаты мыта, конечно, дѣлалось съ большой осторожностью.—Время и районъ таможеннаго иммунитета зависѣло отъ степени разоренія того или другого города. Мѣщане Рожскіе получили вольное мыто на 12 лѣтъ [2]). Таможенный иммунитетъ Браславскихъ мѣщанъ имѣлъ силу только втеченіе 5 лѣтъ. Браславскіе мѣщане, очевидно, меньше были разорены.

Поступая осторожно въ выдачѣ разрѣшенія на право безпошлинной торговли, правительство иногда было вынуждаемо расширить районъ своего иммунитета, такъ какъ послѣдній оказывался недостаточнымъ для населенія. Кричевскіе мѣщане, благодаря своему „знищенью", получили разрѣшеніе сухимъ и воднымъ путемъ „безмытно торговать по всему великому княжеству". Однако такой торговый иммунитетъ оказался недостаточнымъ. Правительству пришлось его расширить и разрѣшить „рѣкою Днепромъ, Сожомъ и Припетемъ и иншими реками, которые суть межи тыхъ рекъ, и сухимъ путемъ до замковъ нашихъ украинскихъ т. е. до Киева, Черкасъ, Канева и тежъ до Могилева и до иньшихъ замковъ надъ тыми и межи тыми реками ходити, и солию, рыбами, медомъ, краснымъ воскомъ, кожми, полотномъ и иными всякими живностями и иными товары торговати и въ замкахъ нашихъ Чичерску, Пропойску, Гомелю, Любечи и въ Чорнобыли

[1]) К. З., XXXVII, л. 398: LXXVI, л. 24.
[2]) К. З., XXXVII, л. 348.

и въ нашихъ замкахъ таковые товарья продавати“ [1]). Такъ правительству пришлось расширить свои первоначальные льготы. Касаясь теперь случайныхъ просьбъ объ отмѣнѣ, о дарованiи городамъ магдебургскаго права—приходится отмѣтить, что всѣ эти ходатайства удовлетворялись правительствомъ. По существу, другого отношенія и быть не могло, такъ какъ удовлетвореніе такихъ челобитій не задѣвало интересовъ господарскаго скарба, но зато улучшало положеніе города, что для правительства было важно по финансовымъ соображеніямъ [2]).

Изучая господарскіе отвѣты на челобитія отдѣльныхъ мѣщанъ, слѣдуетъ и тутъ отмѣтить весьма благожелательное къ нимъ отношеніе. Правительство готово было удовлетворить любую просьбу, если только для ея удовлетворенія были какія либо основанія. Такъ господарь отдалъ распоряженіе дать отмѣну войту мѣста Радунь, такъ какъ провѣрка его заявленія подтвердила все изложенное въ челобитіи; кромѣ того, господарь подтверждалъ волоки и земли, отведенныя мѣщанамъ распоряженіемъ старосты и воеводъ, подтверждалъ мѣщанскія купли, если только покупалась не господарская тяглая земля. Въ противномъ случаѣ, состоявшаяся сдѣлка не утверждалась. Такъ господарь не утвердилъ сдѣлки, совершенной между мозырскими мѣщанами Лавриномъ Раницовичемъ и Василіемъ, оставшимся безъ потомства, а потому добровольно продавшимъ свои волоки указанному выше мѣщанину. Господарь нашелъ, что мѣщанинъ не могъ продавать этихъ земель, ибо они господарскія. Но и такое рѣшеніе нельзя считать общепринятымъ [3]). Иногда господарь утверждалъ состоявшуюся сдѣлку съ перенесеніемъ на покупщика и тѣхъ повинностей, которыя лежали на проданныхъ волокахъ [4]). Почему господарь принималъ такое рѣшеніе—на это отвѣтить трудно за отсутствіемъ какихъ либо указаній въ источникахъ. Во всякомъ случаѣ, благожелательное отношеніе господаря къ мѣщанскимъ челобитіямъ на лицо, и это явленіе слѣдуетъ учитывать при оцѣнкѣ внутренней политики Сигизмунда II—Августа.

Подведемъ итоги. Аграрная реформа вносила серьезныя измѣненія въ положеніе непривилегированнаго мѣста и весьма су-

---

[1]) К. З., XLIX, л. 31.
[2]) К. З., LII, л. 17, 44.
[3]) К. З., XLVIII, л. 174.
[4]) К. З., XLVIII, л. 173.

щественно касалась городовъ, имѣвшихъ привилеи на магдебурское право. Установленіе платовъ и повинностей въ восточныхъ волостяхъ привело къ выдѣленію города въ отдѣльную отъ волости административную и хозяйственно-податную единицу. Осуществленіе аграрной реформы иногда задѣвало интересы, какъ цѣлаго города, такъ и отдѣльныхъ мѣщанъ. Для возстановленія нарушенныхъ правъ заинтересованные города и лица обращались къ господарю съ различными челобитьями, которыя, обыкновенно, удовлетворялись въ томъ случаѣ, если челобитчики могли представить документальное оправданіе своего ходатайства.

IV.

Аграрная реформа и церковь.

Отмѣна церковной десятины въ Западныхъ волостяхъ и замѣна ихъ волоками. Судьба дополнительныхъ церковныхъ доходовъ. Обезпеченіе церквей землей и полученіе ими отмѣны. Характеръ церковныхъ отмѣнъ. Обезпеченіе церквей землей въ городахъ, дворахъ и селахъ Кобринской экономіи, Пинскаго староства, Гродненской экономіи, Берестейскаго староства. Положеніе церкви въ Восточныхъ волостяхъ. Ходатайства церкви и господарскія на нихъ отвѣты.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа коснулась также и церкви обоихъ вѣроисповѣданій. Правда, это отношеніе было косвенное, но въ то же время оно серьезно задѣвало матеріальное положеніе церкви. Прежде всего въ господарскихъ дворахъ отмѣнялась та десятина, которая шла на церковь и которая ранѣе составляла основу матеріальнаго обезпеченія церкви. Но такъ какъ церковь надо было вознаградить чѣмъ нибудь, то вмѣсто десятины на содержаніе церкви отводилась одна или двѣ волоки, свободныя отъ всякихъ платежей. Впрочемъ, норму — двѣ волоки не слѣдуетъ считать обязательной. При опредѣленіи размѣровъ волоки приходилось сообразоваться съ размѣрами прежней десятины: доходы отъ волокъ должны были равняться прежней десятинѣ. На Кревскій костелъ давалась десятина съ господарскихъ пашенъ. Съ отмѣною ея господарь отвелъ ему $1^1/_2$ волоки, но допустилъ возможность и большаго надѣленія, лишь бы только доходы съ волокъ были равноцѣнны доходамъ съ господарскихъ пашенъ [1]). Въ другихъ случаяхъ господарское распоряженіе оказывалось менѣе расплывчатымъ, и на церковь отводилось большею частью двѣ волоки. Обыкновенно волоки отводились пустыя, не населенныя. Господарь не справлялся съ тѣмъ соотвѣтствуютъ

[1]) К. З.. XXXVII. л. 114.

ли доходы съ волокъ прежней десятинѣ или нѣтъ [1]). Виленскій тивунъ князь Матвѣй Богдановичъ Огинскій отвелъ кляштору Виленскаго монастыря св. Духа „двѣ волоки пустыхъ, тивунства Виленскаго двора Неменчины“ вмѣсто десятины „зъ жита и съ кождого збожья“, поступавшей на монастырь съ господарскаго сосѣдняго двора.

Эксплуатація волокъ предоставлялась усмотрѣнію самого духовенства, но правительство разрѣшало осаживать людей на пустыхъ волокахъ [2]). Но и норму двѣ волоки нельзя считать общераспространенной.

Возможны были отклоненія въ сторону большаго надѣленія. Послѣднее зависѣло отъ спеціальнаго разрѣшенія или распоряженія господаря. Такъ въ Упитской волости на плебанію Вѣденицкую было отведено 5 волокъ, но за нихъ приходилось вносить въ господарскій скарбъ чиншъ и отправлять нѣкоторыя натуральныя повинности [3]). Но въ то же время были надѣлы въ размѣрѣ 1 волоки.

Такъ на Мѣдницкій костелъ вмѣсто старой десятины была отведена только волока земли „пустая людьми неоселая“ [4]). Требованія уставы объ отводѣ волокъ вмѣсто десятины не всегда исполнялись ревизорами, и церкви иногда оставались безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія, что, конечно, не могло не ставить духовенство въ стѣсненное положеніе, изъ котораго выходили только посредствомъ возбужденія особаго ходатайства.

Мѣдницкій плебанъ костела „заложенія св. Троицы“ довелъ до свѣдѣнія господаря, что „за поданьемъ и уфундованьемъ литовскихъ великихъ князей, на костелъ отъ давныхъ часовъ, въ кождый годъ“ поступала десятина „житомъ и всякими яринами“. Съ производствомъ волочной помѣры и раздачей господарскихъ земель „на плате цыншу“, десятина перестала поступать на костелъ, который вслѣдствіе этого испытывалъ не „малую шкоду“. Поэтому, плебанъ обратился къ господарю съ челобитьемъ наградить его вмѣсто десятины „чимъ инъшимъ“ [5]).

Но церковь, кромѣ десятины, иногда пользовалась и другими, преимущественно денежными доходами. Предоставленіе нѣ-

---

1) К. З., XXXVII л. 361.
2) К З., XXXVII л., 397.
3) К. З., XXXVII, л. 396.
4) К. З., XXXIX, л. 143.
5) К. З., XLIII, л. 63.

которыхъ доходовъ въ распоряженіе церкви всегда дѣлалось по спеціальному господарскому распоряженію, съ каковой цѣлью церкви выдавался особый листъ. Для правительства такой листъ имѣлъ принудительное значеніе, и если даже иногда ревизоры съ нимъ не считались, то правительство, по возбужденіи соотвѣтствующаго ходатайства, всегда возстанавливало нарушенныя права церкви.

Господарю приходилось отыскивать источникъ для выдачи соотвѣтствующихъ денегъ. Обыкновенно, эти деньги выдавались изъ суммъ той или другой державы, управитель которой получалъ отъ господаря соотвѣтствующее распоряженіе. На Крожскую плебанію, кромѣ десятины, поступало еще 14 копъ грошей, которые перестали выдавать плебаніи. Но господарское распоряженіе предписало мѣстному державцѣ возстановить нарушенное право и изъ суммъ Крожской державы выдавать плебаніи слѣдуемую ей сумму [1]). За церковью эти добавочные доходы сохранялись и въ томъ случаѣ, если они были пожалованы церкви какимъ либо частнымъ лицомъ, имѣніе котораго впослѣдствіе становилось „спадковымъ". Такъ, послѣ перехода двора Трабъ отъ Гаштольдовъ къ господарю, послѣднимъ было оставлено трабскому плебану наданье Гаштольда въ размѣрѣ 500 копъ грошей, которые выдавались изъ доходовъ, получаемыхъ съ „капщизмы" [2]). Точно также церковь сохраняла и тѣ натуральные податки, которые раньше наступали на ея содержаніе. Правда, теперь эти податки были положены на деньги, а потому церковь получала отъ мѣстнаго державцы соотвѣтствующее вознагражденіе, равноцѣнное натуральнымъ податкамъ. Такъ плебанъ Ожскій получалъ на церковь изъ медовой дани городенской 6 мѣдницъ и 2 камени воску. Правительство отдало распоряженіе мѣстному державцѣ выдавать костелу пѣнязи, оцѣнивая камень воску въ копу грошей, а мѣдницу меда—въ зависимости отъ рыночной цѣны [3]). Конечно, трудно установить, было ли это явленіе общимъ правиломъ, или оно дѣйствовало въ видѣ исключенія, какъ результатъ особенной господарской милости. Отмѣна десятины, выдаваемой на церковь, не была безусловной и окончательной. Иногда церковь возбуждала спеціальное ходатайство объ ея оставленіи, но удовлетвореніе такой просьбы слѣдуетъ разсматривать какъ особое „наданье", вы-

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 150.
[2]) К. З., XXXIX, л. 166.
[3]) К. З., XXXVII, л. 362.

званное, по всей вѣроятности, какими нибудь чрезмѣрными обстоятельствами. Пробощъ Бѣльскій получилъ разрѣшеніе получать десятину съ двухъ бѣльскихъ фольварковъ, измѣренныхъ на волоки только по возбужденіи спеціальнаго ходатайства [1]). Правда, эти фольварки были „новомѣренные". Церковь не могла развить хозяйства на своихъ земляхъ. По всей вѣроятности, доходовъ съ двухъ волокъ не хватало. Этимъ и можно объяснить отступленіе отъ началъ уставы о волокахъ. Наконецъ, церковь получала разрѣшеніе брать изъ лѣсу — дрова и матеріалъ „для будованья, и на потребу дворную". Но для этого требовалось спеціальное разрѣшеніе, такъ какъ всѣ господарскія пущи были описаны, и входы въ нихъ были запрещены постороннимъ лицамъ и учрежденіямъ. Конечно, церкви, находившіяся при господарскихъ дворахъ, безъ всякаго труда получали соотвѣтствующую разрѣшеніе.

Во время производства аграрной реформы, вѣроятно, общее количество церквей, находившихся при господарскихъ дворахъ и мѣстахъ, было значительно. Когда устраивались мѣста, то для удовлетворенія религіозныхъ потребностей населенія выстраивалась церковь и, независимо отъ того, была ли она православная или католическая, на ея содержаніе отводилось двѣ волоки [2]).

Матеріальное обезпеченіе церквей и духовенства въ дореформенное время выражалось не только въ полученіи десятины и другихъ доходовъ. Большею частью церковь являлась болѣе или менѣе крупнымъ землевладѣльцемъ, могущимъ подтвердить свое право на владѣніе соотвѣтствующими документами. И церковныя земли, наравнѣ со шляхетскими, приписывались къ господарскимъ землямъ [3]), и имъ за это давалась отмѣна, если только учрежденіе могло представить соотвѣтствующіе документы. Въ противномъ случаѣ, отмѣна не давалась, и земля, какъ незаконно захваченная церковью, отбиралась на господаря. Впрочемъ, такихъ случаевъ встрѣчалось мало. Церкви было труднѣе, чѣмъ шляхтичу, захватить господарскія земли. Но все таки случаи захвата бывали. Когда Владимірскій городничій панъ Михайло Тихоновичъ Козицкій производилъ измѣреніе „на волоки у владимирскаго замка", то присоединилъ къ господарскому двору не мало „земель церковныхъ владычествъ володимерскаго и иныхъ цер-

[1]) К. З., XXXVII, л. 372.
[2]) К. З., XXXVII, л. 317.
[3]) К. З., XXXVII, л 151, XLVIII, л. 107.

квей володимерскихъ“ и, измѣривъ на волоки, раздалъ ихъ на платѣ. Съ такими дѣйствіями Козицкаго не могло помириться эпархіальное духовенство во главѣ съ Владимирскимъ владыкой и, доказывая свое право на эти земли, ходатайствовало объ ихъ возвращеніи.

Однако разборъ дѣла показалъ, что истцы не имѣли никакихъ правъ на землю и не представили поэтому никакихъ документовъ, такъ что владѣніе ими землями оказалось держаньемъ „безъ данины“; поэтому въ искѣ духовенству было отказано, и земли остались во владѣніи господарскаго дьяка [1]). По существу рѣшеніе господаря было совершенно справедливо, и пострадавшимъ церквамъ, подобно шляхтичамъ, приходилось отказаться отъ возможности получить эти земли обратно. Если даже допустить, что подобный захватъ земли былъ случайнымъ явленіемъ, то такого рода факты только лишній разъ иллюстрируютъ, какъ сильно было развито въ Литвѣ захватное землевладѣніе въ дореформенный періодъ, и какъ необходима была провѣрка правъ на землю, которую предприняло литовско-русское правительство. Въ связи съ вопросомъ объ отмѣнѣ было бы желательно выяснить, какъ производилась отмѣна и не было ли въ данномъ случаѣ какихъ либо злоупотребленій. Къ сожалѣнію, данныхъ для выясненія почти нѣтъ. Указаній на ходатайства духовенства объ отмѣнѣ почти не сохранилось. Слѣдовательно, церкви получали соотвѣтствующую отмѣну, и послѣдняя, за немногими исключеніями не вызывала никакихъ возраженій.

Но всеже были случаи, когда господарскіе ревизоры не давали никакой отмѣны, хотя на это не имѣли никакого права. Такъ господарскіе дворяне панъ Иванъ Сопѣга и панъ Авраамъ Куцевичъ, „померяючи кгрунты въ Швинтянахъ“, отобрали на господаря „немало. земли у плебана“ и, по окончаніи помѣры, ушли, не давъ, однако, отмѣны. Но то же время можно отмѣтить, что при производствѣ отмѣны правительство обнаруживало далеко неодинаковое отношеніе къ духовенству католическому и православному. Когда приходилось для округленія господарскихъ земель взять часть земель Виленскаго бискупа Валеріана, то правительство вознаградило его должнымъ образомъ, такъ что епископъ имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ состоявшейся сдѣлкой [2]).

[1]) К. З., XLI, л. 225.
[2]) К. З., XXXVII л. 151.

Впрочемъ, такое отношеніе не всегда было свойственно литовско-русскому правительству. Сохранившіяся данныя о ревизіи Пинскаго староства позволяютъ утверждать, что вообще при производствѣ реформы церковь страдала не менѣе, чѣмъ шляхетство, получая отмѣну землей далеко не одинаковаго качества. Такъ, настоятель Пинскій, ксендзъ Николай держалъ подъ городомъ до производства аграрной реформы 7 в. 3 м. и $1^1/_2$ прут., изъ числа которыхъ 26 мор. $5^1/_2$ прутовъ было земли хорошаго качества и посредственнаго 6 в. 6 м. 26 прут. При измѣреніи на волоки, ему была дана отмѣна въ количествѣ 2 морговъ огородной земли и 1 волоки хорошей земли. Впрочемъ, эта отмѣна считалась временной, пока не будетъ дано полной отмѣны. Срокъ отвода полной отмѣны не былъ отмѣченъ даже приблизительно; во всякомъ случаѣ, даже временное неполученіе 6 в. и $5^1/_2$ прут. должно было нанести пинскому настоятелю немалый ущербъ [1]). У Лещинскаго архимандрита Онуфрія Павловича было всего въ разныхъ мѣстахъ 4 в. 15 м. $16^1/_2$ п., а между тѣмъ ему была дана только 1 волока хорошей земли; слѣдовательно, осталось недоданнымъ 3 в. 15 м. $16^1/_2$ пр. Правда, вся земля была посредственнаго качества, но даже отводъ одной хорошей волоки нисколько не улучшалъ экономическаго положенія Лещинскаго архимандрита [2]). Въ другихъ случахъ правительство почему то сразу не давало отмѣны, и это обстоятельство являлось, конечно, серьезнымъ правонарушеніемъ. Замковому священнику Якову Тереханович былъ данъ только 1 моргъ хорошей огородной земли, хотя въ его распоряженіи было 2 в. 19 м. 12 пр. большею частью земли посредственнаго качества [3]). Не получилъ также отмѣны и другой замковый священникъ, Богданъ Суличичъ. Правда, у этого священника оказались еще земли, не вымѣренныя, и измѣреніе ихъ было отложено до весны. Но во всякомъ случаѣ, ему не было дано отмѣны за измѣренныя земли. Всего отошло: 2 в. 22 мор. $20^1/_2$ прут.—посредственной земли 2 в. 8 м. 29 пр. и 13 м. $21^1/_2$ прутъ негодной. Нельзя же сказать, что одна волока земли для посѣва и 1 моргъ хорошей земли подъ огородъ являются совершенно достаточными для отмѣны. Впрочемъ и составитель книги признаетъ, что полная отмѣна будетъ дана впослѣдствіи, хотя срокъ

---

[1]) Писц. Кн. Пин. Стар. II стр. 553.
[2]) Ibid., стр. 555.
[3]) Ibid., стр. 557.

для отвода полной отмѣны въ ней не отмѣчается, а такое неопредѣленное обѣщаніе, конечно, не было утѣшительно [1]). Замковый дьяконъ Константинъ Карповичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи земли 1 вол. 3 пр. посредственнаго качества. Однако, ему отмѣна не была дана, если не считать предоставленія ему 1 морга хорошей огородной земли [2]). У Спасскаго владычнаго священника Ивана Захаровича было отобрано для городскихъ волокъ — 1 в. 1 м. $12^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества. Данная ему отмѣна равнялась 15 м. посредственнаго качества и 15 м. негоднаго грунта. Составитель книги признаетъ эту отмѣну недостаточной, такъ какъ ему не додано 1 м. $12^1/_2$ пр. и кромѣ того, земля священника была лучше и ближе лежала, чѣмъ земли, полученныя въ видѣ отмѣны [3]). Недостаточную отмѣну получилъ также Юрій Кузмичъ, Варваринскій священникъ. Ему не было додано 13 прутовъ [4]). Михайло Ивановичъ, Онуфріевскій священникъ, у котораго отобрали 1 в. 19 м. $25^1/_2$ пр. земли больше частью посредственнаго качества, не получилъ никакой отмѣны. Впрочемъ, ему была дана временно 1 пустопорожняя волока для засѣва ржи впредь до окончательнаго удовлетворенія [5]).

Такое преднамѣренное оставленіе отвода отмѣны на будущее можно считать не случайностью, вызванной тѣми или другими обстоятельствами, а цѣлой системой; причемъ, главнымъ образомъ, не получали отмѣны священники православной вѣры, въ чемъ, можетъ быть, можно видѣть нѣкоторый антагонизмъ и отраженіе взаимныхъ отношеній католицизма и православія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Иногда правительственные агенты не давали отмѣны въ видѣ наказанія. Такъ, Никольскимъ священникамъ, Ивану и Семену Моисеевичамъ и Ивану Антоновичу отмѣна не была дана только потому, что они „не предъявляли своихъ земель и домогались ея въ то время, когда производилась таковая другимъ священникамъ по назначенію“ [6]). Федоровскій священникъ Яковъ Никитичъ не получилъ отмѣны „по причинѣ его невниманія и непослушанія“ [7]), а Михайловскій священ-

---

[1]) Ibid., стр. 557.
[2]) Ibid., стр. 559.
[3]) Ibid., стр. 559.
[4]) Ibid., стр. 563.
[5]) Ibid., стр. 563.
[6]) Ibid., стр. 561.
[7]) Ibid., стр. 561.

никъ Өедоръ Львовичъ—„по причинѣ его невниманія и строптивости“ [1]). Богданъ и Самойло, Воскресенскіе священники не получили отмѣны „по причинѣ своей небрежности и невниманія“, такъ какъ не хотѣли брать предложенной отмѣны [2]). Такое невольное наказаніе слѣдуетъ признать самоуправствомъ со стороны правительственныхъ агентовъ, ибо въ уставѣ о волокахъ имъ были даны инструкціи другого характера. И если правительственные агенты могли такъ поступать и даже объявить о своемъ отношеніи въ офиціальномъ документѣ, очевидно они прекрасно понимали, что такая ихъ дѣятельность не встрѣтитъ никакого критическаго отношенія со стороны правительства, опять таки благодаря его вѣроисповѣдной окраскѣ. Впрочемъ, на основаніи только данныхъ Писцовой книги Пинскаго староства нельзя дѣлать какихъ бы то ни было заключеній относительно дѣйствій правительственныхъ агентовъ въ другихъ частяхъ территоріи Литовско-Русскаго государства, ибо не сохранились данныя относительно отмѣнъ, отведенныхъ въ другихъ частяхъ государства. Но предположеніе, что такого рода отношеніе къ земельнымъ правамъ православнаго духовенства не случайность, а цѣлая система, имѣетъ за собою нѣкоторыя основанія, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ религіозному антагонизму въ государствѣ, не успокоенному и привилеемъ 1563 г. Относясь, быть можетъ, отрицательно къ землевладѣнію православныхъ священниковъ, господарскіе агенты, однако, должны были принять соотвѣтствующія мѣры къ обезпеченію церквей землями взамѣнъ десятины и другихъ повинностей, ибо въ противномъ случаѣ, за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, могло бы прекратиться отправленіе церковныхъ службъ, а это обстоятельство было конечно, нежелательно для правительства. Обезпечивая церкви землями въ западныхъ областяхъ, правительство вообще очень скупо расходуетъ земельный матеріалъ, ограничиваясь только отведеніемъ минимальнаго земельнаго надѣла. Волоки, которыя получало духовенство въ свое распоряженіе, были свободными отъ всякихъ повинностей. Это слѣдуетъ сказать относительно только тѣхъ земель, какія отводились для удовлетворенія потребностей церкви. Если же въ рукахъ духовенства находились излишки земли, такъ или иначе попавшіе въ его руки, то оно было принуждено платить чиншъ, если только дер-

[1]) Ibid., стр. 563.
[2]) Ibid., стр. 761.

жатели такихъ волокъ не располагали какимъ либо отдѣльнымъ распоряженіемъ правительства. Всѣ церкви Кобринскаго мѣста были надѣлены 2 волоками съ надбавкой незначительнаго числа морговъ, благодаря плохому по качеству грунту.—Двѣ волоки—это обычная норма земельнаго надѣла, отводимаго церквамъ. Кромѣ того, діаконъ Спасскій отдѣльно получилъ двѣ волоки [1]). Не получила только особаго надѣленія Кобринская Спасская церковь, но это обстоятельство, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что Спасская церковь имѣла особую фундушевую запись на два участка земли и, слѣдовательно, матеріально была обезпечена [2]). Такое же двухъ-волочное надѣленіе получила церковь въ мѣстѣ Добучинъ [3]) и вмѣстѣ Городецъ [4]). Кромѣ волокъ церковь иногда получала въ городѣ нѣкоторое количество усадебныхъ прутовъ вольныхъ отъ всякихъ податей [5]). Также были надѣлены и сельскія церкви. Такъ церковь двора Черевачичи получила въ пользованіе двѣ волоки земли [6]). Церковь въ селѣ Слонимцы получила надѣленіе тремя волоками, но такое надѣленіе сверхъ нормы объясняется тѣмъ, что церковь имѣла особое пожалованіе отъ короля [7]). Церковь села Малечъ была надѣлена двумя волоками [8]). Такимъ образомъ, на протяженіи всего Кобринскаго староства была принята одна норма. Кромѣ того, священники иногда получали нѣкоторое количество морговъ „на приселеніе". Такъ попы церкви двора Черевачичи получили по 2 морга „на приселеніе", вольныхъ отъ платежей [9]). Священники другихъ церквей такихъ морговъ на приселеніе не получали. Надѣленіе церквей волоками нисколько не лишало священниковъ права держать волоки на платѣ [10]). Конечно, арендованіе волокъ духовенствомъ было возможно, по всей вѣроятности, только въ томъ случаѣ, если наличныя волоки не могли быть распредѣлены среди крестьянства того или другого села.

---

[1]) Ревиз. Коб. Экон., стр. 27, 7.
[2]) Ibid., стр. 307.
[3]) Ibid., стр. 160.
[4]) Ibid., стр. 275.
[5]) Ibid., стр. 268.
[6]) Рев. Коб. Экон., стр. 106.
[7]) Ibid., стр. 172.
[8]) Ibid., стр. 211.
[9]) Ibid., стр. 106.
[10]) Ibid., стр. 172.

Городъ Пинскъ, конечно, значительно больше по размѣрамъ въ сравненіи съ мѣстами Кобринской экономіи. Въ городѣ находились—епископская кафедра, нѣсколько церквей и монастырей. Поэтому, извѣстное количество городской земли отводилось подъ дворы церковныхъ лицъ. Отводимые имъ пруты были свободны отъ платежа повинностей. Размѣры дворовъ духовенства зависѣли отъ іерархическаго положенія церковнаго чина. Такъ, подъ дворъ Пинскаго епископа отводилось 15 прутовъ [1]), игумена 12 прутовъ [2]), католическаго монастыря 9 прутовъ [3]), игумена Лещинскаго монастыря 10 прутовъ [4]).

Что же касается „усадебныхъ" прутовъ священниковъ, то, конечно, они значительно меньше. На одну церковь приходилось отъ 1 прута до 3, свободныхъ отъ всякихъ платежей [5]). Правда, въ одномъ случаѣ Дмитровскому священнику Якову Васильевичу было отведено 8 прутовъ подъ домъ, но эти пруты были отведены, по всей вѣроятности подъ причтъ Дмитровской церкви [6]).

Матеріальное положеніе Пинскаго епископа обезпечивалось доходами, поступавшими въ епископскую казну съ мѣщанъ, сидѣвшихъ на епископской городской землѣ, въ количествѣ „257 прутовъ селитебныхъ и $29^1/_2$ огородныхъ" [7]). Точно также и Пинскій монастырь имѣлъ мѣщанъ, сидѣвшихъ на монастырской землѣ, но размѣры этого землевладѣнія были ничтожны — всего $27^1/_2$ селитебныхъ прутовъ; слѣдовательно, доходы пинскаго монастыря въ данномъ случаѣ не могли быть особенно велики [8]).

Для матеріальнаго обезпеченія священниковъ въ ихъ пользованіи отводилось нѣкоторое количество огородной земли, освобожденной отъ всякихъ платовъ. Нѣкоторые изъ этихъ огородовъ были замѣной земель отобранныхъ на господаря; другіе же, видимо, отводились впервые. Что же касается величины огородныхъ участковъ, то минимальный надѣлъ равняется 30 прутамъ, максимальный—90 [9]). Но въ предѣлахъ и этихъ нормъ существо-

---

1) Писц. Кн. Пин. Стар. 1, стр. 9.
2) Ibid., стр. 13.
3) Ibid., стр. 35, 39.
4) Ibid., стр. 9.
5) Ibid., стр. 9.
6) Ibid., стр. 37.
7) Ibid., стр. 71.
8) Ibid., стр. 73.
9) Ibid., стр. 77, 79, 81, 87.

вало неравенство. Надѣлъ въ 60 прутовъ отводился и одному священнику, и причту всей церкви, и группѣ священниковъ, въ составъ которой входило 6 человѣкъ. Слѣдовательно, при равномъ правѣ всѣхъ на эксплуатацію, на каждаго изъ этихъ коллективныхъ держателей прутовой земли приходилось по 10 прутовъ [1]). Правда, двумъ изъ этой группы священникамъ даны дополнительныя надѣленія въ размѣрѣ 30 прутовъ, такъ что въ ихъ рукахъ всего оказалось по 40 прутовъ [2]).

Кромѣ огородныхъ прутовъ въ распоряженіе группы городскихъ священниковъ, были предоставлены въ пользованіе 4 мѣстскія волоки [3]). Волоки, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ, были свободны отъ платежа чинша. Что же касается сельскихъ священниковъ, то обезпеченіе ихъ также было далеко не одинаково. Такъ церковь, приписанная къ Селецкому господарскому двору, была обезпечена 2 волоками, а церковь двора Ставецкаго получила въ свое пользованіе только одну волоку [4]). Чѣмъ объясняется такая разница—неизвѣстно. Изъ Писцовой книги не видно, чтобы церковь Ставецкаго двора пользовалась какими либо иными доходами. На церковь при фольваркѣ Дружиловскомъ было отведено 2 волоки. Впрочемъ вся земля была негоднаго качества [5]). Въ городѣ Гродно всѣ пять церквей матеріально были обезпечены одинаково. Въ ихъ пользованіе было отведено по 2 мѣстскихъ волоки [6]). Матеріальное же обезпеченіе сельскихъ церквей въ Гродненской экономіи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Церковь Преображенья въ селѣ Хомутовѣ была обезпечена волоками, огородами, гаями. Къ сожалѣнію, пропажа листовъ подлинника не позволяетъ болѣе точно выяснить размѣръ этого обезпеченія [7]). На церковь св. Георгія въ селѣ Некрашевичахъ былъ отведенъ особый застѣнокъ въ количествѣ 2 вол., 5 м. [8]). Церковь св. Николая въ селѣ Лашѣ была обезпечена тремя волоками „добраго грунта", свободными отъ платежей [9]). Въ Гродненской экономіи было нѣсколько мѣсте-

[1]) Ibid., стр. 77.
[2]) Ibid., стр. 81.
[3]) Ibid., стр. 99, 101.
[4]) Ibid., стр. 121, 271.
[5]) Ibid. т. II, стр. 7.
[6]) Писц. кн. Гродн. экон. II, стр. 87.
[7]) Ibid. I, стр. 64, 66.
[8]) Ibid., стр. 83.
[9]) Ibid., стр. 448.

чекъ, въ которыхъ находились церкви, матеріальное обезпеченіе которыхъ сильно разнилось другъ отъ друга. Плебанъ Мостовскій держалъ 80 прутовъ, изъ нихъ 40 огородныхъ, 40 „селидебныхъ" [1]). Въ распоряженіи Новодворскаго плебана находилось 28 прутовъ [2]). Кромѣ того, къ Новодворской плебаніи приписывалась 1 вольная волока и нѣкоторое количество сѣнокосной земли [3]). Плебаны Одельскій и Волненскій владѣли сѣножатями и грунтами [4]). Въ Бропскомъ и Саражскомъ староствѣ на содержаніе церквей отводилось отъ $^{1}/_{2}$ до 1 волоки [5]). Матеріальное обезпеченіе священниковъ г. Нарвы въ Бѣльскомъ повѣтѣ заключалось въ 5 прутахъ усадебной земли и 12 прутахъ огородной земли въ одномъ мѣстѣ и 1 моргѣ огородной земли въ другомъ мѣстѣ [6]). Кромѣ того, въ распоряженіе священника была представлена 1 волока [7]). Въ мѣстечкѣ Пещатка Берестейскаго староства была принята иная система матеріальнаго обезпеченія священниковъ. На церковь отводилось $3^{1}/_{2}$ прута усадебной земли и 4 прута огородной [8]), да еще священнику отдѣльно $2^{1}/_{2}$ огородныхъ прута [9]). Такъ обезпечивался православный священникъ. Католическій плебанъ получалъ много больше—5 прутовъ усадебной и 14 прутовъ огородной земли [10]). Кромѣ того, на церковь вообще отводилось двѣ волоки очень плохого болотистого грунта [11]). Въ мѣстечкѣ Дивинъ Берестейскаго староства на церковь отводилось двѣ вольныя волоки плохого качества почвы [12]). Въ мѣстѣ Ломазово и католическая церковь и православная получаютъ для пользованья по 2 волоки 20 прутовъ,—правда земля по качеству довольно низкая [13]). Кромѣ того, имъ отводится нѣкоторое количество усадебныхъ и огородныхъ прутовъ [14]). Такимъ же образомъ было обезпеченіе

---

1) Ibid., стр. 156.
2) Ibid., стр. 240.
3) Ibid., стр. 249, 250.
4) Ibid., стр. 440, 575.
5) А. В. К. стр. 26, 49, 50.
6) Ibid, стр. 65. 68.
7) Ibid., стр. 69.
8) Ibid., стр. 87.
9) Ibid., стр. 88.
10) Ibid., стр. 90.
11) Ibid., стр. 96.
12) Д. А. М. Ю. I, стр. 284.
13) Ibid., стр. 348.
14) Ibid., стр. 336.

духовенство и въ мѣстѣ Милейчицы [1]. Здѣсь на церковь отводилось двѣ волоки, помимо нѣсколькихъ огородныхъ прутовъ. Въ томъ же мѣстѣ оказалась и католическая церковь. Матеріально она была обезпечена много лучше православныхъ. На костелъ отводилось 165 огородныхъ прутовъ и 3 мѣстскихъ волоки, и столько же волокъ плебанъ получалъ въ свое пользованье въ видѣ вознагражденія за десятину [2]. Конечно, въ такомъ неравенствѣ въ обезпеченіи церквей землями нельзя не видѣть особеннаго покровительственнаго отношенія къ католической церкви.

Церкви и костелы Берестья занимали въ городѣ нѣкоторую площадь, свободную отъ всякихъ платежей; при этомъ монастыри и различныя церковныя учрежденія занимали территорію значительную большую, чѣмъ обыкновенныя церкви. Такъ подъ костелъ съ госпиталемъ было отведено 20 прутовъ, и 20 прутовъ на огородъ; а подъ кляшторъ съ костеломъ 30 прутовъ [3]. Точно также и православный Рождественскій монастырь занималъ довольно значительное пространство—65 прутовъ [4]. Территорія, занимаемая только церквами, была сравнительно небольшая.

Одна только Михайловская церковь занимала 30 прутовъ [5], площадь, находившаяся подъ Троицкой церковью, равнялась только 10 прутамъ [6]. Столько же прутовъ было отведено и подъ костелъ св. Доротеи [7]. На костелъ св. Варвары, па Спасскую и Пятницкую церкви было отведено только по 5 прутовъ [8]. Территорія, занятая церквами и церковными учрежденіями, была свободна отъ уплаты какихъ либо взносовъ.

Матеріальное обезпеченіе духовенства въ Берестьѣ было не одинаково. Духовенство католическое въ общемъ было обезпечено лучше. Католическій бискупъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два фольварка, правда плохой земли, размѣромъ около 20 волокъ [9]. Кромѣ того, въ городской чертѣ бискупу принадлежало довольно значительное количество прутовъ, дававшихъ

---

1) Ibid., стр. 418.
2) Ibid., стр. 418, 411.
3) Д. А. М. Ю. стр. 209,211.
4) Д. А. М. Ю. стр. 224.
5) Д. А. М. Ю. стр. 217.
6) Д. А. М. Ю. стр. 209.
7) Д. А. М. Ю. стр. 224.
8) Д. А. М. Ю. стр. 210,217,227.
9) Д. А. М. Ю. стр. 235.

епископской кафедрѣ нѣкоторый доходъ [1]). Подъ дворъ капеллана костела св. Варвары было отведено $3^1/_2$ прута и кромѣ того въ его распоряженіи находилось 30 прутовъ огородной земли [2]). Затѣмъ, тотъ же костелъ имѣлъ въ городѣ территорію, сдававшуюся въ аренду [3]).

Площади дворовъ и огороды православныхъ священниковъ были меньше католическихъ по размѣрамъ. Величина двора колебалась между $^1/_2$ и 5 прутами [4]). Впрочемъ, большею частью подъ дворъ православнаго священника отводилось отъ $1^1/_2$—2 прутовъ [5]). Огородные участки имѣли не всѣ священники и размѣры ихъ не превышали $1^1/_2$ прута [6]). Исключеніе составляетъ свящ. Воскресенской церкви, располагавшій 5 прутами огородной земли [7]). Кромѣ того, на церкви Спасскую и Безмезницкую въ селѣ Лебедево было отведено по 2 волоки, свободныя отъ платежей [8]).

Что же касается сельскихъ церквей, то и онѣ въ Берестейскомъ староствѣ были обезпечены двумя волоками [9]). Но и эта норма не обязательна. Иногда церковь получала только одну волоку, да и то въ значительно уменьшенномъ видѣ. Такъ въ селѣ Олтушъ церковная волока равнялась только 22 мор. 9 прут. [10]). Впрочемъ, вообще въ этомъ селѣ волоки не полныя. Но такія неполныя волоки—это исключеніе [11]).

Приведенныя данныя относительно матеріальнаго обезпеченія церквей позволяютъ придти къ заключенію, что „двухъ-волочная норма", принятая для матеріальнаго обезпеченія церквей тѣхъ мѣстностей, гдѣ была произведена реформа, и гдѣ были отмѣнены церковныя десятины, не была однообразной и обязательной для всей территоріи великаго княжества. Были отклоненія въ сторону отъ этой нормы, и мѣстами очень существенныя. Чѣмъ объясняется такое отклоненіе отъ нормы,—въ настоящее время сказать

1) Д. А. М. Ю. I стр. 224.
2) Д. А. М. Ю. I стр. 215.
3) Д. А. М. Ю. I стр. 210,215,216.
4) Д. А. М. Ю. стр. 206,217,227.
5) Д. А. М. Ю. стр. 206.
6) Д. А. М. Ю. стр. 206,210,217.
7) Д. А. М. Ю. стр. 214.
8) Д. А. М. Ю. стр. 241.
9) Д. А. М. Ю. I стр. 245, 247, 265, 299, 318, 360. 392, 431.
10) Д. А. М. Ю. стр. 310.
11) Д. А. М. Ю. стр. 312.

трудно. Тѣ же приведенныя данныя даютъ нѣкоторый матеріалъ и для характеристики религіозной политики литовско-русскаго правительства. Бросающееся иногда въ глаза сравнительно лучшее обезпеченіе матеріальнаго положенія католической церкви является отраженіемъ той религіозной политики, которой литовско-русское правительство придерживалось по отношенію къ православнымъ во второй половинѣ XVI вѣка.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа сначала не коснулась русскихъ волостей. Поэтому система установленія „платовъ“, принятая здѣсь взамѣнъ производства волочного измѣренія, не внесла ничего новаго въ положеніе церкви. Церковь попрежнему владѣла тѣми же землями, которыя ранѣе находились въ ея распоряженіи, и получала тѣ же доходы, что и раньше. Несомнѣнно, что при установленіи платовъ производилась и провѣрка правъ на землю съ цѣлью убѣдиться, не владѣетъ ли церковь какими либо земельными излишками. По всей вѣроятности, земельныя владѣнія церкви не были обезпечены какими либо юридическими документами, ибо, при провѣркѣ правъ на землю, приходилось обращаться къ помощи волостныхъ старцевъ и волостныхъ людей, какъ представителей волости, знакомыхъ съ распредѣленіемъ въ предѣлахъ ея земельной собственности. При этомъ господарскіе ревизоры выдавали церкви соотвѣтствующій листъ, закрѣплявшій за церковью ея земельныя права и становившійся источникомъ земельнаго права для будущаго. И, конечно, съ нимъ считалось правительство. Когда священникъ Кричевской державы, Афанасій Васильевичъ хлопоталъ въ 1583 г. передъ господаремъ объ оставленіи при церкви, при которой онъ находился, той земли, которая къ ней была приписана, то ему пришлось представить листъ, выданный его предшественнику Григоріемъ Воловичемъ и Николаемъ Нарушевичемъ въ 1560 г. и который удостовѣрялъ, „ижъ въ рокъ 1560 окт. 18, будучи они до замку Кричовскаго для становенья платовъ и всякихъ пожитковъ“, поступавшихъ въ господарскій скарбъ, „отъ старца и некоторыхъ мужовъ волости“ взяли вѣдомость, „ижъ две пустовщины земли, названныя Заречынская и Уголковская, здавна ку тою церкви поданы были“ [1]). За церковью остаются ея владѣнія. Это было общее правило, которое распростанялось и на города восточныхъ областей. Новоназначенные священники, ходатайствуя

---

[1]) К. З., LXXIII., л. 1.

объ утвержденіи ихъ на мѣстѣ, просили обыкновенно, чтобы земли, которыми церковь издавна владѣла, оставались въ ея владѣніи [1]). Если возникали судебныя дѣла относительно права церкви владѣть тѣми или другими землями, то, если отвѣтчикамъ удавалось доказать изстаринность ихъ владѣній, они всегда, надо полагать, выигрывали дѣло. Выданный отвѣтчикамъ судебный приговоръ имѣлъ для церкви такое же юридическое значеніе, какъ и листы, выдаваемые Григоріемъ Воловичемъ и Николаемъ Нарушевичемъ [2]).

Несмотря на то, что церковь владѣла старинными землями— что установилось и обычаемъ, и административной практикой— тѣмъ не менѣе не всегда церковь спокойно ими владѣла, ибо встрѣчала посягательства на нихъ со стороны мѣстной администраціи. Такія дѣйствія администраціи явно незаконны. Правительство само признавало это, подтверждая за священниками тѣ земли, которыя издавна были приписаны къ церкви, какъ это видно изъ дѣла священника Спасскаго въ Кричевѣ, хлопотавшаго объ оставленіи за церковью „землицы", которая „за продковъ его, бывшихъ священниковъ", была къ ней приписана, но была отобрана мѣстнымъ державцемъ. Видимо, державца поступилъ совершенно противозаконно, ибо правительству пришлось удовлетворить просьбу священника и оставить за нимъ просимыя земли [3]).

Каково бы ни было отношеніе правительства къ земельнымъ правамъ церкви, ей приходилось быть постоянно на-сторожѣ и защищать свои владѣнія отъ неожиданныхъ часто нападеній. Таково было отношеніе правительства къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи церквей и духовенства въ восточныхъ областяхъ.

Аграрная реформа Сигизмунда - Августа существенно задѣвала земельныя права церкви и духовенства. Ревизоры, конечно, приволачивали къ господарскому двору церковныя земли и, вопреки уставѣ о волокахъ, не давали церкви и духовенству слушной и ровной отмѣны. Само собой разумѣется, что церкви оставалось только жаловаться центральному правительству на его же агентовъ и ходатайствовать передъ нимъ о возстановленіи нарушеннаго права. Случаи присоединенія церковныхъ земель къ

---

[1]) К. З., LXXIV, л. 86.
[2]) К. С. Д., XLIV., л. 43.
[3]) К. З., LXXIII, л. 75.

господарскимъ безъ соотвѣтствующаго вознагражденія были довольно часты. По крайней мѣрѣ, нерѣдко встрѣчаются господарскія резолюціи въ отвѣтъ на челобитія духовенства. Ходатайства духовенства объ отмѣнѣ однообразны. Церковь владѣла землей. Ревизоры отобрали ее и ушли, не давъ за нее отмѣны. Неполученіе отмѣны ставило приходское духовенство въ весьма стѣсненное матеріальное положеніе и часто лишало его возможности правильно совершать церковныя службы, такъ что челобитія духовенства объ отмѣнѣ были важны правительству съ двоякой стороны: правовой и религіозной. Это прекрасно понимали сами челобитчики. Такъ плебанъ Швинтянской волости жаловался на господарскихъ дворянъ Ивана Сопѣгу и Авраама Кунцевича потому, что они, „помераючи кгрунты на волоки въ Швинтянахъ", взяли у него немало земли и затѣмъ уѣхали, не давъ никакой отмѣны. Поэтому Швинтянскій плебанъ хлопоталъ передъ Сигизмундомъ-Августомъ объ отводѣ ему слушной отмѣны[1]). Но не всегда отмѣна, данная церкви, вполнѣ удовлетворяла духовенство. Если церковь владѣла землей не на основаніи господарскихъ пожалованій, а только въ силу распоряженій администраціи, то такія земли отписывались на господаря, а ревизоры отводили церкви то количество волокъ, которое полагалось по уставѣ. Если случалось, что церковь владѣла раньше бо́льшимъ количествомъ волокъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ей полагалось по уставѣ, то представители церкви хлопотали передъ господаремъ объ оставленіи за ними прежнихъ волокъ, хотя подобное ходатайство не имѣло никакихъ юридическихъ основаній и, слѣдовательно, челобитчики могли разсчитывать исключительно на господарскую ласку. Такъ при производствѣ первоначально волочного измѣренія въ Берестейской волости ревизоры отвели для церкви села Войны три волоки и, кромѣ того, подданные того села согласились давать отъ себя десятину съ каждой волоки. Это пожалованье было записано на пергаментѣ, но, не утвержденное господаремъ, не имѣло никакой юридической силы. Когда производилъ новую ревизію панъ Иванъ Сапѣга, руководившійся нормами уставы, то несоотвѣтствіе и противорѣчіе уставу было замѣчено. Ревизоръ далъ церкви только двѣ волоки, „водле уставы господарской". Конечно, церковь не могла съ этимъ помириться, и священникъ хлопоталъ объ оставленіи его „при тыхъ волокахъ, ему

---

1) К. З., XLVIII л. 104.

данныхъ, и при той десятинѣ [1]). Шаткость своей позиціи сознавалъ, по всей вѣроятности, и самъ челобитчикъ, ибо въ господарскомъ отвѣтѣ нельзя найти никакихъ слѣдовъ юридическаго основанія его челобитія. Но въ практикѣ аграрной реформы могъ быть и такой случай, когда количество земли, отведенной ревизорами на церковь, не соотвѣтствовало нормѣ, принятой уставомъ о волокахъ. Въ такомъ случаѣ священникъ хлопоталъ о доведеніи надѣла до нормы двухъ волокъ. Такъ, на церковь Святаго Спаса, приписанную къ селу Пинскаго замка, ревизоръ отвелъ только 1 вол. 19 мор. 20 прут. Священникъ же подалъ челобитіе о добавленіи „до двухъ полныхъ волокъ" [2]). Священники, получившіе отъ ревизоровъ „поповскія волоки", спѣшили подать господарю челобитіе объ оставленіи за ними этихъ волокъ на поживенье" [3]). Точно также духовенство подавало господарю челобитіе съ просьбой объ подтвержденіи за ними волокъ, отданныхъ имъ въ качествѣ отмѣны. При производствѣ ревизіи въ Городенскомъ староствѣ у плебана городенскаго отобрали на господаря 5 волокъ 17 мор. 11 прут., за что ему была дана отмѣна землями, смежными съ плебанскимъ дворомъ. Дано ему 6 вол. 13 мор. 25 пр., такъ какъ отобранныя земли были лучше по качеству. Господарскіе врядники дали духовенству соотвѣтствующій „квитъ", который былъ представленъ господарю для подтвержденія [4]). Случалось также, что ревизоры отписывали на господаря земли, не давая за это отмѣны, если церковь владѣла землями незаконнымъ образомъ. И въ такомъ случаѣ духовенство подавало господарю челобитіе съ жалобой на дѣйствія ревизора. И такія жалобы считать единичными отнюдь не приходится. Такъ, Владимирскій священникъ при церкви св. Ѳеодора Иванъ Михалковичъ представилъ господарю листъ, выданный его предшественнику, на основаніи котораго церковь спокойно владѣла полями и сѣножатями [5]). Этотъ листъ былъ господаремъ подтвержденъ. Тѣмъ не менѣе владимірскій городничій панъ Михайло Тихоновичъ Козицкій помѣрилъ на волоки и эти земли и раздалъ ихъ на платѣ господарскимъ подданнымъ. Впрочемъ, не вся церковная земля была размѣрена. Небольшой островокъ и дворище въ селѣ Ѳедоровцы

---

[1]) К. З., XXXVIII, л. 178.
[2]) К. З., XLVIII, л. 198.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 573.
[4]) К. З., XLI, л. 160.
[5]) К. З., XXXVII, л. 207.

не были измѣрены на волоки, какъ лежавшіе далеко отъ другихъ господарскихъ волокъ. Поэтому городничій счелъ возможнымъ оставить эти земли за церковью. Отобраніе церковной земли было по существу законно. Земля была дана господаремъ не въ собственность, а въ пользованье. Кромѣ того, священникъ не представилъ ревизору соотвѣтствующихъ документовъ, и городничій имѣлъ двойное основаніе присоединить эти земли къ господарскимъ волокамъ. Правоту дѣйствій ревизора почувствовалъ и самъ священникъ. Подавая господарю челобитіе, онъ проситъ господаря оставить за нимъ тѣ земли, которыя были даны ему городничимъ, но при этомъ прибавляетъ ходатайство о вѣчности владѣнія, чтобы въ будущемъ не могло быть никакихъ недоразуній съ господарскими агентами. Къ тому же земли эти для интересовъ господарскаго хозяйства не представляли никакого значенія, а потому челобитчикъ могъ разсчитывать на удовлетвореніе его просьбы [1]).

Боязнь лишиться земель, отведенныхъ ревизорами церкви, была, кажется, довольно распространенной среди литовско-русскаго духовенства. Это заставляло его позаботиться о ненарушимости владѣнія, если послѣднее не имѣло вѣчности. Конечно, такія ходатайства подавались господарю довольно часто и при преемникахъ Сигизмунда II. Священникъ церкви св. Троицы, основанной въ Кричовѣ, представилъ Сигизмунду III листъ, выданный его предшественникамъ господарскими ревизорами паномъ Григоріемъ Воловичемъ и паномъ Николаемъ Нарушевичемъ, согласно которому на церковь отводилось двѣ пустовщины. Священникъ ходатайствовалъ объ ихъ подтвержденіи, и это челобитіе имѣло основаніе, такъ какъ, при производствѣ волочной помѣры въ русскихъ волостяхъ, эти земли могли бы быть отписаны на господаря, и церковь была бы поставлена въ стѣсненное положеніе [2]). Такія челобитія подавались даже тогда, когда просителямъ не грозило ни откуда никакой опасности, и трудно выяснить тѣ мотивы, которыми руководились челобитчики, возбуждая ходатайство передъ господаремъ. Въ Берестейскомъ староствѣ аграрная реформа была окончена къ 60 г. Всѣ церкви получили соотвѣтствующее земельное надѣленіе. Былъ составленъ реестръ, который закрѣпилъ всѣ отведенныя пожалованія. И тѣмъ не ме-

---

[1]) К. З., XLI л., 287.
[2]) К. З., LXXIII, л. 1.—LXXIII, л. 76.